

**ВОПРОСЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

ВЫПУСК 2

**ДНЕПРОПЕТРОВСК
1975**

СОДЕРЖАНИЕ

Историография

В. Я. Борщевский. Время установления Советской власти в Харькове (литература, источники)	3
В. Г. Пикалов. Вопросы истории советского строительства на Украине 1918—1930 гг. в современной историографии	14
В. И. Чесноков. В. И. Невский и некоторые вопросы истории социал-демократического движения в России 1883 — начала 90-х годов XIX века	25
Ю. В. Назаренко. Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией в трудах советских историков накануне Великой Отечественной войны	39
А. К. Швидько. Проблемы социально-экономического развития феодальных городов Украины в украинской советской историографии	51
Т. А. Полё. Вопросы палеографии в трудах дворянских историков XVIII — первой четверти XIX в.	67
Ю. А. Мыцык. Вопросы изучения «Кройники» Феодосия Софоновича в историографии	76
А. М. Гугнин. Истина и ее критерий в истории	93

Источниковедение

А. А. Кравченко. Обзор источников по интернациональным связям и международной солидарности трудящихся Украинской ССР с пролетариатом зарубежных стран в 1921—1932 гг.	102
Н. П. Ковальский. Акт 1603 года раздела владений князей Острожских как исторический источник	113
Н. Ф. Кучернюк. «Мартовские статьи» 1654 г. как источник по истории воссоединения Украины с Россией	138
Л. Г. Болебрух. К вопросу о реакционной политике царизма в области идеологии в конце XVIII в.	153
М. Т. Сокол. Судьба двух городов в истории исследования «Песни о полку Игореве»	160
М. Т. Сокол. Топоним «Море» в «Песне о полку Игореве»	168

В. Я. БОРЩЕВСКИЙ

ВРЕМЯ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ХАРЬКОВЕ

(литература, источники)

Советская историческая литература уделяла и уделяет большое внимание истории установления Советской власти в Харькове, откуда фактически началось триумфальное шествие Октябрьской революции на Украине. На эту тему написаны специальные работы — (статьи и книги): А. П. Лещенко «Борьба за установление Советской власти в Харькове»; К. К. Шиян «Діяльність Харківської Ради робітничих солдатських депутатів»; В. Астахов, Ю. Кондуфор «Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября»; Е. И. Мошняга «Більшовики Харків в Жовтневій революції» и другие. В этой литературе освещены важнейшие события, происходившие в Харькове в рассматриваемый период, а также основные вопросы методологического характера.

Вместе с тем, как в специальной, так и в общей литературе по рассматриваемому вопросу нет единого, общего мнения о времени (дате) установления Советской власти в Харькове. Одни авторы считают, что установление Советской власти в Харькове произошло тогда, когда Харьковский Совет принял первую большевистскую резолюцию о власти, 10 ноября¹. В свое время эту точку зрения защищала А. П. Лещенко, отмечая, что: «10 ноября 1917 года стало знаменательной датой в жизни трудящихся Харькова. В этот день рабочие и революционные солдаты в городе установили Советскую власть»². Е. И. Мошняга пишет: «Отныне 10 ноября в Харькове была установлена Советская власть»³.

¹ Все даты в статье даны по старому стилю.

² Лещенко А. П. Борьба за установление Советской власти в Харькове. — В сб.: Установление Советской власти на местах в 1917—1918 гг. М., 1953.

³ Мошняга Е. И. Більшовики Харкова в Жовтневій революції. Харків, 1959, с. 169.

В сборнике рассматриваются актуальные, но недостаточно разработанные в исторической литературе вопросы историографии и источниковедения, как советского, так и досоветского периода.

В статьях историографического характера рассматриваются такие проблемы советской исторической науки, как социалистическое строительство на Украине, социал-демократическое движение в России в конце XIX в., социально-экономическое развитие феодальных городов на Украине и другие вопросы советской историографии.

Новые аспекты источниковедения представлены в статьях по историческим источникам. Анализируются источники по вопросу интернациональных связей и международной солидарности трудящихся Украинской ССР с пролетариатом зарубежных стран (20—начало 30-х годов), документы по истории воссоединения Украины с Россией 1654 г. и другим проблемам XVII ст.

Статьи сборника рассчитаны на историков—преподавателей вузов и школ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

профессор Борщевский В. Я. (ответственный редактор), доцент Карпенко Н. Ф. (зам. ответственного редактора), доцент Ковальский Н. П., доцент Шевцов В. И. (ответственный секретарь).

Другие исследователи полагают, что Советская власть в Харькове была установлена в конце ноября. Так, в 1963 г. в журнале «Исторические записки» была опубликована специальная статья В. В. Фарсоби́на «О времени установления Советской власти в Харькове», где говорится, что «Харьковский Совет постепенно захватил власть». И далее: «Заметным этот процесс стал после 10 ноября и постепенно усиливаясь, привел к установлению Советской власти в конце ноября»⁴. В. Астахов и Ю. Кондуфор в своей вышеназванной работе время установления Советской власти в Харькове связывают с событиями, имевшими место в городе 8 и 9 декабря 1917 года⁵. Они пишут, что с этого момента «Жизнью в городе безраздельно начал руководить Совет рабочих и солдатских депутатов»⁶.

В литературе этого же периода (50 — начала 60-х годов) сложилась еще одна точка зрения по данному вопросу, согласно которой Советская власть в Харькове была установлена 10 декабря 1917 года⁷.

Ни одна из приведенных точек зрения в нашей литературе не стала общепризнанной. Еще и поныне в трудах исторической литературы по этому вопросу обнаруживается большой разнобой.

В 1967 г. издательством «Наукова думка» был издан обстоятельный коллективный двухтомный труд «Победа Октябрьской революции на Украине», подготовленный Институтом истории АН УССР. В первом томе этой работы на странице 96 в связи с событиями, имевшими место в Харькове 8, 9, 10 декабря, отмечается, что «власть Советов в Харькове окрепла» и что «борьба за власть Советов вступила на новую фазу»⁸.

⁴ Фарсоби́н В. В. О времени установления Советской власти в Харькове. — «Исторические записки», 1963, № 73, с. 285.

⁵ Красногвардейские отряды в ночь с 8 на 9 декабря 1917 года разоружили части Центральной Рады.

⁶ Астахов В. А., Кондуфор Ю. Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября. Харьков, 1957, с. 171.

⁷ История гражданской войны в СССР. Т. 3. М., Госполитиздат, 1958, с. 65—66; Борщевский В. Я. Рабочий класс и Советы Донецко-Крипорожского бассейна в Октябрьской революции. Ч. II, Днепронетровск, 1962, с. 84.

⁸ Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні. Т. 2. К., «Наукова думка», 1967, с. 96.

В том же 1967 г. издательство политической литературы Украины выпустило не менее авторитетный трехтомный коллективный труд под названием «Українська РСР в період громадянської війни 1917—1920 рр.». В этой работе по нашему вопросу буквально записано следующее: «10 ноября 1917 года является датой установления Советской власти в Харькове»⁹.

Следовательно, и в настоящее время по вопросу установления Советской власти в Харькове существует, по меньшей мере, две точки зрения — 10 ноября и 10 декабря 1917 года. Объясняется создавшееся положение сложностью и противоречивостью событий, развернувшихся в Харькове сразу же после победы вооруженного восстания в Петрограде. Дело в том, что Харьковский Совет, начиная с 26 октября, затем в ноябре и начале декабря 1917 года несколько раз подходил к такому моменту, когда власть, казалось, переходила в его руки, но каждый раз этому препятствовали внушительные, в том числе и вооруженные силы контрреволюции и срывали установление Советской власти в городе и губернии.

В 50-х годах наша источниковедческая база была несколько узковата для решения столь простого на первый взгляд, но весьма сложного по существу вопроса, о котором идет речь. В настоящее время эта база несколько расширилась. По интересующему вопросу получены новые дополнительные сведения, извлеченные из газет, ранее еще не использованные.

Для того, чтобы проследить, как и когда Харьковский Совет взял власть в свои руки, необходимо прежде всего еще раз рассмотреть политическую обстановку, сложившуюся в дни Октября, расстановку классовых сил в городе. Власть принадлежала губернскому Комиссару с его канцелярией старых чиновников, Городской думе и Городской управе. Большинство в Совете были эсеро-меньшевики, которые отклонили резолюцию большевиков, требовавших установления Советской власти, и вместе с тем в первые дни Октября создали, так называемый, Военно-революционный комитет. В нем большевикам предоставлялось всего лишь несколько мест. Более того, преобладающими в Военно-революционном комитете оказались представители украинских националистических партий — 30 человек из 60. В свою очередь Военно-революционный комитет создал свой узкий руководящий

⁹ Українська РСР в період Германської війни 1917—1920 рр. Т. I, с. 124—125.

орган, состоявший из 9 человек, где большевикам отводилось только 2 места.

Военно-революционный комитет вместо того, чтобы представлять Совет, создавший его, и направлять всю свою деятельность на ликвидацию буржуазных органов власти, пошел по другому пути — по пути поддержки и укрепления буржуазных учреждений, подчинения их контрреволюционной Центральной радс. 3 ноября он опубликовал воззвание к населению, в котором говорилось: «Харьковский Военно-революционный комитет представляет волю Центральной украинской рады, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Городской думы и других революционно-демократических организаций»¹⁰.

Комментария этот документ не требует. Слова «Советов...» в него были внесены с демагогическими целями. Четко и ясно, в соответствии с интересами буржуазии Военно-революционный комитет сформулировал и свои задачи: «потушить гражданскую войну», т. е. предотвратить революцию и объединить все силы контрреволюции, органы Центральной рады, Городской думы и другие.

В конце этого воззвания говорилось: «Комитет будет сохранять в городе спокойствие и дисциплину»¹¹.

Такова была программа Военно-революционного комитета, явно ставшего на путь объединения всех сил контрреволюции и предотвращения установления в городе и губернии Советской власти. Но дело не только и не столько в Военно-революционном комитете, сколько в том, что к этому времени в Харькове уже появились контрреволюционные вооруженные силы в лице войск Центральной рады 28-го, позже 2-го украинского полка, бронеавтодивизиона и нескольких других петлюровских отрядов.

Этим объясняется и тот самоуверенный тон всевозможных призывов, воззваний, с которыми выступал Военно-революционный комитет.

Националистические войска были собраны Центральной радой в Харькове не столько для того, чтобы охранять «порядок», о чем писал Военно-революционный комитет, а прежде всего, для того чтобы при удобном случае напасть на Красную гвардию и другие организации рабочих и разгромить их. Один из организаторов Красной гвардии Харькова П. И. Чепурнов в своих воспоминаниях писал об этом: «Рас-

¹⁰ «Социал-демократ», 1917, № 181, 3 ноября.

¹¹ Там же.

полагая 28-м украинским полком и автоброневым дивизионом, Городская дума открыто пыталась выступить против нас»¹².

В такой обстановке большевики, рабочие города развернули борьбу за Советы и переход в их руки всей полноты власти. Рабочие решительно потребовали переизбрать Совет и изгнать из его состава эсеро-меньшевиков и прочих соглашателей, сорвавших установление Советской власти в городе в октябрьские дни. Более того, рабочие наиболее крупных заводов не стали ждать согласия эсеро-меньшевистского большинства Совета на общие перевыборы, а 7 и 8 ноября переизбрали своих депутатов, отозвав меньшевиков, эсеров и вместо них избрали большевиков. В результате положение большевиков в Совете как никогда окрепло.

Однако и после этого большевики Харькова еще не имели в Совете большинства голосов. В сложившихся условиях 10 ноября состоялся пленум Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов. Соблюдая большую осторожность, большевики на повестку дня пленума снова поставили вопрос о власти под названием «Вопрос о реорганизации Советов». А фактически шла речь о власти Советов. Докладчик — большевик Ерухимович говорил: «Совет должен принять такую форму, которая позволит ему осуществить контроль над всеми существующими организациями с непосредственным подчинением всех контролируемых органов Советов»¹³. Большевики поддерживали беспартийные депутаты Совета и левые эсеры. Левый эсер Живов, горячо отстаивая предложение большевиков, говорил, что предложенная докладчиком «организация Совета заменит чиновничий бюрократический аппарат»¹⁴. Поэтому все попытки правых эсеров, меньшевиков и украинских буржуазных националистов отвести большевистскую резолюцию по этому вопросу потерпели провал. За большевистскую резолюцию было подано 148 голосов, против всего 27. Сообщалось, что против голосовали украинские С.-Р. (эсеры) и интернационалисты (меньшевики)¹⁵.

Таким образом Харьковский Совет впервые принял большевистскую резолюцию о власти. Но значит ли это, что власть действительно перешла в руки Совета? Нет, не значит. Для того, чтобы это решение мог осуществить Совет, необхо-

¹² Харьков в 1917 году. Харьковское областное издательство, 1957, с. 61.

¹³ «Земля и Воля», 1917, № 182, 11 ноября.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

димо было ликвидировать «чиновничий бюрократический аппарат» власти, т. е. буржуазные органы власти, а также ликвидировать контрреволюционные буржуазно-националистические вооруженные силы, на которые опиралась вся буржуазия со своей думой, Городской управой, губернским комиссаром. Контрреволюция оказывала отчаянное сопротивление рабочим, требовавшим установления Советской власти.

Украинский социал-демократ Петренко на пленуме Совета открыто угрожал всем сторонникам Советской власти применить вооруженную силу, заявив, что «они столкнутся с украинскими социалистами»¹⁶, т. е. с петлюровскими войсками.

Угроза Петренко — не пустое заявление. Как только было опубликовано решение пленума Совета о власти, немедленно были приведены в движение все силы контрреволюции. 14 ноября состоялось «Объединенное заседание» националистической верхушки 2-го украинского полка, где была принята угрожающая резолюция в адрес рабочих, солдат, борцов за власть Советов. В ней говорилось: «Всеми силами поддерживать украинскую Центральную раду и ни в коем случае не позволить Совету рабочих и солдатских депутатов руководить страной»¹⁷. Контрреволюционный, буржуазный, националистический характер этих сборищ врагов Советской власти совершенно очевиден.

В этот же день состоялось собрание националистов харьковской железной дороги. Они приняли такую же примерно резолюцию, как и националисты 2-го украинского полка, в которой говорилось: «Всеми способами поддерживать Центральную раду»¹⁸.

Политическая атмосфера в городе достигла величайшего напряжения и положение было таково, что контрреволюция готова была в любую минуту броситься в атаку. В своих воспоминаниях П. Попов пишет, что в Харькове «настроение петлюровцев день ото дня становилось все более агрессивным»¹⁹.

Совершенно очевидно, что в таких условиях Харьковский Совет одним только постановлением взять власть в свои руки не мог. Одно можно сказать бесспорно, что 10 ноября

¹⁶ «Земля и Воля», 1917, № 182, 11 ноября.

¹⁷ «Известия Юга», 1917, № 204, 19 ноября.

¹⁸ Там же, № 208, 25 ноября.

¹⁹ 1917 год в Харькове. Сб. статей и воспоминаний. Х., «Пролетарий», 1927.

Харьковский Совет сделал серьезную заявку на власть. На рабочим, красногвардейским отрядам, широким массам трудящихся Харькова, руководимых большевиками, еще предстояло выдержать тяжелую борьбу со всеми силами контрреволюции, прежде чем в городе и губернии можно было провозгласить Советскую власть. Опираясь на поддержку рабочих, широких масс трудящихся большевики Харькова упорно вели борьбу за Советы и установление Советской власти. 24 ноября они одержали новую большую победу. Был переизбран исполнительный комитет Совета, который по большинству мест в нем стал большевистским. Председателем Президиума Совета был избран руководитель харьковских большевиков Артем (Ф. А. Сергеев)²⁰.

Но и теперь власть в руки Советов не перешла. О том, какова была политическая обстановка в Харькове и положение городского Совета в это время сравнительно полно рассказал в своем докладе Живов, сделанном на заседании Совета того же 24 ноября.

Он говорил: «Совету все время приходилось принимать участие в решении всех отраслей харьковской жизни, но как только он намеревался проводить свои постановления, то встречал отпор тех царских чиновников, которые и теперь еще во всех учреждениях. Если Совет фактически желает проводить свою власть, то ему необходимо иметь живые нити во всех учреждениях. Комиссия по разработке проекта, принимая во внимание, что еще не по всей стране существует власть Советов, и в частности неизвестно, кому подчиняется Харьков — Петрограду или Центральной раде, положила в основу проекта такое положение, что какая бы Центральная власть не образовалась в Петрограде, она сможет осуществить свою власть в Харькове только через Советы рабочих и солдатских депутатов»²¹. Этот доклад о Советах, сделанный Живовым, был утвержден Советом в качестве резолюции. В постановлении Совета по этому вопросу сказано: «Совет принимает проект комиссии»²². Следовательно, Совет «намеревался проводить свои постановления», но препятствовали этому силы контрреволюции, продолжавшие держать в своих руках командные посты в Городской думе, в канцелярии губернского комиссара, на железной дороге, почтамте, телеграфе и других государственных учреждениях. Более того,

²⁰ «Известия Юга», 1917, № 209, 26 ноября.

²¹ Там же.

²² Там же.

контрреволюция в это время не только сдавала свои позиции, но еще больше усилила атаки против Советов.

3 декабря состоялось экстренное совместное заседание так называемого «Губернского комитета спасения родины» с представителями, как официально сообщалось, «правительственных, кредитных и общественных учреждений»²³. На заседании решался вопрос «об организации власти как общегубернской, так и на местах» и было решено перенести этот вопрос на рассмотрение съезда земств и городов (городских дум) Харьковской губернии, начавшего работу 2 декабря. В работе съезда приняли активное участие представители губернского комитета спасения революции. На этом сборище украинской буржуазно-националистической и всероссийской контрреволюции было принято решение всячески укреплять органы власти Центральной рады и противодействовать установлению Советской власти. В резолюции съезда указывалось: «Украинская рада является в данный момент краевой организационной властью, противостоящая большевистскому захвату власти»²⁴. При этом следует подчеркнуть, что это сборище контрреволюции проходило не тайно, а открыто. Его работу и постановления широко рекламировала буржуазная пресса — газета «Южный край» и другие.

Буржуазия явно готовилась к открытому выступлению. Необходимо отметить и тот факт, что в Харькове в это время собралось немало контрреволюционных элементов — заводчиков, фабрикантов и офицеров, бежавших с центральной части России, где уже была установлена Советская власть. Один из участников Октябрьской революции в Харькове И. А. Жолдак в своих воспоминаниях об этом писал: «В дни Октябрьской революции в Харькове различными путями, под различными предлогами продолжали пребывать белогвардейские офицеры, украинские буржуазные националисты. Гостиницы, рестораны и кафе были переполнены контрреволюционерами, готовыми при первом благоприятном случае выступить с оружием в руках против Советской власти»²⁵.

Контрреволюции противостояли рабочие, широкие массы трудящихся, силы которых неизменно росли. К концу ноября в отрядах харьковской Красной гвардии насчитывалось около 3500 человек²⁶. Вместе с отрядами Красной гвардии шли

солдаты 30-го и 232-го революционных полков, в составе которых насчитывалось более 650 солдат²⁷. Все это пугало буржуазию и она лихорадочно собирала свои силы.

В это время политическая атмосфера в городе достигла своего высшего накала. Классовые противоречия, которые как никогда раньше обострились, нашли свое отражение и в Военно-революционном комитете. Там непрерывно шла борьба между революционным направлением и контрреволюционным — украинскими буржуазными националистами, эсерами-меньшевиками и прочими защитниками буржуазии.

Характеризуя обстановку, сложившуюся в Военно-революционном комитете, К. К. Шиян в одной из своих работ справедливо пишет, что «в начале декабря 1917 года в составе Харьковского Военно-революционного комитета возникли два враждебных лагеря: революционный и контрреволюционный. Оба лагеря готовились к вооруженной борьбе»²⁸. Столкновение сил революции и контрреволюции стало неизбежным, что и произошло 8—9 декабря.

События, развернувшиеся в Харькове 8—9 декабря, в литературе уже освещались²⁹. Здесь отметим только наиболее важные моменты. В ночь с 7 на 8 декабря на харьковский вокзал прибыл эшелон советских войск с севера под командованием Р. С. Сиверса. Это были красногвардейцы и матросы, направляемые Советским правительством на борьбу с Калединым. В Харькове было решено создать штаб этих войск. Прибытие советских войск всполошило всю харьковскую контрреволюцию. На вокзал поспешили губернский комиссар Попов и начальник гарнизона Чеботарев, потребовавшие, чтобы советские войска оставили Харьков. Одновременно городской голова, меньшевики, правые эсеры, думцы, буржуазные националисты и представители прочих «демократических» организаций создали комиссию по урегулированию «конфликта». Они готовы были принять все «выставленные большевиками требования»³⁰, только бы вывести из Харькова советские войска.

Тем временем к центру города потянулись красногвардейские отряды и вместе с ними «прибывшие из Петрограда войска». «Стягивались постепенно войска, пулеметы и пушки

²⁷ ЦГАОР СССР. Т. I, д. 4, л. 67, с. 458.

²⁸ Шиян К. К. Діяльність Харківської Ради робітничих і солдатських депутатів. — «Учені записки». Т. XXXIX. Труды історичного ф-ту. Т. 6. Харків, Вид-во Харківського університету, 1957, с. 261.

²⁹ Астахов А., Кондуфор Ю. Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября, с. 165—171 и др.

³⁰ «Земля и Воля», 1917, № 204, 10 декабря.

²³ В Харькове были сосредоточены правления многих крупнейших монополистических объединений Юга страны.

²⁴ «Южный край», вечерний выпуск, 1917, № 14347, 5 декабря.

²⁵ ЦГАОР СССР, с. 458, т. I, д. 4, л. 67.

²⁶ Харьков в 1917 году. Харьковское областное издательство, 1957, с. 73.

к пагорбной части Харькова, где по Мироносецкой улице квартировал броневой отряд»³¹ (петлюровский бронедивизион). Перевес в силах явно оказался на стороне красногвардейцев и матросов. Петлюровцы вынуждены были без боя сложить оружие. С их стороны «сопротивления никакого не было оказано»³².

Вооруженные силы контрреволюции были ликвидированы мирным путем, без вооруженных столкновений. В одной из корреспонденций сообщалось, «что никаких эксцессов и столкновений в городе не было, если не считать случайного выстрела в дворянском собрании»³³. Бронесавтомобиль был разоружен. В. А. Антонов-Овсеенко, прибывший в Харьков 11 декабря в качестве Наркома по борьбе с контрреволюцией на Юге страны, позже в своих воспоминаниях об этом писал, что радовцы «не посмели шелухнуться»³⁴. Был приведен в подчинение и 2-й украинский полк. До разоружения здесь дело не дошло. В. А. Антонов-Овсеенко в одном из письменных докладов о событиях в Харькове писал В. И. Ленину: «2-му украинскому полку отрядом Сиверса было предложено демократизироваться — часть офицеров разбежалась, кое-кто был арестован, пачальство было выбрано»³⁵. Уже 9 декабря весь город контролировался революционными войсками и красногвардейцами. В газетах писалось: «Город не как-нибудь, а как бы на военном положении. Ходят вооруженные отряды красногвардейцев, матросов и пр., носятся автомобили с вооруженными людьми, телефонная и телеграфная станции заняты»³⁶.

Так была разоружена и ликвидирована вооруженная сила харьковской контрреволюции. В ходе этих событий разрушались и ликвидировались все городские, а также губернские органы буржуазной власти — канцелярия губернского комиссара, городского головы. В один день распался и перестал существовать так называемый Военно-революционный комитет. Власть перешла к победившим рабочим, солдатам, матросам, к их революционным организациям.

Первым делом в городе был создан новый, подлинно революционный комитет, получивший название «Военно-революционный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьян-

ских депутатов». В его состав вошли большевики В. И. Межлаук, М. Л. Рухимович и др. Председателем был избран Артем (Ф. А. Сергеев).

Власть в городе и губернии перешла в руки Совета и его органа Военно-революционного комитета. 10 декабря на своем первом заседании Военно-революционный комитет принял решение о власти, где говорилось: «Издать объявление к населению о переходе власти к новому Военно-революционному комитету»³⁷. Представители Совета предложили Городской думе принять такую резолюцию: «Власть Военно-революционного комитета распространяется на город Харьков и губернию и исключает всякую власть комиссаров, штабов, и других комитетов»³⁸.

Одновременно думе предлагалось послать своих представителей в Военно-революционный комитет. Но дума большинством голосов (за—23, против—31) отклонила это предложение, однако теперь без городского головы и без войска веса в городе она не имела.

К концу дня 10 декабря состоялось объединенное заседание «исполнительных комитетов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Стоял вопрос об объединении исполнительных комитетов Совета рабочих и солдатских депутатов с Советом крестьянских депутатов»³⁹. 12 декабря исполнительные комитеты Советов продолжили свою работу. «Обсуждался вопрос с реорганизации и слиянии Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в одно целое как власть для всей Харьковской губернии»⁴⁰.

Из всего вышесказанного вытекает, что Советская власть в Харькове была установлена не 10 ноября и не 24 ноября, а 10 декабря 1917 года.

Это единственно правильная точка зрения, которая подтверждается всеми имеющимися в нашем распоряжении источниками, часть из которых ранее не была использована.

³¹ «Земля и Воля», 1917, № 204, 10 декабря.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне.

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 658/с, оп. 1, д. 4, л. 67.

³⁶ «Земля и Воля», 1917, № 204, 10 декабря.

³⁷ «Земля и Воля», 1917, № 205, 12 декабря.

³⁸ Там же.

³⁹ «Известия Юга», 1917, № 220, 12 декабря.

⁴⁰ «Известия Юга», 1917, № 222, 14 декабря.

В. Г. ПИКАЛОВ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

НА УКРАИНЕ 1918—1920 гг.

В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Советское строительство на Украине в период гражданской войны, используя большой исторический опыт советского строительства братской Советской России, внесло неоценимый вклад в завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. На Украине в 1918—1920 гг. оно прошло два периода. Первый — 1918—1919 гг. — время после изгнания германских, англо-французских интервентов и гетмана, время восстановления Советской власти. Второй период — 1919—1920 гг. — после разгрома Деникина, остатков Директории и окончательного восстановления Советской власти.

Изучение истории гражданской войны на Украине в литературе 20—40-х годов дало обильный материал о борьбе украинского народа против интервентов и внутренней контрреволюции. Следует отметить, что все работы данного периода повествуют в основном о ходе вооруженной борьбы. Целый ряд историографических исследований последних лет глубоко анализирует эту литературу¹.

Вопросы истории советского строительства на Украине в период гражданской войны стали предметом исследования только в послевоенный период².

¹ Шерман И. Л. Историография гражданской войны в СССР. Х., 1964; Пайда С. Ф., Наумов В. П. Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. М., 1966; Наумов В. П. Летопись героической борьбы. М., 1972 и др.

² Потарикіна Л. Л. Ревкоми Київського повіту як надзвичайні органи Радянської влади в період іноземної воєнної інтервенції та громадянської війни на Україні. — У кн.: Питання держави і права Української РСР. К., 1952, вип. I, с. 5—37; Стоян П. К. Перша конституція УРСР. — Наукові записки інституту історії АН УРСР, т. 5, 1953; Слизкий И. Ф. Ревкомы и комбеды в борьбе за установление и упрочение Советской власти (1918—1919 гг.). Автореферат. К., 1953 и др.

Новые задачи в изучении истории гражданской войны перед исторической наукой выдвинул XX съезд КПСС. В практику исторических исследований наряду с темой героической вооруженной борьбы нашего народа все больше внедряется тема советского строительства.

Значительное место отводится советскому строительству в общих работах по истории гражданской войны на Украине³.

По данной проблеме появляются специальные работы и монографии⁴. Большой археографический вклад в исследуемую проблему вносят новые фундаментальные издания документов и материалов⁵.

Современные общие и специальные работы, а также археографические издания по истории гражданской войны на Украине, содержат большой и в значительной части новый материал по истории советского строительства на Украине в 1918—1920 гг.

Цель данной статьи — рассмотреть в соответствии с принятой периодизацией историю советского строительства на Украине в годы гражданской войны.

Изучая историю гражданской войны в 1918—1920 гг., исследователи отмечают, что в этот период советское строительство проходило в исключительных условиях.

³ Рибалка І. К. Відновлення Радянської влади на Україні (1918—1919 рр.). Х., 1957; Колісник М. К. Відновлення і зміцнення Радянської влади на Україні (1919—1920 рр.). Х., 1958; Супруненко Н. І. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. М., 1966; Історія Української РСР. Т. 2. К., 1967; Українська РСР в період громадянської війни 1917—1920 рр. Т. 2. К., 1969 и др.

⁴ Бабій Б. М. Місцеві органи державної влади Української РСР в 1917—1920 рр. К., 1956; Потарикіна Л. Л. Ревкоми України в 1918—1920 рр. К., 1957; Куріцын В. М. Государственное сотрудничество между Украинской ССР и РСФСР в 1917—1922 гг. М., 1957; Алексеенко А. Г. Городские советы Украинской ССР. К., 1960; Загорський П. С., Стоян П. К. Нариси історії комітетів незаможних селян. К., 1960; Рогожин А. И. Очерки истории социалистической законности УССР в период интервенции и гражданской войны. Х., 1963; Макагон С., Ткач А., Цветков В. Розвиток радянської державності на Україні. К., 1966; Суслєв Д. С. Історія суду Радянської України в 1917—1967 рр. К., 1968; Павлюк М. І. Діяльність Всеукраїнському. — «Український історичний журнал», 1962, № 2; Шевченко П. А. Склад, нововваження і організація роботи ВУЦВК в 1919 р. — Питання історії народів СРСР, 1970, вип. 9; Рибалка І. К. З історії радянського будівництва на Україні в 1919 р. — У кн.: Великий Жовтень і громадянська війна на Україні. К., 1973 и др.

⁵ Радянське будівництво на Україні в роки громадянської війни (1918—1920 рр.). 36. документів і матеріалів. К., 1957; Радянське будівництво на Україні в роки громадянської війни (листопад 1918 — березень 1919). 36. документів. К., 1962 и др.

Так, в работе И. К. Рыбалки подчеркивается, что процесс восстановления Советской власти в 1918—1919 гг. усложнялся рядом условий: неоконченная война, ожесточенная борьба с Директорией, интервентами и белогвардейцами, кулацкими бандами⁶.

Во многих работах приводятся слова В. И. Ленина точно характеризующие историческую обстановку на Украине в рассматриваемый период. «Немцы, — говорил Ленин, — разорили Украину до такой степени, что там только начинает складываться кой-какой аппарат; там полный хаос. Худшие времена, когда мы сидели в Смольном в первые недели после Октябрьской революции и боролись с разрухой, ничто в сравнении с теми трудностями, которые переживает теперь Украина...»⁷. Не ограничиваясь лишь характеристикой положения, В. И. Ленин указывал на необходимость помощи Украине.

В историографии отмечается большая помощь Советской России, которую она оказывала Украине. И. К. Рыбалка приводит факты и цифры, свидетельствующие об огромной поддержке Советского правительства РСФСР, В. И. Ленина и ЦК РКП(б) возрождавшегося украинского советского государства⁸.

В литературе указывается, что в период восстановления Советской власти на Украине 1918—1919 гг. использовался как собственный опыт советского строительства в 1917—1918 гг., так и опыт Советской России. При этом, отмечает И. Л. Шерман, советское строительство на Украине не было простым повторением пройденного в РСФСР, ибо Украина в 1919 г. могла начать с тех этапов строительства, к которым в то время подошла Советская власть под руководством В. И. Ленина в России⁹.

«Решающее значение, — пишет И. К. Рыбалка, — русского советского строительства для Украины убедительно видно уже в первых государственных актах Советского правительства Украины: манифесте Временного рабоче-крестьянского правительства Украины и «Временном положении об организации рабоче-крестьянской власти на местах». Пер-

вый документ провозглашает исторические декреты Великой Октябрьской социалистической революции, второй — отмечает, что целью восстания является организация Советской власти в центре и на местах в соответствии с Конституцией РСФСР»¹⁰.

В историографии советского строительства большое внимание уделено Военно-революционному комитету — прямому предшественнику Советского правительства Украины¹¹. Однако в нашей литературе нет единой точки зрения о порядке и времени формирования, о составе Военно-революционного комитета.

Несмотря на имеющуюся противоречивость в изложении данного вопроса можно определить, что Центральный Военно-революционный комитет был создан первым съездом КП(б)У на основе правительственных органов, избранных вторым съездом Советов Украины. ЦВРК являлся чрезвычайным органом власти в условиях подполья и восстания.

История возобновления советского строительства на Украине в 1918—1919 гг. тесно связана с созданием Советского правительства. К сожалению, в литературе не освещается в полной мере история организации правительства Украины. Повсюду она начинается с описания первого заседания Временного рабоче-крестьянского правительства в г. Судже 28 ноября 1918 года. Тем не менее, история создания Советского правительства Украины тесно переплетается с историей создания и деятельностью Военно-революционного комитета. Фактическое подтверждение взаимосвязи и преемственности этих правительственных органов видно из содержания манифеста Временного рабоче-крестьянского правительства, подписанного Ворошиловым, Артемом, Квирингом, Авериным, Затонским, Коцюбинским и другими¹². Н. И. Супруненко отмечает, что ЦВРК прекратил свою деятельность в двадцатых числах ноября 1918 года в связи с формированием Временного рабоче-крестьянского правительства, к которому перешло руководство освободительной борьбой украинского народа¹³.

¹⁰ Рыбалка И. К. Указ. соч., с. 80—82.

¹¹ Потарикіна Л. Л. Ревкоми України в 1918—1919 рр. К., 1957; Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. М., 1966; Тичина В. Є. Борьба проти німецьких окупантів і внутрішньої контрреволюції на Україні у 1918 р. Х., 1969; Історія Української РСР. Т. 2. К., 1967 и др.

¹² Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. Изд. 2-е, 1919, № 1.

¹³ Супруненко Н. И. Указ. соч., с. 85.

⁶ Рыбалка И. К. Відновлення Радянської влади на Україні (1918—1919 рр.). Х., 1957, с. 76.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 38, с. 68—69.

⁸ Рыбалка И. К. Указ. соч., с. 77—78.

⁹ Шерман И. Л. До історії продовольчої політики Радянської влади на Україні в 1919 р. — «Наукові записки Харківського педагогічного інституту». Т. XII, 1951, с. 5.

В исследованиях Б. М. Бабия и И. К. Рыбалки показана огромная организаторская работа Временного рабоче-крестьянского правительства, направленная на создание местного аппарата Советской власти¹⁴. Б. М. Бабий подчеркивает большое значение декрета, принятого в конце 1918 г., который вводил «Временное положение об организации власти на местах»¹⁵. «Временное положение» предусматривало немедленную организацию на местах небольших подвижных военно-революционных комитетов, а в деревнях — комбедов.

13 января 1919 г. было опубликовано постановление правительства Украины об организации волостных и сельских комитетов бедноты (временное положение). И. К. Рыбалка и Б. М. Бабий указывают, что постановление направлено на организацию деревенской бедноты до момента установления Советской власти. Б. М. Бабий допускает ошибку, рассматривая это постановление в отрыве от декрета «Об организации Советской власти на местах» от 30 октября 1918 г. И. К. Рыбалка пишет, что оба эти документа взаимосвязаны и отражают порядок организации власти на местах в условиях освобождения Украины.

Неоценимый вклад в дело восстановления Советской власти и укрепления Украинского Советского государства внесли III съезд КП(б)У и III съезд Советов, работавшие в марте 1919 г. в г. Харькове.

В историографии отмечено, что III съезд КП(б)У определил главные задачи Коммунистической партии Украины в руководстве государственным и хозяйственным строительством, одобрил проект Конституции УССР, подчеркнул необходимость широкого использования опыта Советской России и дальнейшего укрепления братского союза советских народов: решения съезда отразили ленинскую политику сплочения батрачко-бедняцкой части села и политику союза с середняком¹⁶.

Работа III съезда Советов наиболее полно освещена в исследованиях Н. И. Супруненко, Б. М. Бабия, И. К. Рыбалки и в коллективном труде «Українська РСР в період громадянської війни».

¹⁴ Бабий Б. М. Місцеві органи державної влади Української РСР в 1917—1920 рр. К., 1956; Рыбалка І. К. Відновлення Радянської влади на Україні (1918—1919 рр.). Х., 1957.

¹⁵ Бабий Б. М. Указ. соч., с. 142.

¹⁶ Очерки истории Коммунистической партии Украины. К., 1972; Історія Української РСР. Т. 2. К., 1967; Українська РСР в період громадянської війни 1917—1920 рр. Т. 2. К., 1969 и др.

В литературе показана борьба большевиков против «левых эсеров и других мелкобуржуазных партий по вопросам государственной политики. Большинство исследователей отмечает, что съезд выразил Временному рабоче-крестьянскому правительству полное доверие, по постановлению съезда оно перестает быть временным и именуется впредь рабоче-крестьянское правительство УССР.

Все исследователи, которые пишут о III съезде Советов, подчеркивают, что он вошел в историю как съезд, принявший первую Конституцию УССР.

И. К. Стоян отмечает, что Конституция УССР создавалась на историческом опыте советского строительства в РСФСР и Конституция Советской России была положена в ее основу¹⁷. Автор показывает, что принятие Конституции проходило в острой борьбе с «левыми» эсерами. Глубокий историко-юридический анализ Конституции дан в монографии А. И. Рогожиша¹⁸.

Второй период советского строительства на Украине в годы гражданской войны начался осенью 1919 г., когда Красная Армия перешла в решительное наступление против Деникина. Это был новый и последний этап восстановления и укрепления Советской власти на Украине.

29 ноября 1919 г. ЦК РКП(б) принял историческое постановление о Советской власти на Украине, в котором огромное значение придавалось правильному определению задач Советской власти и мобилизации усилий партии на их реализацию. В этой связи литература отмечает выступление на конференции В. И. Ленина и резолюцию ЦК РКП(б) от 3 декабря 1919 г., в которой излагались ленинские принципы союза советских республик на основе признания самостоятельности УССР¹⁹.

В историографии отмечается большая роль Всеукрревкома, созданного постановлением президиума ЦИК и Совнаркома УССР в декабре 1919 г., в деле решения задач советского строительства²⁰.

¹⁷ Стоян П. К. Перша Конституція Української РСР. — «Наукові записки інституту історії АН УРСР». Вип. 5, 1953.

¹⁸ Рогожин А. И. Очерки истории социалистической законности УССР в период интервенции и гражданской войны. Х., 1963.

¹⁹ Колісник М. К. Відновлення і зміцнення Радянської влади на Україні 1919—1920 рр. Х., 1958; Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. М., 1966 и др.

²⁰ Павлюк М. І. Діяльність Всеукрревкому. — «УІЖ», 1962, № 2; Потожкіна Л. Л. Ревкоми України в 1918—1920 рр. К., 1957 и др.

Н. И. Супруненко отмечает, что Всеукраревком должен был решать целый ряд задач, направленных на организацию содействия Красной Армии в разгроме белогвардейцев, полную ликвидацию помещичьего землевладения и установления твердой рабоче-крестьянской власти на Украине²¹.

Однако следует сказать, что историческая литература не в полной мере показала работу Всеукраревкома в первый период его деятельности. Даже в специальной монографии Л. Л. Потарыкиной почти ничего не сказано об организации, составе и деятельности Всеукраревкома.

Исходя из основной задачи Всеукраревкома — создания местных органов власти на освобожденной территории, 22 декабря 1919 г. были подписаны два важных документа: временное положение об организации Советской власти на Украине и инструкция о задачах ревкомов в строительстве Советской власти на местах. Тем не менее, содержание и значение этих важных документов охарактеризовано только в работе Н. И. Супруненко, причем коротко. Ни Л. Л. Потарыкина, ни Н. К. Колесник, ни другие авторы даже не упоминают о них. Большим упущением историографии является отсутствие анализа этих важных документов, поскольку не раскрывая содержания и значения «Временного положения» и «Инструкции», нельзя глубоко и полностью показать специфическую историческую обстановку в период восстановления Советской власти на Украине (1919—1920 гг.).

Во многих исследованиях показана большая роль Реввоенсовета Южного фронта в создании ревкомов на освобожденной территории²².

Одним из решающих факторов успешного восстановления Советской власти было укрепление Красной Армии, освобождавшей Украину. В связи с этим в историографии рассматривается исключительно важное значение декларации Советского правительства от 22 января 1920 г. «О военной политике Советской власти на Украине».

В литературе отмечается, что к середине февраля 1920 г. Советская власть была восстановлена почти по всей Украине и это создавало необходимую обстановку для замены чрезвычайных органов власти — ревкомов, выборными

²¹ Супруненко Н. И. Указ. соч., с. 342.

²² Бабій М. Б. Місцеві органи державної влади Української РСР в 1917—1920 рр. К., 1956; Колісник М. К. Відновлення і зміцнення Радянської влади на Україні 1919—1920 рр. Х., 1958; Українська РСР в період громадянської війни. Т. 2, 1968 и др.

органами Советской власти. ЦИК и Совнарком возобновили свою работу 19 февраля 1920 г.

В ряде исследований рассмотрен период подготовки четвертого съезда Советов и показана острая политическая борьба в ходе избирательной кампании между большевиками и эсерами, меньшевиками, украинскими буржуазными националистами, стремившимися захватить руководство Советами²³.

Важнейшим событием в истории советского строительства на Украине явился IV Всеукраинский съезд Советов. В литературе подробно освещается представительство на съезде и его партийный состав, подчеркивается, что он проходил в обстановке войны с буржуазно-помещичьей Польшей, довольно бегло охарактеризованы решения съезда по вопросу государственного строительства, кратко показаны решения съезда о взаимоотношениях УССР и РСФСР. Более подробно рассмотрены вопросы, касающиеся избрания ЦИК и формирования Совнаркома²⁴.

Наряду с историей восстановления Советской власти на Украине в 1918—1920 гг. в историографии освещены и общие вопросы истории советского строительства, относящиеся ко всему периоду гражданской войны на Украине. Этот период включает в себя целый ряд проблем. Рассмотрим только некоторые из них: историю государственного союза РСФСР и УССР; историю строительства органов революционной законности; историю становления органов государственного контроля.

Из перечисленных проблем довольно глубоко исследована история становления государственного союза РСФСР и УССР в период гражданской войны. Названная проблема рассматривается в работах М. Куличенко, В. Чирко, В. Курицына, С. Макогона, А. Ткача и В. Цветкова²⁵, она

²³ Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны и иностранной интервенции на Украине. М., 1966; Колісник М. К. Відновлення і зміцнення Радянської влади на Україні 1919—1920 рр. Х., 1958 и др.

²⁴ Колісник М. К. Відновлення і зміцнення Радянської влади на Україні 1919—1920 рр. Х., 1958; Шевченко Н. А. Діяльність Всеукраїнського Центрального виконавчого комітету Рад в 1920 р. — Питання історії народів РСР. 1968, вип. 7 и др.

²⁵ Курицын В. М. Государственное сотрудничество между Украинской ССР и РСФСР в 1917—1922 гг. М., 1957; Куличенко М. И. Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918—1920 гг. Х., 1963; Макогон С., Ткач А., Цветков В. Развитие Радянської державності на Україні. К., 1966; Чирко В. А. Коммунистическая партия — организатор братского сотрудничества народов Украины и России в 1917—1922 гг. М., 1967.

показана на фоне политики Коммунистической партии в вопросе становления военно-политического и экономического союза советских республик.

Авторы выделяют целый ряд причин, способствовавших оформлению государственного союза РСФСР и УССР и правильно подчеркивают, что в основу союза положена идея добровольного соглашения равноправных субъектов федерации. Все исследователи отмечают, что идея советской федерации договорного типа, сформулированная В. И. Лениным и Коммунистической партией, вытекала из глубокого анализа конкретной исторической обстановки. В конечном итоге эта идея юридически оформилась, когда в декабре 1920 г. был подписан «Союзный рабоче-крестьянский договор» между РСФСР и УССР, определивший пути дальнейшего братского сотрудничества народов.

Советская историография уделила достаточно внимания проблеме организации и работы органов революционной законности. Большая исследовательская работа в этом направлении объединяет представителей историко-юридической науки А. И. Рогожина, Л. Н. Маймескулова, Д. С. Сусло, П. П. Михайленко и историков В. Д. Голиченко, П. П. Бачинского²⁶. Большая часть названных исследований посвящена истории органов ВУЧК, их героической, самоотверженной борьбе против контрреволюции в годы гражданской войны. В этих работах рассматриваются следующие вопросы: предстория образования и цели организации ВУЧК, правовое положение ЧК в системе государственного аппарата, тесная связь с системой правительственного аппарата, связь ЧК с партией и рабочим классом, партийный состав ЧК.

В литературе показаны руководящая роль В. И. Ленина и Коммунистической партии в строительстве и работе ЧК на Украине, интернациональный характер чекистских кадров, братские контакты ВЧК и ВУЧК. Однако следует отметить некоторые ошибки и неточности, имеющиеся в работах. Так, в работе П. П. Михайленко неправильно определяется дата создания ВУЧК, дата утверждения «Положения» о ВУЧК, ее подчиненность непосредственно правительству.

²⁶ Михайленко П. П. К вопросу об организации ВЧК. — «Научн. зап. Львовского ун-та», 1956, вып. 3; Рогожин А. И. и Маймескулов Л. Н. Всеукраинское ЧК в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Х., 1964; Голиченко В. Д. Всеукраїнська надзвичайна комісія в боротьбі з контрреволюцією (1918—1922 рр.) — «УІЖ», 1962, № 4; Бачинський П. П. Органи ВУЧК у захисті Радянської влади на Україні. — «УІЖ», 1969, № 1.

По истории строительства органов революционной законности есть единственная монография Д. С. Сусло, посвященная суду, одна из ее глав относится к периоду гражданской войны²⁷.

В историко-юридических исследованиях значительное внимание уделено истории становления органов государственного контроля на Украине в 1918—1920 гг.²⁸ В литературе показано, что следуя указаниям В. И. Ленина Советское правительство Украины с первых дней работы следило за точным и быстрым исполнением законов.

В историографии отмечается переход от множественности органов контроля к единой системе РКИ, привлечение широких масс народа к участию в инспектировании, укрепление аппарата партийными кадрами и принципы широкой гласности в работе органов контроля.

Краткий обзор современной историографии советского строительства на Украине в 1918—1920 гг. позволяет сделать следующие выводы. Историки, исходя из задач, поставленных Коммунистической партией перед наукой на современном этапе, сосредоточили внимание на основных проблемах данной темы.

Прежде всего они показали организаторскую роль В. И. Ленина и Коммунистической партии в деле восстановления Советской власти на Украине в 1918—1920 гг. и раскрыли сложные проблемы советского строительства в 1918—1920 гг. Много внимания уделено исследованию братской помощи Советской России украинскому народу и проблеме военно-политического и экономического союза РСФСР и УССР. Изучение истории советского строительства на Украине в 1918—1920 гг. является значительным вкладом современной историографии в исследование истории гражданской войны на Украине.

Однако ряд важных вопросов этой темы исследован недостаточно. К ним относятся такие вопросы, как развитие советской демократии и законности, национальные формы

²⁷ Сусло Д. С. Історія суду Радянської України 1917—1967 рр. К., 1968.

²⁸ Рогожин А. И., Дрейслер И. С. Из истории социалистического контроля на Украине (1920—1923 гг.). — «Советское государство и право», 1963, № 7; Маймескулов Л. Н. З історії народного контролю на Україні. — «Радянське право», 1963, № 1; Маймескулов Л. Н. Создание рабоче-крестьянской инспекции Украины (1918—1920 гг.). Автореферат. Х., 1964; Потарикіна Л. Л. З історії органів контролю УРСР. К., 1966.

развития советской государственности, деятельность Советов в 1918—1920 гг. и руководство ими народным хозяйством, роль Советов в укреплении союза рабочего класса и крестьянства, Советы как органы подавления эксплуататорских классов, структура центральных и местных органов власти и т. д.

В целом советская историография внесла значительный вклад в изучение этого периода советского строительства на Украине.

В. И. ЧЕШОКОВ

В. И. НЕВСКИЙ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ
1883 — НАЧАЛА 90-х ГОДОВ XIX ВЕКА

В. И. Невский принадлежал к представителям того отряда историков с дореволюционным партийным стажем, которые создавали историко-партийную науку в первые послеоктябрьские десятилетия. Один из осведомленнейших в истории партии ученых, он был историком широкого диапазона, изучал русское революционное движение от предшественников социал-демократии до Октября. Его многочисленные труды в той или иной степени отразили многие вопросы истории партии: периодизацию, генезис и первые шаги социал-демократии, начало ленинского этапа, стратегию и тактику большевиков, борьбу ленинизма с оппортунистическими течениями и т. п. О Невском В. И. — историке партии, необходимо специальное исследование¹. В настоящей статье делается попытка рассмотреть лишь некоторые вопросы такого исследования: представления В. И. Невского о процессе рождения социал-демократии в России, деятельности первых марксистских организаций и ее значении для исторической подготовки РСДРП. По мнению М. С. Волина, в совет-

¹ Эта задача не решена до сих пор. Статья А. И. Васильева «В. И. Невский. К девяностолетию со дня рождения» («Вопросы истории КПСС», 1966, № 5) является весьма поверхностной из-за несоответствия объема и количества поднятых вопросов. Общая работа Ю. З. Полевого («Зарождение марксизма в России 1883—1894 гг.», М., 1959), главы М. С. Волина («История Коммунистической партии в советской историографии») и М. В. Нечкиной («Русское революционное движение в советской историографии») в IV томе «Очерков истории исторической науки в СССР», М., 1966, а также статья автора настоящей публикации («История и историки. Историография истории СССР», М., 1965) затрагивают лишь некоторые моменты историко-партийных взглядов В. И. Невского.

ской историографии 20-х годов это были наиболее изученные вопросы².

Историки-большевики интересовались процессом рождения социал-демократии в России еще до революции. Однако по вопросу о том, когда начался этот процесс, каковы его динамика и особенности, в литературе высказывались ошибочные суждения. М. Н. Лядов писал о зарождении русской социал-демократии в 70-е годы, трактуя мировоззрение передовых рабочих того времени как марксистское³. К этой точке зрения был близок В. В. Воровский⁴. Сложность вопроса о генезисе социал-демократии заключалась в том, что с самого начала он решался и в плане отношения русских социал-демократов к наследству предшественников — революционных демократов и народников. В полемике с либеральными народниками, обвинявшими социал-демократов в разрыве с наследством революционного народничества, некоторые марксисты впадали в крайность и рассматривали революционно-народнические организации как родоначальников РСДРП. В отношении «Черного передела» первым писал так Ю. М. Стеклов⁵. И после революции тенденция к поиску истоков социал-демократии в революционном народничестве не раз проявлялась в трудах Ю. М. Стеклова, С. И. Мицкевича, И. А. Теодоровича, Б. Горева, отчасти Н. Л. Сергиевского, большого знатока истории ранних социал-демократических организаций в России⁶. Не способствовали установлению истины работы меньшевиков, имевшие хождение на книжном рынке страны в 20-е годы. Так, в воспоминаниях П. Б. Аксельрода утверждалось, что русская социал-демократия зародилась «в недрах народнического

² См. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966, с. 538.

³ См. Лядов М. История российской социал-демократической рабочей партии. СПб, 1906, с. 30.

⁴ См. Воровский В. В. К истории марксизма в России. Соч., т. I. М., 1933, с. 119.

⁵ См. Невзоров Ю. Отказываемся ли мы от наследства? Лондон, 1902.

⁶ См. Стеклов Ю. Борцы за социализм. М., 1918; Мицкевич С. Русские якобинцы. — «Пролетарская революция», 1923, № 6—7; Теодорович И. А. Историческое значение партии «Народная воля». М., 1930; Горев Б. Обидно ли для марксизма идейное родство с бланкизмом? — «Печать и революция», 1923, кн. 5; Сергиевский Н. Л. Народничество 80-х годов. — Историко-революционный сборник. Т. 3. М.-Л., 1926.

революционного движения»⁷. Субъективистские взгляды преодолевались по мере освобождения литературы от идеализации революционного народничества.

В. И. Невский, внимательно изучавший рождение социал-демократии, понимал его как сложный и длительный в условиях России процесс. В 1923 г. в «Очерках по истории Российской Коммунистической партии» он писал о двух «слагаемых» генезиса социал-демократии: одно с запада, от группы «Освобождение труда», другое — «самобытное, возникшее и развивающееся в России»⁸. «Возникают, — пояснял он, — два параллельных течения — одно идет из-за границы от группы «Освобождение труда», другое возникает в России, хотя и позже, но самостоятельно, и оба эти течения вытекают из общего источника — кризиса народничества»⁹. В 90-х годах оба направления сливаются, положив начало РСДРП.

Несмотря на некоторый схематизм, позиция В. И. Невского имела большие преимущества, отражала диалектику процесса и соотношение национального и интернационального опыта. В. И. Невский не сводил русскую социал-демократию 80-х годов к группе «Освобождение труда». Он обратил внимание на то, что социал-демократическое направление в 80-е годы существовало и в самой России и вплоть «до конца прошлого века» развивалось рядом с народничеством и испытывало его влияние¹⁰.

В устном изложении эти мысли впервые прозвучали в лекциях В. И. Невского перед слушателями Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. В «Очерках по истории РКП(б)», работать над которыми он начал в 1920—1921 гг., они облеклись обильным фактическим материалом петроградских архивов. «Очерки» целиком посвящались переходному, по терминологии автора, периоду революционного движения. Заканчиваясь образованием РСДРП, исследование В. И. Невского является историографическим памятником его концепции генезиса социал-демократии.

Группе «Освобождение труда», которая, по мнению В. И. Невского, олицетворяла один из путей русской социал-демократической мысли, отведено несколько глав «Очерков».

⁷ Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. Т. I. Берлин, 1923, с. 7.

⁸ Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. I, Пг., 1923, с. 217.

⁹ Там же, с. 333.

¹⁰ Там же, с. 3.

В 1924 г. «Группе» посвящался второй том редактируемых им «Историко-революционных сборников». Перу редактора в томе принадлежала основная статья¹¹. Отдельные моменты деятельности «Группы», биографии и мировоззрения Плеханова отразились в ряде других статей¹² и рецензиях В. И. Невского.

Предшествующая литература по истории «Группы» ограничивалась несколько раз изданной брошюрой Д. Б. Рязанова¹³, а современники В. И. Невского (Б. Горев, В. Вагнян, О. Алтекман и др.) писали преимущественно об идейной эволюции Г. В. Плеханова. Обратившись к новому фактическому материалу, В. И. Невский исследовал, кроме мировоззрения Плеханова, проекты программ, выработанные «Группой». Он первым начал изучать вопрос о связях «Группы» с революционным движением в России. По справедливому замечанию М. В. Нечкиной, В. И. Невский возглавлял наиболее раннее направление советской историографии группы «Освобождение труда»¹⁴.

Работы В. И. Невского содержали интересные наблюдения над проектами программ социал-демократии, написанными Плехановым в 1883 и 1885 гг., указывали на несовершенство их как социал-демократических документов. Переходный характер революционного движения в России 80-х годов, писал он, объясняет в них некоторые уступки народничеству, в частности, снисходительное отношение к террору¹⁵. В. И. Невский продемонстрировал образец конкретно-исторического исследования, в отличие от выступившей позже группы историков, пытавшихся отыскать в этих проектах проявление «меньшевистских тенденций»¹⁶.

¹¹ См. Невский В. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. — Историко-революционный сборник. Т. 2. М., 1924.

¹² Невский В. И. Ленин о группе «Освобождение труда» (Пятьдесят лет — 1883—1933). — «Книга и пролетарская революция», 1933, № 11; «Группа «Освобождение труда» (1883—1933). — «Правда», 1933, 26 сентября и др.

¹³ См. Рязанов Д. Г. В. Плеханов и группа «Освобождение труда». М., 1902; М., изд. 3-е, 1918.

¹⁴ См. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966, с. 365.

¹⁵ См. Невский В. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг., с. 32.

¹⁶ Рахметов В. К вопросу о меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда». — «Пролетарская революция», 1928, № 9; Быстрых Ф. Об аграрной программе группы «Освобождение труда» (К вопросу о зарождении меньшевизма в аграрно-крестьянском вопросе). — «Пролетарская революция», 1929, № 5.

В 1923—1924 гг. В. И. Невский кропотливо искал новые материалы о связях «Группы» с Россией. Результаты, полученные им, можно свести к следующему. Л. Дейч, «главный связной» «Группы»¹⁷, еще в 1883 г. приступил к организации в России социал-демократических кружков. С его арестом в 1884 г. установившаяся связь прервалась. В 1885 г. завязалась переписка «Группы» с благоевцами, но аресты в России прекратили ее. Связи возобновились только в конце 80-х годов. За границей группу Плеханова считали представителем русского рабочего движения, и как таковая она была представлена Плехановым на международном конгрессе в Париже в 1889 г., но никаких полномочий от русских организаций группа, по причине отсутствия связей с последними, не получала¹⁸. В. И. Невскому было известно о связях группы «Освобождение труда» с Россией не все, он не знал, например, о ее контакте с московскими студентами и «Обществом переводчиков и издателей»¹⁹. При всем этом он был прав, подчеркивая, что «Группа» пыталась, но не смогла соединиться с рабочим движением в России.

Издательскую деятельность «Группы» В. И. Невский считал частью «замечательной работы» Плеханова и его товарищей по теоретическому обоснованию социал-демократии. В то же время он заметил, что и на изданиях «Группы» лежит печать оторванности от рабочего движения в России. «Социал-демократ» в 80-е годы умалчивал о борьбе русских рабочих. Широкая литературно-пропагандистская работа «Группы» началась лишь в 90-е годы. Но и тогда из ее печатной продукции далеко не все доходило до России²⁰. Заклучив, что в силу объективных причин деятельность «Группы» в 1883—1894 гг. сводилась к созданию «теоретического (программного. — В. Ч.) фундамента русской социал-демократии»²¹, В. И. Невский солидаризировался с мыслью В. И. Ленина о том, что до 1895 г. не могло быть связи марксизма с массовым рабочим движением, что группа «Освобождение труда» «лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению»²². Этот момент во взглядах В. И. Невского следует подчеркнуть и

¹⁷ Невский В. Группа «Освобождение труда», с. 30.

¹⁸ Там же, с. 41.

¹⁹ См. Жуйков Г. Группа «Освобождение труда». М., 1962, с. 97—98.

²⁰ См. Невский В. Группа «Освобождение труда», с. 30—34.

²¹ Там же, с. 31.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 25, с. 132.

потому, что позже некоторые авторы необоснованно приписывали «Группе» исключительную роль пропагандиста и распространителя марксизма в широких кругах рабочих²³.

Изучение источников привело В. И. Невского к выводу о том, что группа «Освобождение труда» — основоположница русской социал-демократии, но ей не может принадлежать монопольное право основоположницы социал-демократии в России. Наиболее законченно эта мысль выразилась в статье «Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг.»: основную работу по подготовке пролетариата к восприятию марксизма, пропаганде этого учения и руководству движением провели революционеры в России, отдельные личности и группы, которые в 80-е годы вступили в период, определяемый как переходный от народничества к марксизму²⁴. «Стихийный рост рабочего движения, — писал он, — делая свое дело и на родине: там до социал-демократии додумывались совершенно самостоятельно, шел свой самобытный процесс», приближалось время, когда «теоретическая работа Плеханова за границей и практическая и теоретическая работа социал-демократов в России должны были слиться в один мощный поток»²⁵. Эти положения развивались в учебнике «История РКП(б)» (1927 г.), сборнике «От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда» (1930 г.).

Деятельность марксистов «русского воспитания» все более представлялась В. И. Невскому как совмещающая разработку теоретических и организационных основ русской социал-демократии с практикой создания марксистских кружков. Он первый из советских историков приступил к широкому изучению программных документов и деятельности марксистских групп в России 80 — начала 90-х годов.

Центральные марксистские кружки в литературе 20-х годов были представлены полнее провинциальных, за исключением федосеевского кружка, известного благодаря исследованиям Н. Л. Сергиевского²⁶. О тех и других писалось преи-

²³ См. Мороз И. А. Ф. Энгельс о деятельности Г. В. Плеханова и его группы по распространению и пропаганде марксизма в России. — «Научные записки Днепропетровского университета». Сборник работ кафедр общественных наук. Т. 66, вып. VI, Днепропетровск, 1958, с. 49—50.

²⁴ См. Невский В. Группа «Освобождение труда», с. 29.

²⁵ Там же, с. 32.

²⁶ См. Сергиевский Н. Л. О федосеевском кружке 1888—1889 гг. — «Красная летопись», 1922, № 5; Его же. Федосеевский кружок 1888—1889 гг. — «Красная летопись», 1923, № 7, 9; Его же. Что же такое федосеевский кружок 1888—1889 гг.? — Историко-революционный сборник. Т. I. М.-Л., 1924.

мущественно в воспоминаниях (А. Брейтфуса, М. Бруснева, В. Голубева, М. Ольминского, Х. Лалаянца, В. Шелгунова, Л. Красица и др.). О слабой изученности этого периода истории РКП(б) свидетельствует тот факт, что до появления «Очерков по истории РКП(б)» большинство историков не знало даже о существовании группы Точисского.

Как исследователь периода 1883—1894 гг. В. И. Невский мог ориентироваться лишь на некоторые мемуары и дореволюционные труды большевиков, где история социал-демократических организаций освещалась скупо и с крупными пробелами (большинство работ по этому вопросу появилось уже после выхода в свет «Очерков по истории РКП(б)»). В 1921 г., работая по заданию Истпарта в историческом Архиве революции, Н. И. Невский извлек значительное количество совершенно нового материала²⁷. Интерес Невского к архивным источникам все возрастал и во второй половине 20-х годов его по праву считали наиболее компетентным исследователем в истории социал-демократического движения 80—90-х годов.

В. И. Невский пополнил сведения об уже известных марксистских кружках в центре и провинции. Он ввел в научный оборот следственные материалы о харьковском кружке 1887—1889 гг. и его руководителе Ю. Мельникове, на основе архивных источников написал брошюру о «Южнорусском рабочем союзе», возникшем в г. Николаеве в 1897 г. Исследование об организации николаевских рабочих, в свое время отмеченное современниками²⁸, до сих пор является единственным. С большим вниманием изучал он связи первых марксистских организаций и их программные документы. В журнале «Пролетарская революция» (1922, № 5) он опубликовал ценный фрагмент программы блатоевцев «Чего добиваться рабочему народу»²⁹.

В 20-е годы сложилось два противоположных взгляда³⁰ на идеологию группы Блатоева. Одни авторы считали, что в обосновании задач русского революционного движения бла-

²⁷ Рецензент «Очерков» Б. Горев отмечал, что работа В. И. Невского «восстанавливала целые периоды в первоначальной истории партии». — «Каторга и ссылка», 1924, № 5, с. 323.

²⁸ См. Стратен, Невский. «Южнорусский рабочий союз» в г. Николаеве в 1897 г. М., 1922. — «Пролетарская революция», 1922, № 9.

²⁹ Этот отрывок, напечатанный в газете «Рабочий», в публикации Б. Николаевского («Программа первого в России социал-демократического кружка». — «Былое», 1918, кн. 7) был необоснованно опущен.

³⁰ См. Подсвой Ю. З. Зарождение марксизма в России. М., 1959, с. 288.

гоевцы стояли выше группы «Освобождение труда»³¹, другие, наоборот, доказывали, что блagueвцы еще не были социал-демократами³². Позиция В. И. Невского, изложенная еще в «Очерках» в 1923 г., была свободна от крайностей. Он находил, что программа группы в основном была социал-демократической, но с сильным налетом идей Лассалля и Лаврова, что выразилось в увлечении производственными ассоциациями и просветительством, в непонимании классового характера государства и непоследовательном отношении к террору. Считая это типичным явлением переходного периода, значение блagueвцев В. И. Невский видел в том, что они выработали первую собственную русскую социал-демократическую программу, первые «совершенно самостоятельно» осознали необходимость «организовать рабочую социалистическую партию»³³. Он исправил некоторые выводы дореволюционных историков, в частности, заключение М. Лядова о политической незрелости организации по сравнению с «Северным союзом русских рабочих»³⁴. Отношение к блagueвцам существенно не изменилось в последующих работах В. И. Невского. Пополнившись новой аргументацией, его положения развиваются и современными историками.

Изучение группы Точисского в 20-х годах было затруднено недостатком материалов о ее деятельности. Об «Уставе» группы можно было судить лишь по переписке и следственным показаниям членов «Товарищества санкт-петербургских мастеровых»³⁵. В. И. Невскому пришлось убеждать современников в реальности самого факта существования организации, попутно исправляя ошибочные характеристики группы, в частности, отношение к ней как «экономической» организации³⁶.

Еще в «Очерках» В. И. Невский охарактеризовал «Товарищество» как социал-демократическую организацию, «резко враждебную народовольчеству»; а ее руководителя П. В. Точисского назвал «социал-демократом, быть может, мыслящим во многих вопросах ошибочно, но понимавшим по-марксистски те классовые отношения, анализ которых только и

мог дать правильную революционную тактику»³⁷. Общая социал-демократическая направленность взглядов Точисского не исключала их противоречивости и влияния народничества. Эти слабые стороны идеологии были вскрыты В. И. Невским, хотя и недостаточно. Его «Очерки» первый труд, где освещалась фактическая сторона деятельности «Товарищества» и содержались правильные общие выводы.

Некоторые советские историки не согласились с этими выводами. Н. Н. Батурин, справедливо находя отсутствие у Точисского четкого марксистского понимания классовых задач пролетариата, ставил под сомнение социал-демократический характер организации³⁸. В другой статье он уже рассматривал Точисского как «пародника» (разрядка Н. Н. Батурина. — В. Ч.), у которого место крестьянства занял промышленный пролетариат³⁹. Н. Н. Батурин не учел сложности обстановки, в которой началось русское социал-демократическое движение. Возражая Н. Батурину и А. Бубнову, В. Невский детально характеризовал мировоззрение Точисского и подчеркнул, что народнические пережитки были свойственны «решительно... всем организациям 80-х годов»⁴⁰. Во втором издании «Очерков» он защищал право считать группу Точисского «социал-демократической организацией переходного типа»⁴¹.

Внимание В. И. Невского привлекла и социал-демократическая группа, руководимая М. И. Брусневым. В ее деятельности было много чуждого. Брусневцы не оставили после себя цельного программного документа⁴², а найденный в Москве проект программы, написанный Кашинским, имел частный характер; недостаток источников нередко вел к повторению дореволюционных взглядов на группу⁴³ как орга-

³⁷ Невский В. И. Очерки..., с. 239, 240.

³⁸ См. Батурин Н. По поводу книги В. И. Невского. — «Пролетарская революция», 1924, № 8—9, с. 155—158.

³⁹ Батурин Н. На свежую воду. (Критика критической антикритики В. И. Невского). — «Пролетарская революция», 1925, № 12, с. 234, 239.

⁴⁰ Невский В. Ответ моим критикам. — «Борьба классов», 1924, № 2—3, с. 415.

⁴¹ Невский В. И. Очерки... Т. I. Л., 1925, с. 268.

⁴² Ю. З. Полевой полагает, что группа вообще «не выработала своей программы и не считала нужным делать это, так как целиком разделяла программу группы «Освобождение труда» (Указ. соч., с. 390). То же отмечает Р. А. Казакевич («Социал-демократические организации Петербурга конца 80 — начала 90-х гг.», Л., 1960, с. 597).

⁴³ См. Акимов В. (Махновец). Очерк развития социал-демократии в России. СПб., 1906, с. 38.

³¹ См. Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. М.-Л., 1929, с. 92.

³² См. Дейч Л. Г. Вместо биографии. — В кн.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. М.-Л., 1925, с. 365.

³³ Невский В. И. Очерки..., с. 229, 237.

³⁴ См. Лядов М. Указ. соч., т. I, с. 49.

³⁵ С подобными затруднениями историки сталкиваются до сих пор.

³⁶ Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. — Историко-революционный сборник, т. 2, с. 114.

низацию аполитичную, занимавшуюся лишь просвещением рабочих⁴⁴. Другие авторы столь же необоснованно противопоставляли брусневцев организациям Благоева и Точисского и пытались доказать, что их группа была в России первым опытом такого объединения⁴⁵.

В. И. Невский рассматривал группу Бруснева как одну из поздних социал-демократических организаций переходного периода. В «Очерках» он заслуженно назвал ее первой организацией, задумавшейся над вопросом о пропаганде среди пролетариата в масштабах всей страны, о создании всероссийского социал-демократического объединения⁴⁶. Но в идейном отношении брусневцы являлись для него «шагом назад» от организаций Благоева и Точисского. В их взглядах он находил значительно больше влияния народovolьцев, чем в «любой из предыдущих программ». Этот шаг назад, заключал В. И. Невский, еще заметнее, если учесть, что благоевцы после критики Плеханова осознали свои «классовые грехи»⁴⁷.

В. И. Невский исходил из проекта программы, написанного Кашинским для московского отдела организации. Его автор, действительно, не имел еще социал-демократического мировоззрения. В. И. Невский не знал, что проект Кашинского был отвергнут организацией, и именно потому, что в нем увидели народovolьческий документ. Некритически воспринял он и свидетельства некоторых мемуаристов⁴⁸. В итоге В. И. Невский существенно недооценил идейную зрелость группы Бруснева, которая в идеологии стояла выше всех предшествующих марксистских кружков⁴⁹. Для характеристики взглядов брусневцев более важное значение имеют первомайские речи рабочих⁵⁰. Этот источник был знаком В. И. Невскому, но, к сожалению, он не придал ему должного значения. Отношение к группе Бруснева не изменилось и в последних работах историка⁵¹.

⁴⁴ См. Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда», с. 127.

⁴⁵ См. Красин Л. Б. Дела давно минувших дней. — «Пролетарская революция», 1923, № 3, с. 7.

⁴⁶ См. Невский В. И. Очерки... Ч. I, II гр., 1923, с. 278.

⁴⁷ Там же, с. 373.

⁴⁸ Голубев В. С. Странички из истории рабочего движения (1890 г.). — «Былое», 1906, № 12, с. 105—121.

⁴⁹ См. Полевой Ю. З. Указ. соч., с. 390.

⁵⁰ См. Казакевич Р. А. Указ. соч., с. 111.

⁵¹ Невский В. На перепутье («Брусневская группа»). — «История пролетариата СССР», 1934, сб. 4, с. 57.

Изучая организации 80 — начала 90-х годов, В. И. Невский установил, что в России существовала собственная социал-демократическая традиция, идейная и организационная преемственность и в поиске этой традиции видел одну из важнейших задач исследования. В статье «На перепутье» он смог с полным основанием заключить: брусневцы в значительной мере опирались на кадры, воспитанные в группах Благоева и Точисского; через Ф. Афанасьева они были связаны с «Северным союзом русских рабочих»; опыт, накопленный благоевцами, был развит в группах Точисского и Бруснева, а последняя передала его петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса»⁵². Показав преемственность опыта социал-демократического движения в России, В. И. Невский тем самым обнаружил еще одну сильную сторону своих исторических взглядов.

История социал-демократических организаций в России показывает, что группа «Освобождение труда», наиболее зрелая идейно, далеко не всегда направляла их деятельность. Среди кружков, которые или не имели связи с Плехановым, или не знали о существовании его группы, В. И. Невский упоминал «Социально-революционный кружок рабочих» в Харькове (1887—1888 гг.)⁵³. О том, что ряд марксистских групп в России 80 — начала 90-х годов «возник и действовал самостоятельно», позже писали другие историки⁵⁴. Вывод В. И. Невского «русская социал-демократия получила свое начало не только из одного источника — группы «Освобождение труда», но ее развитие шло и параллельно этому и самостоятельно», — заслуживает самого глубокого внимания. Нельзя не отметить и другое его замечание. Мысль о создании в России социалистической партии пролетариата была «не достоянием одного Плеханова, но родилась и у нас дома, совершенно самостоятельно, в головах таких теоретиков, как Н. Е. Федосеев и В. И. Ленин»⁵⁵.

Правда, В. И. Невский иногда был склонен противопоставлять «самобытное начало» русской социал-демократии заграничному, приписывать идейное влияние группы «Освобождение труда» на рабочее движение в России. Иногда он неправомерно сравнивал «Группу» с «литературной фрак-

⁵² Невский В. На перепутье («Брусневская группа»). — «История пролетариата СССР», 1934, сб. 4, с. 57.

⁵³ Невский В. Харьковское дело Ювеналия Мельникова и других. — В кн.: От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930, с. 273.

⁵⁴ См. Костин А., Сидоров М. Монография о первых марксистских организациях в России. — «Коммунист», 1960, № 18, с. 109.

⁵⁵ Невский В. И. Очерки..., с. 260.

цией»⁵⁶. придавал чрезмерное значение ее идейным разногласиям с молодыми социал-демократами «российской выучки» (1888—1891 гг.), доводя недовольство «молодых» изоляцией Плеханова до масштабов конфликта и трактуя это как свидетельство качественного превосходства «самобытного» социал-демократического движения в России. На эти моменты в характеристике группы «Освобождение труда» обращали внимание еще современники В. И. Невского⁵⁷.

В начале 30-х годов В. И. Невский пересмотрел свое отношение к группе «Освобождение труда». Фрагмент рукописи В. И. Невского, хранящийся в его личном архиве, гласит: «Наши старые представления, что Плеханов не был связан с Россией и русским движением, нужно оставить..., следует подчеркнуть, что уже в 90-е годы это движение развивалось не без влияния Плеханова и что группа «Освобождение труда» с каждым днем все больше и больше расширяла свои связи с действовавшими в России товарищами и оказывала на них влияние»⁵⁸. Эта мысль прослеживается и в других последних работах В. И. Невского.

В целом В. И. Невский был далек от апологетики Плеханова и деятельности «Группы». Нельзя согласиться с М. В. Нечкиной, считающей, что историографическое направление, возглавлявшееся В. И. Невским и представленное «Очерками по истории РКП(б)» и «Историко-революционным сборником» (т. 2), отличалось «элементами апологетики», «некритическим превознесением роли Плеханова»⁵⁹. В. И. Невский стремился объективно разобраться в идейном наследии Плеханова. Критикуя Плеханова-меньшевика, он нередко порицал молодых историков за чрезмерную строгость к Плеханову-марксисту. В одной из рецензий он по-ленински осудил «наплевательское отношение» к выдающемуся деятелю русской социал-демократии⁶⁰. Но такой подход следует признать лишь в высшей степени благотворным.

Труды В. И. Невского богаты размышлениями и ценными наблюдениями над социал-демократическим движением в

⁵⁶ Невский В. Группа «Освобождение труда», с. 49.

⁵⁷ См. Бубнов А. История без «философии». — «Правда», 1924, 12 июня.

⁵⁸ Васильев А. И. Владимир Иванович Невский. (К 90-летию со дня рождения). — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 5, с. 104—105.

⁵⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966, с. 365. Оценку М. В. Нечкиной повторил В. Н. Котов (См. Котов В. Н. Историография истории СССР (1917—1934). К., Изд-во КГУ, 1966, с. 115).

⁶⁰ Невский В. Группа «Освобождение труда». Из архивов, сб. 5. М.-Л., 1926. — «Печать и революция», 1926, кн. 8, с. 154.

России 80 — начала 90-х годов. Оно распространялось в обстановке значительного еще влияния на общество народнических идей и их модификаций. В движении принимали участие передовые рабочие, читавшие К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. Плеханова или прошедшие школу в народнических кружках, социал-демократическая интеллигенция. Процесс рождения марксизма органически вобрал в себя и усилия лучшей части народнической интеллигенции, проникавшейся новым учением уже в ходе работы среди пролетариата. Эти интеллигенты несли рабочим и некоторые старые представления, от которых сами еще не успели освободиться. В. И. Невский не мог писать о рождении социал-демократии, оставаясь безучастным к судьбам самих носителей процесса, в том числе и перерождавшейся народнической интеллигенции.

В. И. Невский не рассматривал марксизм в России как продукт трансформации народнических взглядов. Под переходом части народников к марксизму он подразумевал разрыв со старыми идеями, о принципиальной возможности которого свидетельствует революционный путь М. С. Ольминского, Ф. Кона, С. И. Мицкевича, И. А. Теодоровича и некоторых других большевиков. В работе «Задачи русских социал-демократов» В. И. Ленин отмечал, что в 90-е годы некоторые народолюбцы переходили в лагерь марксистов⁶¹.

При всем этом В. И. Невский в отдельных случаях преувеличивал участие народников в пропаганде марксистских идей среди рабочих. В ранних его работах («Очерки по истории РКП(б)») это относилось к чернопередельцам, в трудах второй половины 20 — начала 30-х годов («История РКП(б)», «На перепутье») встречаются высказывания такого плана и относительно народолюбцев. Прав С. С. Волк, отметивший, что истоки этого заблуждения следует искать в преувеличении воздействия рабочего движения на революционных народников⁶². Но знакомство с трудами В. И. Невского в целом дает право видеть в отмеченных выше положениях лишь отдельные непоследовательности его концепции генезиса социал-демократии.

В трудах В. И. Невского нашла творческое преломление ленинская мысль о том, что «марксизм, как единственно пра-

⁶¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 2, с. 446.

⁶² См. Волк С. С. Деятельность «Народной воли» среди рабочих в годы второй революционной ситуации. — «Исторические записки». Т. 74, с. 188.

вильную революционную теорию Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»⁶³. Он убедительно вскрыл трудности пути к марксизму лучших представителей русского революционного движения, интеллигентов и рабочих, полнокровно показал, как революционное движение в России освобождалось от влияния народничества и идею марксизма находили здесь все больше сторонников.

Ю. В. НАЗАРЕНКО

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА УКРАИНСКОГО НАРОДА 1648—1654 гг.
И ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ
В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОИНЫ

Освободительная война 1648—1654 гг. имеет важное значение в истории украинского народа эпохи феодализма. Она завершилась воссоединением Украины с Россией — выдающимся историческим событием, имевшим «огромное значение для дальнейшего развития двух братских народов»¹.

Изучение этой темы советскими исследователями имеет свою историю. В первые два послеоктябрьские десятилетия еще не было преодолено отрицательное влияние буржуазно-националистической историографии и допускались вульгарно-социологические искажения истории Освободительной войны 1648—1654 гг. Благодаря принятым в 1934—1938 гг. постановлениям Коммунистической партии и Советского правительства о развитии исторической науки, преподавании истории в школах и вузах, создании стабильных школьных учебников по отечественной и всеобщей истории², в предвоенные 1939—1941 гг. были в основном устранены серьезные недостатки в изучении Освободительной войны, ее результатов и значения. Принятые в эти годы важные партийные документы оказали большую помощь исследователям в создании ряда трудов по истории классовой и народно-освободительной борьбы в России и на Украине в XVI—XVII вв., в том числе и Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Все больше внимания среди проблематики феодального периода украинские советские историки в то время уде-

¹ «Коммунист Украины», 1973, № 4, с. 78.

² 50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни. 1917—1967. М., 1971, с. 185—213.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 41, с. 8.

ляли освободительной борьбе украинского народа против польско-шляхетского гнета и воссоединению Украины с Россией.

Если послевоенной советской литературе об Освободительной войне 1648—1654 гг. посвящено несколько кратких историкографических³ и библиографических⁴ обзоров, то довоенные работы советских авторов по данной теме до сих пор не стали объектом специального историкографического исследования. А между тем, это были годы, когда в исследованиях войны 1648—1654 гг. успешно преодолевалось влияние дворянской и буржуазной историографии и утверждались марксистские взгляды.

В 1939—1941 гг. на основе марксистско-ленинского анализа конкретных событий Освободительной войны 1648—1654 гг. Н. Н. Петровским, А. З. Барабасом, И. Д. Бойко, В. А. Голобуцким, М. И. Марченко и др. было положено начало подлинно научного решения ее проблематики, в том

³ Дядиченко В. А. Научно-популярная литература о воссоединении Украины с Россией. — «Вопросы истории», 1954, № 4, с. 127—132; Шутей В. Е., Чмыга А. Ф. Статьи по истории в «Трудах» украинских университетов и педагогических институтов. — «Вопросы истории», 1956, № 7, с. 128—142; Касименко О. К. Деякі питання дальшої наукової розробки історії визвольної війни 1648—1654 рр. — «Український історичний журнал» (далее — «УИЖ»), 1958, № 5, с. 110—122; Гапусенко І. М. Визвольна війна українського народу 1648—1654 рр. та возз'єднання України з Росією в українській радянській історіографії. — «УИЖ», 1968, № 12, с. 130—132; Назаренко Ю. В. Вопросы освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. и воссоединения Украины с Россией в украинской советской историографии юбилейного 1954 г. — В кн.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1972. (Днепропетровский госуниверситет), с. 63—80; Назаренко Ю. В. Освещение русско-украинских связей периода Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. в советской историографии середины 50 — начала 60-х годов XX в. — В кн.: Некоторые вопросы социально-экономической и политической истории Украинской ССР. Вып. 4, Днепропетровск, 1973, (Днепропетровский госуниверситет), с. 181—193.

⁴ Соловьева Н. Н. Историческая литература к 300-летию воссоединения Украины с Россией. — Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. 2. М., 1954, с. 113—117; Козачук Т. Ю. Визвольна війна українського народу в 1648—1654 рр. Возз'єднання України з Росією. Анотований показник рукописних матеріалів бібліотеки (Львівська обласна бібліотека АН УРСР). Львів, 1954; Максименко Ф. П., Герасименко Г. Ю., Бережна Н. Р. 300-річчя возз'єднання України з Росією (1654—1954). Бібліографічний показник. Львів, 1954; Загоруйко Р. 300-річчя возз'єднання України з Росією. Ювілейна література. Львів, 1954. Велика дружба (К 300-летию воссоединения Украины с Россией). Список литературы (Государственная публичная историческая библиотека). М., 1954.

числе и вопроса о воссоединении Украины с Россией. В настоящей статье делается попытка произвести краткий обзор работ названных авторов в этот период.

Наиболее значительным из этих трудов является обобщающее монографическое исследование профессора Н. Н. Петровского (1894—1951 гг.), охватившее весь период Освободительной войны 1648—1654 гг.⁵ Эта книга представляет собой четвертый том серии «Очерков по истории Украины»,⁶ которые явились определенным этапом на пути к созданию в 50—60-х гг. фундаментального курса истории Украинской ССР⁷. В недавно вышедшей коллективной монографии по истории исторической науки на Украине в советское время справедливо подчеркивается, что «особенно необходимо отметить заслуги Н. Н. Петровского, который впервые с марксистско-ленинских позиций всесторонне отобразил основные этапы освободительной войны украинского народа, роль в ней Богдана Хмельницкого и значение воссоединения Украины с Россией»⁸.

Автор значительных источниковедческих трудов Н. Н. Петровский привлек для написания своей монографии огромный документальный материал как отечественных, так и зарубежных публикаций и архивов. История Освободительной войны 1648—1654 гг. показана Н. Н. Петровским на широком фоне социально-экономических отношений и классовой борьбы на Украине. Особое внимание автор уделил политической и военной истории Освободительной войны. В работе сделана попытка осмыслить историографическое наследие по изучению войны 1648—1654 гг., дана подробная характеристика работ по данной теме некоторых наиболее крупных буржуазных авторов (с. 5—8, 238—242). При этом верно отмечается, что они пытались скрыть факты о стремлении украинского народа к объединению с русским (с. 422).

Н. Н. Петровский, не ограничившись опубликованными в XIX в. документами об украинско-русских переговорах 1649—1653 гг., ввел в научный оборот из фондов нынешнего

⁵ Петровський М. Н. Нариси з історії України. Вип. IV. Визвольна війна українського народу проти гніту шляхетської Польщі і приєднання України до Росії (1648—1654). К., 1940.

⁶ Три тома «Нарисів з історії України» о событиях предыдущих столетий (от Киевской Руси до 1647 г.) написаны К. Г. Гуслистым и Ф. А. Ястребовым и вышли в 1937—1941 гг.

⁷ Історія Української РСР. Т. I, II. К., 1953, 1955, 1958, 1967.

⁸ Розвиток історичної науки на Україні за роки Радянської влади. К., 1973, с. 94.

ЦГАДА (см. с. 58, 181, 183, 184, 223, 229, 231, 233, 234) неизвестные ранее факты о социально-политическом положении на Украине и международных отношениях в период войны 1648—1654 гг. Следует отметить, что в данной монографии впервые в советской литературе исследованы украинско-русские политические взаимосвязи указанного периода. Подытоживая анализ многочисленных фактов связей двух братских народов, проявившихся, в частности, в переселении украинцев в Россию и нахождении их на русской службе (с. 189—194), в совместных походах запорожских казаков с донскими (с. 194—197), в стремлении украинского народа к объединению с русским (с. 197—199), исследователь приходит к аргументированному выводу о том, что «политика Б. Хмельницкого на протяжении освободительной войны 1648—1654 гг. относительно России» отражала «настроения всего украинского народа, стихийно стремившегося к объединению с народом русским..., с первых же шагов освободительной войны, с июня 1648 года» (с. 200). Этот тезис Н. Н. Петровского своим острием был направлен против буржуазно-националистических фальсификаций вопроса о воссоединении Украины с Россией.

Однако такие вопросы, как культурные, экономические, торговые связи русского и украинского народов, помощь Украине со стороны России оружием, продовольствием, разрешение русского правительства на беспошлинную торговлю с Украиной в годы войны и др. недостаточно освещены автором, который существенно не расширил источниковую базу по данной проблематике. Лишь в 50—60-е гг. эти аспекты русско-украинских связей стали объектом специального исследования в советской историографии (работы В. А. Голубуцкого, И. П. Кривяковича, А. К. Касименко, Ф. П. Шевченко, А. П. Лоты, Д. И. Мынко, Я. Д. Исаевича, Н. П. Ковальского и др.).

Как отмечал в дошедшей рецензии А. З. Барабой⁹, работа Н. Н. Петровского «содержит много плодотворных мыслей», среди которых выделяется тезис о глубоких симпатиях украинских народных масс к братскому русскому народу, о многообразных длительных связях между обоими народами, которые явились одной из предпосылок воссоединения Украины с Россией. Рецензент справедливо отметил также аргументированность утверждения Н. Н. Петровского «о решающем действии давления народных масс на казацкую стар-

шину» для решения вопроса о воссоединении Украины с Россией. Анализируя движущие силы войны, классовую борьбу на Украине в этот период, Н. Н. Петровский правильно отметил крестьянство, как основную силу ее, подчеркнул тот факт, что украинские крестьяне нередко выступали и против православного духовенства, и против казацкой старшины (в том числе и Б. Хмельницкого), когда те в 1649—1651 гг. шли на компромиссы с польскими феодалами.

Однако утверждение автора о том, что «от гнета польской шляхты терпел весь украинский народ, таким образом весь он был настроен против Польши» (с. 31) противоречиво. Ведь историк признавал, что союзником польской шляхты и магнатов выступало высшее духовенство и часть украинской шляхты (с. 31). Изложение событий ведется автором в хронологической последовательности, за исключением того случая, когда он неоправданно перенес характеристику развития украинско-русских связей XVI—XVII вв. (1569—1647 гг.) в самый конец книги (с. 189—200). От этого проигрывает стройность мотивировки стремлений украинского народа к воссоединению с русским задолго до войны.

Периодизацию Освободительной войны, предложенную Н. Н. Петровским, нельзя считать совершенной, ибо в ней не учитывались социально-экономические и политические процессы, происходившие на Украине. В ее основу были положены внешние факторы. Автор выделил следующие этапы войны: 1. Украина накануне освободительной войны. 2. Свержение польской власти на Украине (война 1648—1649 гг.). 3. Наступление шляхетской Польши на Украину (1650—1652 гг.). 4. Присоединение Украины к России (1654 г.). В данной периодизации терминология, существо процессов, их интерпретация и хронологические рамки вызывают некоторые возражения. Определение «польская власть» лишено классового содержания. Наступление шляхетской Польши происходило ежегодно в 1648—1654 гг., а не только в 1650—1652 гг. Свержение власти Речи Посполитой на Украине произошло еще в 1648 г. Из этой периодизации выпал 1653 г., год кровавых битв, окончательно подтвердивший невозможность освобождения Украины только собственными силами.

Справедливо замечание А. З. Барабой о том, что в книге Н. Н. Петровского не дано определения «через какую именно стадию феодального развития проходила Украина в тот период..., не дано картины колониальной экономической политики польской шляхты на Украине, разрушения ею произ-

⁹ «Историк-марксист», 1940, № 7, с. 137.

водительных сил страны и хищнической эксплуатации ее природных богатств» (с. 140).

А. З. Барабой в рецензии предложил свою периодизацию Освободительной войны, исходя из анализа социально-экономических отношений и классовой борьбы на Украине, из характеристики движущих сил войны. Этот подход, безусловно, правильный. Однако в реализации его рецензент, по нашему мнению, допустил некоторые противоречия и неточности. Например, он считает, что на втором этапе войны (конец 1649 — зима 1651—1652 гг.) крестьянство одно, без казацкой старшины и большей части реестрового казачества вело борьбу и против Польши и против феодалов вообще» (с. 140). С этим вряд ли можно согласиться. И казацкая старшина и большая часть реестрового казачества вели борьбу против магнатско-шляхетской Польши на всех этапах Освободительной войны 1648—1654 гг.¹⁰

Н. Н. Петровский объективно решил вопрос о роли Б. Хмельницкого в истории украинского народа, не идеализируя его и не принижая. Характеризуя социальную политику гетмана, автор на основании документов бывшего ЦГИА УССР показал, что Б. Хмельницкий уже с самого начала войны раздавал универсалы православным монастырям на крупные землевладения и эксплуатацию крестьян, а непокорных крестьян приказывал сурово наказывать (с. 220). Оценивая внутреннюю политику гетмана, исследователь указывал, что он «проводил классовую социальную политику казацкой старшины, что он не ставил задачи освободить украинское крестьянство от феодальной эксплуатации», что он «восстанавливал, хоть и не в большой мере, «послушество» крестьян на Украине державцам и монастырям, старшине, шляхте, жестоко подавляя всякие попытки протеста против этого и вообще против своей социальной политики» (с. 242).

Н. Н. Петровский определял роль Б. Хмельницкого «с точки зрения основного вопроса, который тогда стоял и решался украинским народом — освобождения из-под гнета шляхетской Польши и объединения с братским русским народом, ...которые были для украинского народа вопросами жизни и смерти» (с. 243). Богдан Хмельницкий, — пишет автор, — возглавляя борьбу украинского народа против господства польской шляхты, «довел эту войну до победного

¹⁰ Голобуцкий В. А. Походы Богдана Хмельницкого в 1648—1654 гг. — «Военно-исторический журнал», 1973, № 11, с. 88—95.

конца», и «как прогрессивный деятель нашей истории», как «представитель лучшей части казацкой старшины, ...которая пошла со своим народом в борьбе за объединение с братским русским народом» (с. 243), осуществил эти чаяния народа на исторической Переяславской Раде 1654 г.

Анализируя документы, Н. Н. Петровский охарактеризовал Переяславскую Раду 1654 г. как «народную», которая «отражала настроения всего украинского народа» (с. 204), желавшего воссоединения с Россией (с. 205). Однако в книге не показано во всех аспектах опрокинутое историческое значение прогрессивного акта воссоединения Украины с Россией для украинского народа.

В работе Н. Н. Петровского и трудах почти всех других авторов об Освободительной войне 1648—1654 гг., вышедших в 1939—1941 гг., в том числе и учебниках, подготовленных Институтом истории АН СССР¹¹, употребляются два ошибочных термина, отражавшие тогдашний уровень развития советской исторической науки. Первый термин — это «присоединение», вместо «воссоединение» Украины с Россией. Он неверен потому, что искажал смысл добровольного объединения братских народов, вышедших из единой колыбели — Древнерусского государства, а затем разъединенных в силу ряда внутренних и внешних причин почти на четыре столетия. Второй ошибочный термин — это то, что вхождение Украины в состав России авторы расценивали как «наименьшее зло», сравнительно с перспективой быть поглощенной шляхетской Польшей или султанской Турцией вместе с ее вассалом — Крымским ханством. Но ведь, как указывалось недавно в редакционной статье журнала «Коммунист Украины», «благодаря этому историческому акту украинский народ был спасен от иноземного порабощения»¹². А в спасении от порабощения (и, возможно, от истребления) украинского народа не могло быть никакой меры зла, даже наименьшей.

Лишь с выходом в свет «Тезисов о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954)», одобренных ЦК КПСС, где был дан глубокий анализ многовековой истории русского и украинского народов «столь близких, по ленинскому определению, и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹³, эти ошибочные термины были окончательно отвергнуты советской исторической наукой.

¹¹ История СССР. Т. I. Под ред. Пичеты В. И., Тихомирова М. И. и Шестакова А. В. М., 1941, с. 196.

¹² «Коммунист Украины», 1973, № 4, с. 79.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 32, с. 342.

Несмотря на наличие указанных и других, имеющихся в книге Н. Н. Петровского, недостатков, она не утратила научного значения и поныне.

Содержание работы Н. Н. Петровского конспективно изложено им в небольшой пятой главе краткого курса «Історія України»¹⁴, подготовленного коллективом сотрудников Института истории Украины АН УССР в 1940 г. Два параграфа (с. 78—84) этой главы посвящено предпосылкам Освободительной войны (1569—1647 гг.), а третий (с. 85—93) — непосредственно войне 1648—1654 гг. и воссоединению Украины с Россией. Все основные идеи монографии Н. Н. Петровского и его главы в популярном учебнике совпадают, поэтому нет необходимости подробно анализировать эту кратенькую главу.

Хотя в главе указано, что «это была война общенародная, война справедливая» (с. 85), однако в ней по существу не сформулированы четко причины войны, недостаточно глубоко раскрыт ее антифеодальный характер. В этой главе упоминается о различных формах проявления русско-украинских связей: переселение украинцев, в основном казаков, в пределы России, о фактах боевого содружества запорожских и донских казаков против турецко-татарской агрессии, о том, что представители украинского духовенства и казачества ставили вопрос перед русским правительством о воссоединении Украины с Россией (с. 81, 82, 83, 84, 85). Однако основным недостатком этого раздела является то, что автор не показал прогрессивную роль возникновения и развития Русского централизованного государства в исторических судьбах украинского народа, не вскрыл объективной закономерности развития украинско-русских связей в различных областях общественно-экономической, политической и культурной жизни. Таким образом, не была достаточно аргументирована историческая необходимость воссоединения Украины с Россией.

Книга «История Украины. Краткий курс» подвергалась серьезной критике в постановлении ЦК КП(б)У от 29 августа 1947 г. «О политических ошибках и неудовлетворительной работе Института истории Украины Академии наук УССР»¹⁵.

¹⁴ Історія України. Короткий курс. За ред. Белоусова С. П., Гуслистого К. Г., Петровського Н. П., Сунруненко Н. И., Ястремова Ф. А. К., 1940.

¹⁵ «Більшовик України», 1947, № 8, с. 2—5.

Научные статьи, о которых речь пойдет ниже, касаются лишь отдельных проблем Освободительной войны 1648—1654 гг. Так, А. З. Барабой и И. Д. Бойко рассматривают только вопрос о причинах и значении воссоединения Украины с Россией.

А. З. Барабой во вступительной части статьи¹⁶ остановился на целях, которые ставили себе в Освободительной войне различные слои украинского народа: казачья старшина, духовенство, рядовое казачество, крестьянство, горожане и убедительно показал крестьянство как главную движущую, решающую и наиболее непримиримую силу Освободительной войны. Автор глубоко проанализировал экономическое и политическое положение украинских земель в составе Речи Посполитой. Он вскрыл сущность опасности поглощения Украины султанской Турцией и Крымским ханством. А. З. Барабой, разоблачая измышления украинской буржуазно-националистической историографии, убедительно показал, что решение Переяславской Рады о воссоединении Украины с Россией было обусловлено «не минутными соображениями, а длительными интересами лучшей части казачьей старшины и реестрового казачества. Главной же причиной добровольного присоединения Украины к России были симпатии народных масс Украины к Москве и нашим массам на старшину и Хмельницкого» (с. 103—104).

В статье И. Д. Бойко¹⁷ во вступлении дается историографический обзор (с. 27—29) дореволюционной литературы по исследуемому вопросу, где автор подверг марксистской критике взгляды русских великодержавных и украинских буржуазно-националистических историков. Достоинство данной статьи состоит в том, что автор сумел раскрыть в различных аспектах значение воссоединения Украины с Россией, прогрессивность этого исторического акта, заключавшегося, по его мнению, в следующем: объединялись силы двух братских народов для совместной борьбы против польско-шляхетской и татарско-турецкой агрессии; Украина исключалась из состава Речи Посполитой с присущей ей шляхетской анархией и включалась в состав Русского централизованного государства; Украина вышла из системы феодалочного хозяйства, задерживавшего развитие ее производительных сил; украин-

¹⁶ Барабой А. З. К вопросу о причинах присоединения Украины к России. — «Историк-марксист», 1939, № 2, с. 87—111.

¹⁷ Бойко І. Д. До питання про приєднання України до Росії. — «Учені записки Харківського держуніверситету ім. О. М. Горького». Кн. 15. Труды історичного факультету, 1939, № 1, с. 27—39.

ский народ освободился от национального и религиозного гнета со стороны польской шляхты и католического духовенства. Положение крестьянства в результате освободительной войны значительно улучшилось. Вместе с тем автор показал классовую ограниченность политики царского самодержавия по отношению к восставшему против польско-шляхетского угнетения украинскому крестьянству.

В 1940 г. ректор Львовского университета им. И. Франко М. И. Марченко опубликовал статью о развитии феодальных отношений на Украине в период Освободительной войны и последующие годы¹⁸. На основе анализа многочисленных актовых материалов исследователь раскрыл классовую сущность внутренней политики Б. Хмельницкого, показав, что правительство последнего стремилось освободившихся от польско-шляхетского гнета крестьян снова обратить в феодальную зависимость, опираясь при этом на привилегированное сословие — 40-тысячное реестровое казачество (с. 27). Историк привел многочисленные примеры того, как Б. Хмельницкий после изгнания польских феодалов наделял землей православные монастыри, а крестьян близлежащих сел обязывал нести в пользу монастырей различные феодальные повинности, упряжая за «непослушничество» суровыми наказаниями. М. И. Марченко пришел к аргументированному выводу о том, что сложившееся соотношение классовых сил привело к образованию на Украине государственных форм управления с функциями держать в повиновении феодалам эксплуатируемое крестьянство и защищать рубежи своей территории от внешних врагов (с. 29).

Накануне Великой Отечественной войны доцент Ленинградского института В. А. Голобуцкий часть своей кандидатской диссертации опубликовал под названием «К истории дипломатических сношений Московского правительства с Богданом Хмельницким в начальный период (1648)»¹⁹. На основании анализа актов русского происхождения В. А. Голобуцкий тщательно проследил эволюцию отношений русского правительства к событиям на Украине и к возможной угрозе со стороны Крымского ханства. Он уделил большое внимание развитию русско-польских отношений накануне и

в первый год Освободительной войны, показал объем разнообразной политической и военной информации, получаемой русским правительством извне о событиях на польско-украинском театре военных действий, сложность внешнеполитического и внутриполитического положения русского правительства в этот период. Вместе с тем автор осветил постоянную дипломатическую деятельность Б. Хмельницкого с целью добиться от русского правительства активных действий в пользу совместной борьбы против шляхетской Польши и воссоединения Украины с Россией. В. А. Голобуцкий пришел к достаточно убедительным выводам, объяснив причины осторожной позиции русского правительства к событиям на Украине в 1648 г. возможными перспективами втягивания России в войну с Речью Посполитой и установления классового союза между русскими и украинскими крестьянами в борьбе против феодалов обеих стран. Исследователь пришел также к выводу, что в комплексе мотивов, которыми руководствовалось русское правительство, определенное место занимала и надежда на избрание Алексея Михайловича на вакантный польский престол.

В предвоенные годы не были изданы источниковедческие исследования по истории Освободительной войны 1648—1654 гг. Исключением явилась работа одесского историка профессора С. Я. Борового. В 1940 г. он опубликовал оригинальную статью²⁰, посвященную источниковедческому анализу «Хроник» Ивана Гашковера и подобных мемуаров других очевидцев, современников Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Автор впервые произвел марксистский анализ классовых позиций и мировоззрения этой группы средневековых хронистов, всесторонне стремившихся завуалировать свою политическую тенденциозность.

Здесь нет необходимости останавливаться на анализе вышедшей в 1939 г. научно-популярной биографии Богдана Хмельницкого²¹, написанной кандидатом исторических наук К. Осиповым (1900—1955 гг.), поскольку об этой книге имеется достаточная литература — обстоятельные рецензии В. И. Дичеты²² и Н. Е. Подорожного²³.

¹⁸ Марченко М. И. До питання розвитку феодальних відносин на Україні в рр. 1650—1660. — «Записки історичного і філологічного факультетів Львівського держуніверситету ім. І. Франка». Т. І. Львів, 1940, с. 25—39.

¹⁹ «Ученые записки Ленинградского госпединститута им. А. И. Герцена». Т. 39, 1941, с. 120—133.

²⁰ Боровой С. Я. Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины. — «Исторические записки». 1940, № 9, с. 81—124.

²¹ Осипов К. Богдан Хмельницкий. — Серия ЖЗЛ. М., 1939.

²² «Исторический журнал». 1940, № 12, с. 127—132.

²³ «Военно-исторический журнал». 1940, № 11, с. 121—124.

Подводя итог данному обзору, думается, можно сделать вывод о том, что на рубеже 30—40-х годов советская историческая наука сделала первые шаги в деле марксистского освещения сложного комплекса проблем Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Ею был установлен народно-освободительный характер войны 1648—1654 гг., изучены военные действия, дипломатия, социально-экономические последствия войны, историческая закономерность воссоединения двух братских народов и большое прогрессивное значение этого акта, роль личности Б. Хмельницкого, движущие силы войны, классовый характер зарождавшейся государственности на освобожденной территории и т. д. Предвоспнившая литература об Освободительной войне 1648—1654 гг. явилась важным этапом в разработке основных вопросов истории Украины периода феодализма, в особенности XVII в. Несмотря на ряд ошибок в освещении отдельных вопросов, на несовершенство некоторых терминов, работы 1939—1941 гг. послужили прочной базой для дальнейшего развития советской исторической науки и явились основой для разработки важнейших проблем Освободительной войны в середине 50 — начале 60-х годов. Многие из теоретических обобщений, имевшихся в трудах советских историков тех лет об Освободительной войне, стали исходными для итоговых «Тезисов о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954)», одобренных ЦК КПСС и опубликованных в 1954 г.

Советская историография послевоенных лет достигла определенных успехов в изучении истории Освободительной войны 1648—1654 гг., особенно в связи со всенародным празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией. Многие проблемы этой войны получили дальнейшее разрешение.

Однако и на сегодняшний день в истории Освободительной войны «еще осталось немало неизученного. Это касается, например, социальной политики гетманского правительства, прежде всего в крестьянском вопросе, противоречий в среде правящей верхушки, а также роли городов и мещанства в освободительном движении, помощи Украине со стороны России и т. д.»²⁴. Указанные проблемы ждут своих исследователей.

²⁴ Голобуцкий В. О. Актуальні питання історії України доби феодалізму і завдання радянських істориків. — «Український історичний журнал», 1973, № 9, с. 29—30.

А. К. ШВИДЬКО

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ГОРОДОВ УКРАИНЫ В УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблемы социально-экономического развития средневековых городов занимают особое место в историографии. Длительность эпохи феодализма, отсутствие публикаций многочисленных актов, книг и документов, сложность социально-экономических и политических явлений на Украине указанного периода усложняют работу над данными вопросами. Следует заметить, что если в РСФСР уже вышел ряд работ по истории народного хозяйства и городов¹, то на Украине в этом отношении сделано значительно меньше². О некоторых успехах в исследовании городов Украины, в том числе и периода феодализма, за последние годы свидетельствует многотомное издание «Истории городов и сел», работы по истории отдельных городов³. По истории феодализма на Украине имеются издания документов, включающих в

¹ Любимов П. Г. Очерки истории русской промышленности. М., 1947; Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948; Сербица К. Н. Очерки социально-экономической истории русского народа. М.-Л., 1951; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1958; Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. I. М., 1954; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956; Лященко П. Н. История народного хозяйства в СССР. Т. I. М., 1956; Города феодальной России. Сб. статей. М., 1966 и др.

² См. Ленінська теоретична спадщина в українській радянській історіографії. К., 1969, с. 23—26.

³ История Киева в 2-х т. К., 1960; История Львова. Львів, 1956; Нариси історії Львова. Львів, 1956.

себя историю городов⁴, а также сборник документов по истории города Львова⁵.

Однако изучение феодальных городов как центров ремесла и торговли, просвещения и культуры остается одним из наименее исследованных звеньев истории Украины.

Выбор данной темы обусловлен отсутствием работы, в которой была бы дана историография украинских феодальных городов. Цель статьи — проследить разработку вопросов социально-экономического развития городов Украины феодальной эпохи украинскими советскими историками и определить круг проблем, требующих дальнейшего исследования: причины возникновения, развития и упадка городов; заселение Украины и так называемую «культурную миссию» польской шляхты; магдебургское право и его роль в жизни города; развитие ремесла, промыслов и зарождение элементов капитализма; формирование внутреннего рынка; социальный и национальный состав населения городов и правовое положение различных категорий менщан; классовая борьба в городах; просвещение и культура в городах.

Большое теоретическое значение для изучения истории городов имеют труды классиков марксизма-ленинизма. Они открывают исследователям перспективу успешного изучения истории городов как центров промышленной и торговой деятельности и увязывают их историю с историей определенных социально-экономических формаций. В этом отношении в первую очередь следует указать на такие труды К. Маркса и Ф. Энгельса, как «Немецкая идеология»⁶, «Крестьянская война в Германии»⁷, «Капитал»⁸, и труды В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»⁹ и «Развитие капитализма в России»¹⁰.

Их методологические указания взяты украинскими советскими исследователями за основу изучения социально-экономической истории городов.

⁴ Історія України в документах і матеріалах. Т. I. Київська Русь і феодальні князівства XII—XIII ст. Вид. 2. К., 1946; Україна перед визвольною війною 1648—1654 рр. Збірка документів (1639—1648 рр.). К., 1946; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы (к 300-летию 1654—1954). В 3-х т. М., 1954; Документи Богдана Хмельницького (1648—1657). К., 1961.

⁵ Соціальна боротьба в місті Львові в XVI—XVIII ст. Зб. документів. Львів, 1961.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 3.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 7.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23—25.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 1.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 3.

В первые годы Советской власти происходила борьба между старой буржуазной историографией и молодой марксистско-ленинской наукой. И только в начале 30-х годов после разрома буржуазно-националистической историографии окончательно утвердилась марксистская историческая наука.

Наиболее широкий круг вопросов средневековых городов Украины охватывает монография Е. С. Компан, посвященная исследованию развития городов после освободительной войны¹¹. Монография хронологически продолжает известные исследования А. И. Барановича (первая половина XVII ст.). Исследуемый период, когда часть украинских земель (Левобережье) воссоединилась с Россией, позволил автору проследить зарождение и развитие капиталистических отношений в городе, определить социальный и национальный состав населения, а также сравнить развитие городов, оставшихся после Освободительной войны 1648—1654 гг. под властью Польши, с развитием городов Левобережья и указать на большое значение для украинских городов воссоединения Украины с Россией и включения их в единую систему общероссийского рынка, который, по определению В. И. Ленина, имел решающее значение в процессе развития капитализма¹².

Однако ограниченный период, исследуемый автором, не дает возможности проследить динамику социально-экономической жизни украинских городов, сравнить их с русскими и западноевропейскими городами для того, чтобы определить общие черты и различия в их развитии. Вне поля зрения автора остался и такой важный вопрос, как роль городских сел в экономической жизни города. При рассмотрении условий, в которых развивались украинские города, возникает необходимость осветить социально-классовую борьбу в городах и формы ее проявления в условиях средневековья и иноземного угнетения. Раздел о социально-классовой борьбе, безусловно, содействовал бы более четкому представлению о социально-экономическом развитии украинских городов.

Важной задачей является также рассмотрение заселенности феодальных городов, как и всей Украины в целом, поскольку изучать социально-экономическую историю народов — это значит «изучать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства отдельно и изучать его

¹¹ Компан О. С. Міста України в другій половині XVII ст. К., 1963.

¹² Рецензия на монографию Е. С. Компан. См. «Український історичний журнал», 1963, № 6, с. 142—144.

связь и соотношение в данной системе»¹⁴. Изучение вопроса осложняется отсутствием документальных данных, и историки пользуются косвенными методами определения количества населения, в частности, рассматривая подымные реестры.

Наиболее детально исследовал вопросы заселения украинских земель А. И. Баранович, посвятивший этому ряд работ¹⁵. На основании изучения источников и, в частности, подымных реестров, он подверг критике и отбросил утверждение А. Яблоновского и М. Владимирского-Буданова о мнимой «культурной миссии» польской шляхты, указав на значительную заселенность Волинии, Киевщины и Брацлавщины.

Вопросы заселенности украинских земель и, в частности, Левобережной Украины в XVIII в. рассматриваются в статье В. М. Кабузана¹⁶. Что касается населения отдельных городов, то сведения о них содержатся в ряде монографий и статей^{17—18}.

Как и в вышеупомянутых работах советских авторов¹⁹, в обобщающей монографии Я. П. Кися исследована история одного города (Львова) на протяжении значительного отрезка времени — от зарождения феодализма до возникновения капиталистических отношений в промышленности. На основе

¹⁴ Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 2, с. 169.

¹⁵ Баранович О. З історії заселення Південної Волині. — «Записки історично-філологічного відділу Української Академії Наук». К., 1925; Его же. Залюднення Волинського воєводства в першій половині XVII ст. К., 1930; Его же. Залюднення України перед Хмельниччиною. К., 1931; Его же. Новый город Западной Украины в XVI в. М., 1951; Его же. Украина накануне Освободительной войны середины XVI в. М., 1959.

¹⁶ Кабузан В. М. Численність українського населення на території Росії за ревізіями 1732, 1763 рр. — «УІЖ», 1960, № 6, с. 163—167.

^{17—18} Історія Києва в 2-х т., т. 1, 1960; Ісаєвич Я. Д. Город Дрогобич в XVI—XVIII ст. — «Города феодальной России». М., 1966, с. 160; Кісь Я. П. Промисловість Львова у період феодалізму. Львів, 1963, с. 25—31.

¹⁹ Юркевич В. Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Богдана Хмельницького. К., 1932; Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины в XVI—XVIII вв. Харьков, 1964; Крикун М. Г. Важливе джерело для вивчення історії міст і сіл України (Люстрація Подільського воєводства 1665 р.) — «Науково-інформаційний бюлетень архівного управління УРСР». К., 1963, № 3.

широкого круга источников (актовый материал ЦГИА СССР в г. Львове, мемуары и др.) Я. П. Кись раскрывает генезис капитализма в промышленности и упадок феодального режима, исследует социальное положение городского населения, различные формы классовой борьбы, рассматривает цеховые организации и городские села.

Однако в целом еще отсутствуют работы, в которых бы на материалах городов всей Украины рассматривался процесс социально-экономического развития их от возникновения до разложения феодализма.

Особенно важной является проблема возникновения феодальных городов на Руси и их дальнейшее историческое развитие после распада Киевской Руси на отдельные феодальные владения, а также формирование трех братских народностей.

Причины возникновения городов во всемирно-историческом процессе сформулировали К. Маркс и Ф. Энгельс, указав, что ею было второе крупное разделение труда — отделение ремесла и торговли от земледелия. Однако конкретно-исторический подход при исследовании городов требует выяснения вопроса, когда возникла основная масса городов и что они представляли собой на каждом отдельном этапе существования, ибо не всегда сам термин «город» отвечал требованиям города, то есть, организация ремесла и торговли, система городского управления, городские социальные слои и т. д. Как возникли города, каким был контингент населения первоначального и последующих периодов развития города? В какой мере феодальные города имели земледельческий характер? Эти вопросы еще не нашли полного освещения в украинской советской историографии.

Однако указанные работы ограничены узкими хронологическими рамками (XVI—XVIII вв.) и определенными географическими районами Украины.

Одним из вопросов истории феодального периода является магдебургское право и его роль в жизни города. Советские историки в своих научных изысканиях показали несостоятельность утверждения буржуазных историков о магдебургском праве, как «чуждом украинскому городу»²⁰. По отношению к магдебургскому праву в советской историографии существует два противоположных мнения. Одной из

²⁰ Владимирский-Буданов М. Н. Німецьке право в Польщі і Литві. — Розвідки про міста і міщанства на Україні—Русі в XV—XVIII ст. Ч. II. Львів, 1904; Багалій Д. І. Магдебургське право на Лівобічній Україні. Там же.

первых работ в советской исторической литературе о магдебургском праве была статья М. Н. Петровского, в которой он отмечал, «как важно было для городского населения, для развития городских промыслов и торговли это магдебургское право и как оно содействовало заселению городов, а также их экономическому росту — поскольку, обычно это право не нарушалось противозаконными поступками старост и владык Польши»²¹.

Если М. Н. Петровский преувеличивал роль магдебургского права, полностью изъав горожан из-под власти королевских наместников и «владык», то В. Д. Отамановский, посвятивший этому вопросу докторскую диссертацию и статью, отрицает всякую позитивную роль немецкого права²². На основании изучения источников Отамановский отбрасывает концепцию буржуазных историков, согласно которой магдебургское право было копией немецкого, и делает вывод, что до введения права на самоуправление на Украине существовал городской строй, который основывался на традициях и нормах древнерусского и украинского обычного права, и что не привилегии магдебургии определяли правовое положение украинских городов и формы городского строя, а их экономическое развитие и производственные отношения, поскольку они лежат в основе развития общества и его социально-правовых отношений.

К такому же выводу приходят Я. Д. Исаевич, Я. П. Кись²³ и другие, которые считают, что магдебургское право украинских городов — это не немецкое, а древнерусское муниципальное право, возникшее путем слияния обычного права с видоизмененными и приспособленными к местным условиям элементами других правовых систем, в том числе немецкого магдебургского права.

Если в вопросе о сущности магдебургского права историки, в основном, высказывают единое мнение, то относительно его роли в развитии городов и смены городского строя в процессе их развития существуют разногласия. Оценивая роль магдебургского права в истории городов, Я. Д. Исаевич, а также Я. П. Кись стоят на противоположной

²¹ Петровський М. Н. Надання м. Ніжину магдебурзького права у 1625 році. — Чернігів і Північне Лівобережжя. К., 1928, с. 302.

²² Отамановський В. Д. Развитие городского строя на Украине в XVI—XVIII вв. — «Вопросы истории», 1958, № 3.

²³ Исаевич Я. Д. Город Дрогобыч в XVI—XVIII вв., с. 160—167; Кись Я. П. Промисловість Львова, с. 184.

Отамановскому точке зрения, который отбрасывал всякую положительную роль магдебургского права. К первому мнению присоединяются К. Г. Гуслистый и В. С. Кульчицкий²⁴. Как свидетельствуют факты истории украинских городов, значение магдебургского права зависело от конкретно-исторических условий, от того, в чьих руках было городское управление. Как правило, оно находилось в руках зажиточной верхушки — городского патрициата. С одной стороны, магдебургское право формально освобождало города от власти королевской администрации и в некоторой мере способствовало экономическому развитию городов, с другой, — сопровождалось усилением в городах иноземной колонизации, национального и религиозного гнета.

В то же время магдебургское право не освобождало города от феодальной зависимости. Господство шляхты, сдерживающей самоуправление, приводило к дезорганизации экономики, ослаблению городов в экономическом и политическом отношении²⁵.

Классики марксизма-ленинизма придавали большое значение изучению ремесла и промыслов как простого товарного производства в докапиталистический период, которое в своем дальнейшем поступательном развитии превратилось в хозяйство капиталистическое²⁶. Эта проблема была объектом исследования еще в 20-е годы. Однако исследования указанного периода основывались на узкой источниковедческой базе и касались отдельных вопросов цехового производства²⁷.

С середины 50-х годов усилился интерес советских исследователей к проблематике развития ремесла и промыслов.

²⁴ Гуслистый К. Г. Нариси з історії України. Виш. II. К., 1939, с. 54; Его же. Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа (период феодализма). К., 1963, с. 35; Кульчицкий В. С. Кодифікація права на Україні в XVIII ст. Львів, 1958; Кульчицкий І. М. Українсько-німецькі історичні зв'язки. К., 1969, с. 29.

²⁵ Гуслистый К. Г. Нариси, с. 46—54; Михайличенко П. В. Міста України в період феодалізму. (До питання про становище міст в умовах іноземного поневолення в кінці XVI — першій половині XVII століття). Чернівці, 1971, с. 30.

²⁶ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 3, с. 23.

²⁷ Лазаревська К. Матеріали до історії цехів на Лівобережній Україні XVII—XIX ст. Єршов А. До історії цехів на Лівобережжі в XVII—XIX ст. — «Записки Ніжинського інституту народної освіти». Кн. VI. Ніжин, 1926; Его же. Ніжинські цехи в першій половині XVII ст. — ЗІФВ УАН. Кн. XII. К., 1928; Ткаченко М. Місто Остер в XVII—XVIII ст. — ЗІФВ УАН. Кн. 6. К., 1925; Клименко П. Цехи на Україні. К., 1929.

Для работ этого периода характерна широкая источниковедческая база, углубление изучения процесса распада цехового ремесла и зарождение капиталистических отношений²⁸.

В них рассматривается городское ремесло, производственной чертой которого была цеховая организация труда. Буржуазные историки видели в социально-экономической природе цехового строя не определенный исторический этап в организации ремесла, соответствующий уровню развития производительных сил и производственных отношений, а искусственную организацию, перенесенную и насильно введенную.

Единственно верный ответ на вопрос о происхождении цехов дают работы классиков марксизма-ленинизма²⁹. Но каждая страна проходит и особые стадии развития, поэтому необходимо видеть как общее, роднящее цехи на Украине с цехами других средневековых городов, так и специфическое, характерное только для данного города, для данной эпохи в жизни города. В чем состоят общие черты цехов на Украине и в Западной Европе? В том, что ремесленный цех представляет собой корпорацию, соответствующую по характеру своей деятельности состоянию производительных сил в стране, хотя на Украине цехи не приобрели классической формы замкнутой ремесленной корпорации. Наряду с этим существуют черты отличия в самой организации цехов разных городов, их компетенции и функциях, в хронологических рамках их существования. Как влиял на организацию ремесла украинских городов распад западноевропейских цехов, начавшийся уже в период возникновения последних на Украин-

²⁸ Білецький С. Г. — У кн.: Розвиток ремесла і промислів у місті Львові в середині XVII ст. — З історії західно-українських земель. (Далі — З історії...). Вип. 1. К., 1957; Яценко Г. А. Из истории разложения цехового строя во второй половине XVIII в. во Львове. — Доповіді та повідомлення. Вип. 7, ч. II. Изд-во Львовского университета, 1957; Голобуцький В. О. Про цехове ремесло і зародження капіталістичного виробництва в XVI — першій половині XVII століття на Україні. — «Вісник АН УРСР», 1958, № 8; Нестеренко О. О. Розвиток промисловості на Україні. Т. I, К., 1959; Івкін В. Ф. Нарис економічного розвитку Львова у XVIII ст. Львів, 1959; Ісаєвич Я. Д. До характеристики ремесла і торгівлі в Дрогобичі в 30—60 роках XVII ст. — З історії. Вип. 4. К., 1960; Мишко Д. І. Про розвиток міського ремесла на Україні в XV — першій половині XVI століття. — «УІЖ», 1963, № 2; Гросман Ю. М. О роли цехов во Львове в XVI—XVII вв. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966; Кісь Я. П. Промисловість Львова...

²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Изд. 2-е, т. 3, с. 50—51.

не? Эти и другие вопросы требуют дальнейшего изучения, несмотря на то, что цехам посвящено сравнительно много работ по проблемам развития украинского феодального города. В них делается попытка показать организацию ремесла, определить количество ремесленников и видов ремесла. Организация производства и сбыта продукции рассматривается в указанной работе Я. П. Кіся.

В феодальном городе имело место существование работы ремесленников за заказ и на продажу. В исследованиях прослеживается как с развитием ремесленной техники, усовершенствованием ремесленного мастерства увеличивается выпуск продукции. Постепенно ремесленник становится товаропроизводителем, то есть, изготавливает товары на рынок. При изучении феодального ремесла следует обратить внимание на процесс усовершенствования средств производства, на то, как осуществлялся производственный процесс, поскольку в основе развития общества лежит развитие производства и важно не только то, что производят, но главным образом — как производят³⁰.

В исторической литературе существуют противоположные мнения, считать ли цеховое ремесло и промыслы на Украине уже в XVI в. началом зарождения капитализма, или оно в этот период полностью соответствовало феодальному состоянию страны³¹. В какой связи находятся цеховые ремесленные мастерские с возникновением первых капиталистических мануфактур? Произошло ли перерастание мастерской ремесленника в мануфактуру, или основой капиталистического производства стали лишь промыслы, которыми занималось сначала сельское население, но которые были связаны с городскими ремеслами? Эти вопросы еще недостаточно освещены в исследованиях.

С увеличением производства товаров на рынок и развитием товарно-денежных отношений усиливается расслоение внутри цехов. Если раньше путем строгого ограничения производства и сбыта достигалось в определенной мере равенство между ремесленниками, то уже в XVI—XVII вв. все более четко проявляется имущественное и правовое расслоение внутри цехов. Ремесленное производство начинает выходить за рамки цехового ремесла, поскольку цеховые законы, ограничивая размеры производства тем самым препят-

³⁰ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Изд. 2-е. Т. 3, с. 19.

³¹ Пономарьов О. М. Про початок мануфактурного періоду на Україні. — «УІЖ», 1970, № 3.

способствовали превращению цеховых мастеров в капиталистов³². Феодальная система производства и распределения продуктов порождала значительную группу внецеховых ремесленников, так называемых партачей (от *a parte confraternitas* — вне цеха), оставляя за рамками цеха массу ремесленников. Если на Западе партачи появились в период распада цехового строя, то на Украине они существовали с самого начала возникновения цехов. В чем причина этого явления? Частично вопрос внецехового ремесла и партачей нашел разрешение в работах украинских советских урбанистов И. П. Крип'якевича, Г. А. Яценко, В. Ф. Инкина, Я. П. Кісь³³ и других. Очевидно, причина возникновения партачей была не только в расслоении внутри цехов и угнетения учеников и подмастеров, но и в значительной степени в национальных и религиозных препятствиях, на пути к вступлению в цеховое братство. Расходятся мнения в вопросе о роли партачей в борьбе с цеховыми ограничениями и о формировании капиталистического производства, в какой мере партачи, не подчиняясь цеховым ограничениям, втягивались в товарно-денежные отношения, и можно ли с уверенностью утверждать, что основная масса партачей становится наемными рабочими³⁴.

Одни исследователи считают, что партачи были носителями прогрессивных тенденций, поскольку они, не будучи связанными цеховыми путями и являясь страждующими ремесленниками, внедряли более передовую технику производства³⁵. Другие полагают, что партачи не сыграли сколько-нибудь значительной роли в борьбе с цеховой регламентацией и в создании предпосылок капиталистического производства³⁶. Действительно, не подчиняясь цеховым ограничениям, партачи быстрее перенимали новые достижения производственной техники, увеличивали выпуск продукции, улучшали ее качество, создавали свободную конкуренцию товаров на рынке и этим самым подрывали устои цеховой

³² См. Маркс К. Капитал. Т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 23, с. 371.

³³ Крип'якевич І. П. Боротьба нецехових ремісників проти цехів у Львові (1590—1630). — У кн.: 3 історії... Вип. I. К., 1957; Яценко Г. Позацехове ремесло у Львові. — У кн.: Нариси історії Львова. Львів, 1956; Ей же. Розклад цехів у Львові (1740—1770). — У кн.: 3 історії... Вип. 2. К., 1957; Інкін В. Ф. Нарис економічного розвитку Львова у XVIII ст. Львів, 1958; Кісь Я. П. Промисловість Львова...

³⁴ См. Крип'якевич І. П. Там же, с. 14.

³⁵ См. Інкін В. Ф. Нарис економічного розвитку Львова у XVIII ст. Львів, 1959, с. 23.

³⁶ См. Кісь Я. П. Промисловість Львова, с. 74.

организации. В то же время правомочно утверждение, что внецеховые ремесленники мало втягивались в товарно-денежные отношения при существующих производственных отношениях, низком уровне развития страны, слабо развитом рынке. Партач не имел необходимого капитала для расширения своего производства, хотя наемной рабочей силы было достаточно, то есть, партачи были экономически слабыми, хотя упряжались цехам своим количеством³⁷. А само разложение цехов в XVIII в. — исторически прогрессивное явление, поскольку разложение цехового строя и развитие простого товарного хозяйства, не связанного цеховыми путями, является исходным пунктом развития капиталистических отношений в породе.

В XVII—XVIII вв. украинские города, по утверждению буржуазных историков (М. Владимировского-Буданова, А. Верзилова и др.), переживают период упадка ремесла и торговли, причиной чего было мансбургское право и засилье иноземного элемента в украинских городах. В связи с отсутствием специальных исследований, в украинской советской историографии до середины 50-х годов продолжала существовать эта ошибочная концепция. Благодаря работам В. Ф. Инкина, Я. П. Кісь и других история городов в данный период стала объектом специального исследования. Автор считает, что период XVII в. не был временем упадка ремесла и торговли — это был этап качественных изменений в промышленности и торговле, этап вступления городов в стадию зарождения капиталистических элементов в промышленности и торговле.

О развитии промышленности мануфактурного периода — промыслов имеем целый ряд исследований, в которых авторы указывают на значительный уровень производства на Украине XVII—XVIII вв.³⁸ Расширение источниковедческой базы даст возможность исследовать этапы и динамику развития экономики украинских городов и ее место в экономической системе России.

³⁷ Яценко Г. Розклад цехів у Львові в 1740—1770 рр. — У кн.: 3 історії... Вип. 2. К., 1957, с. 69.

³⁸ Середенко М. М. Початковий період у розвитку заводської металургії на Україні. — «Наукові записки інституту економіки АН УРСР», т. 2. К., 1954; Федоренко А. К. Рудні Лівобережної України в XVII—XVIII ст. М., 1960; Бойко І. Д. Промисли на Україні в XVI — першій половині XVII ст. — «МІЖ», 1962, № 1; Пономарев А. М. Промисловість України в XVII в. Начальные формы мануфактуры. Черновцы, 1963 и др.

В неразрывной связи с развитием ремесел и промыслов находится формирование внутреннего рынка, поскольку «степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране»³⁹. За период с XV по XVIII в. торговля, которую вели городские купцы, пережила значительную эволюцию. Если сначала она была мало связана с производством — купцы играли роль посредников между внешним рынком, с одной стороны, и местным патрициатом и феодалами, с другой стороны, то позже развитие производительных сил требовало расширения внутреннего рынка. Вместе с развитием производительных сил происходят и качественные изменения в торговле. Внутренняя торговля становится более связанной с производством и одновременно влияет на внешнюю торговлю. Торговый капитал постепенно подчиняется промышленному и функционирует уже как подчиненный ему. Не понимая качественных изменений в развитии торговли эпохи феодализма, буржуазные историки считали периодом ее наибольшего развития XV—XVI вв., когда процветала транзитная торговля на путях между Черным и Балтийским морями (в частности, А. Верзилов). Они не могли заметить роли купечества из числа горожан, которое создавалось вместе с формированием промышленного населения города⁴⁰.

Расширению внутренней торговли способствовало не только развитие городского ремесла, но и развитие сельского хозяйства, без чего не могло быть бесперывного обмена между городом и селом.

Какую роль в торговом обороте играли ярмарки и торги, каковы были размеры торговли вне их? Эти и другие вопросы еще нуждаются в исследовании.

Почти полностью вне поля зрения исследователей осталась внешняя торговля. Можно говорить лишь о нескольких работах. Так, в работе Н. Ф. Котляра указано направление торговых путей во внешне-экономических сношениях Галицкой Руси⁴¹. Многочисленные факты русско-украинских торговых сношений приводятся в монографии Крипякевича и в статье Н. П. Ковальского, написанных на широкой источниковедческой базе, а также в монографии молдавской иссле-

довательницы Е. Подградской⁴². При изучении внешней торговли задача историков заключается и в том, чтобы связать период ее упадка с формированием внутреннего рынка.

Не менее важным в исследовании средневекового города является вопрос о социальном и национальном составе населения города, о правовом положении горожан. В связи с тем, что украинские города стали центрами, в которых, кроме украинцев, поселялись русские, поляки, немцы, шотландцы, греки, армяне, евреи, цыгане и др., то все население состояло в неравном положении, в частности по отношению к господствующей народности, какой на Украине была польская, в лице польской шляхты и магнатов. Национальный гнет на Украине переплетался с религиозным и социальным. Вопрос о социальном и правовом положении различных категорий городского населения частично нашел отражение в исследованиях И. В. Михайлины, Я. П. Кися, Г. А. Яценко⁴³. Однако работы, в которых раскрывалась бы вся картина переплетения социального, национального и религиозного гнета в городах Украины, пока что отсутствуют.

Для разоблачения антинаучных концепций украинской буржуазно-националистической историографии о «безбуржуазности», «безклассовости» украинской нации важное значение имеют работы советских исследователей, в которых доказывается, что среди украинского населения городов в эпоху средневековья существовала классовая дифференциация, острые противоречия и борьба бедноты с богачами. По этот вопрос требует специального глубокого исследования на основе дальнейшего изучения источников.

Социальный и национальный гнет в городах порождал определенную идеологию в разных слоях и классах горожан, экономическое положение и интересы которых обуславливали чувства, настроения, инстинкты, изменения психологического состояния. То есть, на первый план при рассмотрении данного вопроса здесь должна выдвинуться роль общественной психологии. За сухими цифрами и фактами необходи-

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 3, с. 60.
⁴⁰ Гуржий И. О. Соціально-економічні зміни та розвиток постійної торгівлі в містах України кінця XVII — першої половини XIX століття. — «УІЖ», 1959, № 5.
⁴¹ Котляр М. Ф. Галицька Русь у другій половині XIV — першій чверті XV століття. К., 1968, с. 119.

⁴² Крип'якевич І. П. Зв'язки Західної України з Росією до середини XVII ст. Нариси. К., 1953; Ковальський М. П. До питання про економічні зв'язки західноукраїнських земель з Російською державою в другій половині XVI—XVII ст. — «Доповіді та повідомлення Львівського держуніверситету». Вип. VIII, ч. I, 1958; Подградська Е. М. Торговельні зв'язки Молдавії з Львовом в XVI—XVII вв. Кишинев, 1968.
⁴³ Кісь Я. П. Джерела поповнення львівського міщанства в XVII—XVIII ст. — «УІЖ», 1960, № 1; Яценко Г. Юридичні міста Львова в XVIII ст. — «Питання історії СРСР». Львів, Вид-во Львівського держуніверситету (без номера випуску), 1968, с. 80—85. Михайлина П. В. Міста України в період феодалізму. Чернівці, 1971.

мо видеть живых людей, народ, являющийся творцом истории, создателем материальных ценностей общества. В. И. Ленин, указывая на роль народных масс в истории, писал, что необходимо «понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы»⁴⁴.

Значительный интерес представляет собой вопрос о влиянии на Украину европейской Реформации. Какой отзвук нашла она на Украине, чьи интересы отражала идеология украинского мещанства, в чем ее особенность? Эти вопросы требуют еще значительной работы историков.

В XV—XVI вв. на Украине возникают так называемые братства — организации в основном украинских богатых ремесленников и купцов. Формально братства объединялись вокруг какой-нибудь церкви, а фактически были политическими организациями украинского бюргерства, выступавшего от имени всего украинского населения порока и пользовавшегося его поддержкой. Они боролись в первую очередь за национальное равноправие⁴⁵. В форме религиозной борьбы братства выступали против власти феодалов над породами, против привилегированной польской шляхты. Культурно-просветительная и политическая деятельность братств была частью революционного реформационного движения, охватившего всю Европу, оценку которому дал Ф. Энгельс: «И во времена так называемых религиозных войн XVI столетия речь шла прежде всего о весьма определенных материальных классовых интересах; эти войны так же были борьбой классов, как и более поздние конфликты в Англии и Франции. Если эта классовая борьба протекала тогда под знаком религии, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это несколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»⁴⁶.

Изучению деятельности украинских братств посвящена содержательная и ценная монография Я. Д. Исаевича, небольшой раздел в «Исторії української культури» М. И. Марченко, работы М. Е. Мединского и статья М. Ф. Даденкова⁴⁷.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 41, с. 192.

⁴⁵ История Львова. Короткий нарис. Львів, 1956, с. 30.

⁴⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 7, с. 360.

⁴⁷ Исаевич Я. Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. К., 1966; Марченко М. И. История української культури. К., 1961, с. 205—217; Мединський М. Е. Братські школи на Україні і в Білорусії в XVI—XVII ст. К., 1958; Даденков М. Ф. Школи на Україні в XVI—XVII ст. в боротьбі за зміцнення культурних зв'язків з Росією. — Доповіді наукової сесії, присвяченої 300-річчю возз'єднання України з Росією. К., Вид-во Київського державного педагогічного інституту імені О. М. Горького, 1954, с. 95—113.

Отражением классовой борьбы в сфере идеологии была полемическая литература конца XVI — первой половины XVII ст. Авторы полемической литературы (Г. Смотрицкий, С. Зизаний, И. Вишневский, Х. Филарет, П. Скарга и др.) боролись против навязанной украинскому народу уни, разоблачали предательство украинской шляхты и интриги церкви, направленные против украинского народа. Они выражали чувства национального самосознания, политические ответственности за судьбу своего народа. Однако вопросы идеологических предпосылок освободительного движения середины XVII в. еще не нашли должного освещения в исторической литературе.

И действительность братства и распространение идей полемистов — важный фактор в политической борьбе украинского народа за свое социальное и национальное освобождение. Рост национального самосознания, мизерные результаты легальных способов борьбы (жалобы горожан королю и др.) содействовали освободительному движению на Украине. Отдельной проблемой можно поставить вопрос об участии горожан в полемике конца XVI — первой половины XVII веков.

В дореволюционной историографии социальные конфликты в городах буржуазные историки объясняли национальными, религиозными, морально-культурными мотивами. В советской историографии уже появились ряд работ, в которых рассматриваются вопросы классовой борьбы в городе⁴⁸. Однако, если классовой борьбе крестьянства против угнетателей посвящено значительное число работ⁴⁹, то по истории социальной борьбы в феодальном городе их мало.

Классовая борьба в средневековых городах проявляется во всех сферах общественной жизни. Это была экономическая борьба в сфере производства и распределения, борьба за управление городом, борьба идей. Социальные противоречия существовать не только между антагонистическими классами, но и внутри их самих, между отдельными группами

⁴⁸ Митко Д. І. Київ у визвольній війні 1648—1654 рр. — «Вісник АН УРСР», К., 1953, № 10; Крип'якевич І. П. Боротьба пецехових ремісників проти пеків у Львові (1590—1630). — З історії... Вип. І. К., 1957; Білецький С. Т. Боротьба міщан Львова проти засилья шляхти в першій половині XVII ст. — З історії... Вип. І. К., 1957; Кісь Я. П. Соціально-економічні відносини і класова боротьба во Львові в період феодалізму (XVIII — перша половина XIX ст.). Докторська дисертація. Львів, 1969; Кісь Я. П. Промисловість Львова, с. 183—216; Історія Української РСР. Т. І. К., 1969.

⁴⁹ См. Ганусенко І. М. Класова боротьба на Україні доби феодалізму в українській радянській історіографії. — «УІЖ», 1966, № 2.

неодинаковых по своему имущественному и правовому положению слоев городского населения.

Внешним проявлением протеста против угнетения являлись народные восстания. Угнетенное бедное мещанство вынуждено было покидать город в поисках лучшей жизни и, несомненно, ряды казачества пополняли и выходцы из мещан, роль которых в формировании казачества еще надо определять.

Хотя освободительной войне 1648—1654 гг. и воссоединению Украины с Россией посвящено немало работ, однако, еще слабо освещено участие в этой борьбе городского населения⁵⁰. Необходимо также детально разобрать вопрос, почему города Украины не смогли стать центрами борьбы против социального и национального угнетения.

Подводя итог, можно сказать, что украинские советские историки провели значительную работу по исследованию средневековых городов, но много вопросов еще остается спорными или же недостаточно выясненными.

Т. А. ПОЛЕ

ВОПРОСЫ ПАЛЕОГРАФИИ В ТРУДАХ ДВОРЯНСКИХ ИСТОРИКОВ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

XVIII век — время, когда происходит становление и развитие русской исторической науки, представленной работами В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, И. П. Болтина. Пик высшего своего расцвета дворянская историография достигает в трудах крупнейшего историка первой четверти XIX в. Н. М. Карамзина, который подвел своеобразный итог достижениям русской исторической науки XVIII в. Вышеупомянутых ученых характеризовало привлечение широкого круга исторических источников, критический, в рамках современной им науки, подход к ним, значительный интерес к собирательству исторических памятников и их публикации, что вообще становится важным моментом в изучении отечественной истории.

Известно, что критический подход к источнику невозможен без его внешней критики, включающей в себя и палеографию. Относительно времени ее зарождения существует несколько мнений. Одно сводится к тому, что она возникла довольно рано — в XV—XVII вв., когда стала производиться экспертиза документов, доставляемых спорящими сторонами в суд¹. Другое, что палеография появляется позже, когда начинается изучение памятников письменности, отделенных от момента исследования значительным промежуток времени, в течение которого более или менее изменяются приемы начертания знаков письма, конфигурация их, материалы и орудия письма². Зарождение палеографии, та-

⁵⁰ Михайлина П. В. Участь міського населення України у визвольній боротьбі українського народу проти польсько-шляхетського поневолення за возз'єднання з Росією. Чернівці, 1968.

¹ Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956, с. 29; Николаева А. Т. Русская палеография (конспект курса). М., 1956, с. 8.

² Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии. М., 1963, с. 11.

ким образом, относится к первой четверти XVIII в., когда впервые был применен всесторонний палеографический анализ для доказательства недостоверности документов, выдаваемых за рукописи XII и XIV вв. И хотя этот анализ проводился сугубо для практических целей, тем не менее, это была первая серьезная критика памятников письменности по внешним их признакам, появившаяся в России.

Не повторяя известных фактов появления критики старообрядцев, достаточно освещенных в исторической литературе³, можно только добавить, что столь основательный разбор подложных рукописей стал возможен на основе глубокого и детального изучения памятников древнерусской письменности, которые собирались, систематизировались и изучались авторами «Ответов». Без этого возникновение труда Выговских палеографов, а также его аргументированность и убедительность были бы невозможной. Оценивая критику Поморских палеографов В. Г. Дружинин отмечает: «Подложность обоих памятников («Соборного деяния» и «Требника Феогноста». — Т. II.) была доказана настолько основательно, что признана и рукописью... «Соборное деяние» было изъято из обращения, запечатано в сумку и стало недоступно исследователям»⁴. Можно думать, что факт изъятия «Соборного деяния» и неширокая распространенность «Поморских ответов» в какой-то степени повлияли на то, что русские историки XVIII в. не осознавали четко значения палеографических наблюдений в критике источника, хотя в общем некоторыми приемами палеографии они владели.

В частности, вызывает интерес «История Российская» В. Н. Татищева, где содержится целый ряд палеографических замечаний, сделанных им в процессе работы над историческими источниками.

Прежде всего нужно отметить, что Татищев с полным пониманием дела высказывается о собирании и хранении исторических документов. Почти повторяя известный указ Петра I от 16 февраля 1722 г., он обращается в Синод с просьбой повелеть «во всех монастырях всякие древние письменные книги, тетради, грамоты и прочее обстоятельно описать и напечатать, чтобы желающие в истории церковной

и гражданской трудиться могли, зная, где что сыскать могут, что и монастырям немалый доход и пользу принесет»⁵. С таким же пожеланием обращается Татищев в Академию наук. Сам Татищев при написании истории широко пользовался архивами Казани, Астрахани, Сибири. А если учесть, что многие документы этих архивов погибли, то значение истории Татищева еще больше возрастает, поскольку «История Российская» единственная может дать представление о погибших документах.

Непосредственное отношение В. Н. Татищева к историческим источникам (с точки зрения палеографии) раскрывается в 7-й главе его истории, в которой речь идет «О списках или манускриптах, употребленных к сему собранию». Здесь автор называет одиннадцать таких манускриптов: Кабинетный, Раскольниковый, Радзивиловский, Голицынский, Кирилловский, Новгородский, Пековский, Крещинский, Николовский, Нижегородский и Ярославский списки летописей. Каждому из указанных списков Татищев дает определенную характеристику.

Например, Кабинетный список: «Писанной на большой глаженной бумаге в десть с лицами, древнего письма с юсами и продолжен по 1239 г.»⁶. Нужно сказать, что эта характеристика несколько противоречива — «На бумаге... древнего письма с юсами», т. е. указывая на новый, но сравнительно с пергаменом, писанный материал, Татищев здесь же говорит о древнем, по его мнению, почерке, подтвержденном юсами. «Для Татищева, — замечает Тихомиров, — характерна ссылка на юсы, как на доказательство древности рукописи, но эта ссылка ведет не к XI, а к XVI веку, когда юс большой снова появился в русских рукописях»⁷. Однако то, что Татищев отмечает материал рукописи, почерк и даже украшения, важно для палеографии.

О другом списке, Раскольниковом, Татищев говорит: «...письма древнего письма на пергаменте, и оной для древности начертания и начертания кроме того раскольника никто списать не мог»⁸. В этой характеристике, по-видимому, речь идет действительно о древней рукописи (пергамене), но что вообще было критерием древности для Татищева, юсы или пергамен, неясно.

³ Тихомиров Н. С. Русская палеография. М., 1889; Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII ст. Пг., 1923; Дружинин В. Г. Подлинная рукопись Поморских ответов и ее издания. Спб., 1912.

⁴ Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII ст. Пг., 1923, с. 48.

⁵ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. I. М.-Л., 1962, с. 119.

⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. I. М.-Л., 1962, с. 123.

⁷ Тихомиров М. Н. О русских источниках истории Российской. — В кн.: Татищев В. Н. История Российская. Т. I. М.-Л., 1962, с. 47.

⁸ Татищев В. Н. История Российская. Т. I. М.-Л., 1962, с. 123.

Рассматривая Голыцынский список Татищев отмечает, что он «писанный белорусским письмом... с чего оной списан, тот поврежден был, ибо на полях того же писца рукою приписано: zde нечто проронено»⁹. В этой характеристике интересно то, что Татищев определенно различает русское и белорусское письмо, понимая под последним белорусско-украинскую скоропись XV—XVII вв. Белорусский почерк отмечал и Денисов в «Соборном деянии», следовательно, в первой половине XVIII века разница между русской и белорусской скорописью была известна. Кроме того, важно также и то, что Татищев в данной характеристике упоминает о приписке писца на полях рукописи, а это уже один из элементов вполне научного описания рукописи.

В Новгородском списке Татищев обращает внимание на разные по времени почерки: «...только в окончании письмо новейшее, лет более ста прибавлено»¹⁰. В описании Иоакимовской летописи, вызвавшей впоследствии столь жаркие споры, Татищев говорит: «Я получа сие печальное сказание желал ту самую книгу видеть, как старо писано», т. е., по-видимому, он обладал каким-то определенным запасом палеографических знаний, которые позволили бы ему приблизительно сориентироваться во времени написания рукописи.

На страницах своей «Истории» Татищев высказывался также о существовании письменности на Руси до принятия христианства. Об этом идет речь в I главе «О древности письма славян», где Татищев, в подтверждение своего мнения, ссылается на древних писателей. «Подлинно же славяне задолго до Христа и славянорусы собственно до Владимира письмо имели, в чем нам многие древние писатели свидетельствуют и во-первых, что вообще о всех славянах сказуется»¹².

Таким образом, вполне обоснованно можно говорить о том, что Татищев обладал некоторым запасом палеографических сведений. Этот запас, по-видимому, небольшой, не имеющий определенной системы, основанный скорее на практике обращения с памятниками письменности и наблюдательности, свойственной Татищеву, но ценный уже потому, что был введен в науку как необходимая часть критического подхода к источнику.

Интересен труд другого крупного историка XVIII века М. М. Щербатова. В его «Истории Российской от древней-

⁹ Татищев В. Н. История Российская. Т. I. М.-Л., 1962, с. 123.

¹⁰ Там же, с. 124.

¹¹ Там же, с. 113.

¹² Там же, с. 93.

ших времен» наблюдается новый момент: Щербатов понял невозможность в историческом труде обойтись без привлечения дополнительных материалов, в частности, разрядных книг, книг Посольского приказа, родословных книг и т. д. Подобно Татищеву Щербатов в «Предисловии» к своей истории говорит об источниках, которые он использовал, прилагая их описание. Так, описывая пергаменную Новгородскую летопись, полученную из Патриаршей библиотеки, где она хранилась под № 509, формат — в четверть, Щербатов замечает: «Сей летописец писан уставом без юсов, без расстановки слов, с наблюдением в иных точках, является быть писан двумя писателями»¹³; в рукописи под № 305 в четверть, Щербатов отмечает: «...Писан весьма древним письмом без юсов»¹⁴; рукописи под № 304: «Писан не весьма древним письмом полууставом»¹⁵; под № 46 в лист: «сей летописец без юсов уставом в два столбца»¹⁶; под № 57: «писан уставом, продолжен скорописью»¹⁷ и т. д.

Из этого предисловия Щербатова видно, что он, в отличие от Татищева, вполне определенно указывает тип письма рукописи — устав, полуустав и скоропись, но хронологических рамок каждого типа письма определить еще не может. Указывая на наличие юсов в той или иной рукописи, Щербатов не ориентируется, к какому времени они относятся. Если Татищев называл в описании материал рукописи, Щербатов не дает таких сведений, но зато везде обращает внимание на формат. В целом же характеристика памятников письменности у Щербатова с точки зрения палеографии несколько уже, чем у Татищева. Щербатов отмечает некоторые признаки у памятников письменности (формат, тип письма, юсы) по стандартной схеме, ему свойственной, не пытаясь ее расширить.

Очень слабо представлена палеография в своеобразном историческом труде И. Н. Болтина «Критические примечания на первый и второй том «Истории» князя Щербатова». Как историк Болтин «внимательно относился к вопросам источниковедения, понимал значение критического анализа памятников и владел его методикой на уровне своего времени»¹⁸.

¹³ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Спб., 1770, с. X.

¹⁴ Там же, с. XI.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. XII.

¹⁸ Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в. М., 1957, с. 240.

Он хорошо знал источники как опубликованные, так и неопубликованные, на страницах своего труда с сожалением говорил о плохом хранении архивных материалов, которые свалены в неразобранные кучи, «тлеют и расхищаются невежами, нужные бумаги вместо черных па обертки употребляются, чему я сам был неоднократно свидетелем»¹⁹. В процессе работы он познакомился с коллекцией графа А. И. Мусина-Пушкина: «Летопись свою, как и многие другие древние рукописи, имею я от приятеля моего... А. И. Мусина-Пушкина, который... собрал много книг весьма редких, ... по дружбе его ко мне оными пользуюсь. Из пафосов их и из почерка письма я уверен, что прочетши их много можно открыть относительно до нашей истории»²⁰. Видимо пользовался Болтин и другими коллекциями. В «Ответе генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории» он говорит о семи списках летописей из разных хранилищ, государственных и частных, в том числе о двух «с юсами и на пергамене писанных»²¹.

Что же касается непосредственно палеографии у Болтина, то совершенно справедливым является мнение Николаевой о том, что многие вопросы, связанные с происхождением источника Болтин пытался решить, но без знания палеографии это сделать очень трудно. Знания Болтина в области палеографии были весьма незначительными; замечания о графике того или иного списка летописей у Болтина ограничивались обычно характеристикой: «весьма старинного письма с юсами»²². С этим нельзя не согласиться.

Дворянская историография первой четверти XIX века представлена Н. М. Карамзиным, историком, который в значительной мере превзошел своих предшественников в области использования источников при создании «Истории государства Российского» (Карамзин пользовался рукописными материалами государственных и частных хранилищ: Императорской публичной библиотеки, Эрмитажной, Академии наук, архива Коллегии иностранных дел, Новгородского Софийского собора, Троице-Сергиевой лавры, Александро-Невской

лавры, Иосифо-Волоколамского монастыря, Синодальной библиотеки, собрания Н. П. Румянцева, Ф. А. Толстого, А. И. Мусина-Пушкина и др.).

Первая четверть XIX в. — время, когда русская палеография зарождалась как наука, когда плодотворно работали для нее Е. Болховитинов, К. Ф. Калайдович, П. М. Строев, А. Х. Востоков, А. Н. Оленин, А. И. Ермолаев. В первой четверти XIX в. были уже достаточно хорошо известны «Поморские ответы». На них ссылается Н. М. Карамзин в примечаниях ко второму тому, как об известном факте говорит о них Н. П. Румянцев в письме к митрополиту Евгению в октябре 1818 г.: «Недавно отысканный Святославов сборник был известен сочинителям «Поморских ответов» братьям Денисовым. Они на него ссылаются в 5 своем ответе»²³. Ответное письмо митрополита Евгения (июль 1818) показывает, что и он хорошо знал сочинение Поморских палеографов. «По указанию Вашего Сиятельства я пошел в имеющемся у меня списке раскольников Олопецких ответов в 5 статье 15 ссылку на Святославов сборник»²⁴. Естественно, знали об «ответах» и другие ученые. Что же касается Карамзина, то он поддерживал тесные контакты с вышеуказанными палеографами, помогавшими ему в работе: Оленин снабжал рукописями, Ермолаев, Калайдович, Строев (через А. Ф. Малиновского) консультировали его по различным вопросам, однако палеография у Карамзина занимает лишь немногим большее место, чем в трудах предшествующих историков XVIII в.

Карамзин в «Истории» обычно указывает материал рукописи и всегда отмечает печати. Так, ссылаясь на Волинский и Ипатьевский списки летописи он говорит: «Оба писаны на бумаге, какая употреблялась в XIV или XV в.»²⁵ или «сия грамота есть древнейшая из писанных на бумаге»²⁶. Вообще вопрос о материале для письма Карамзин осветил подробно, оговорив даже, какая бумага (хлопчатая или тряпичная) преимущественно употреблялась в тот или иной век и когда она пришла на смену пергамену в западноевропейских странах и у нас. «Мы не знаем подлинно, где и когда изобретена оная (имеется в виду тряпичная. — Т. П.)... В

¹⁹ Болтин И. Н. Критические примечания генерал-майора Болтина на первый и второй том «Истории» князя Щербатова. Спб., 1793, с. 29.

²⁰ Болтин И. Н. Критические примечания... Спб., 1793, с. 252.

²¹ Болтин И. Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. Спб., 1789, с. 12.

²² Николаева А. Т. Вопросы источниковедения и археографии в трудах И. Н. Болтина. Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960, с. 186.

²³ Переписка митрополита Евгения с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым. Вып. I. Воронеж, 1868, с. 14.

²⁴ Там же, с. 14.

²⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. Спб., 1817, с. XXXIII.

²⁶ Там же. Т. IV. Спб., 1917, с. 451.

России до сего времени (XIII век. — Т. II.) и даже до XV ст. писали обычно на пергамене»²⁷.

Что же касается вопроса о типах письма рукописи, то Карамзин о них говорит очень редко, не всегда даже уточняя устав это, полуустав или скоропись. Графику, как один из аргументов при датировке рукописи и установлении подлинности ее, Карамзин не считал важным учитывать, предпочитая опираться на исторические факты.

Калайдовичу, например, пришлось долго убеждать Карамзина в подложности «Требника Феогноста» на основании почерка: «Г-н Карамзин долго не соглашался со мной, чтобы письмо по листам требника, переведенного при Феогносте было подложное; он был уверен, что почерк сей действительно принадлежит XIV в. и есть рука самого Феогноста. Я ему возражал»²⁸, — записывает он в своем дневнике, ссылаясь на скорописное письмо и свежесть чернил.

Положительным моментом в «Истории» было то, что Карамзин решил пужным сделать некоторые замечания о тайнописи, указав имя помощника его в этом вопросе. «Летопись Сибирская краткая. В конце имя затейливого автора или писца, Тобольского жителя, изображено числительными буквами (изъяснено для меня почтенным моим приятелем А. И. Ермоласвым) МКК (80 или П), ДВВ (8 или И) ...выходит писал Семен Ремезов»²⁹.

В целом же, «История государства Российского» в палеографическом отношении почти не выходит за рамки трудов историков XVIII в. А те вопросы палеографии, которые Карамзин все же затронул в «Примечаниях», очень живо обсуждались в переписке палеографов первой четверти XIX в., тем или иным образом решались и, в общем-то, были известны достаточно широкому кругу ученых. Поэтому и Карамзин не мог пройти мимо них, поскольку находился в постоянном контакте с людьми, решавшими их.

Вопросы палеографии, таким образом, в трудах русских историков XVIII — первой четверти XIX в. занимают очень незначительное место. Это вполне объяснимо. Палеографические знания могут базироваться лишь на большом (коли-

чественно) материале, когда есть возможность систематизировать, сравнивать, делать выводы. XVIII в. только ставит вопрос об историческом источнике и его изучении, кладет начало собиранию источников как государственному, так и частному.

Интенсивное собирательство, причем целенаправленное (с точки зрения палеографии) проводится лишь с первой четверти XIX в. В это время уже четко осознана необходимость палеографических знаний и отрывочные сведения, накапливаемые постепенно, начинают определенным образом приводиться в систему людьми, которые специально занимались вопросами палеографии.

²⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. Спб., 1817, с. 477.

²⁸ Записки важные и мелочные К. Ф. Калайдовича. — В кн.: Тихонов Н. С. Летопись русской литературы и древностей. Т. III. М., 1861, с. 93.

²⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX. Спб., 1821, с. 232.

Ю. А. МЫЦЫК

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ «КРОЙНИКИ» ФЕОДОСИЯ СОФОНОВИЧА В ИСТОРИОГРАФИИ

Главный труд Ф. Софоновича (начало XVII в. — 1677 г.), игумена киевского Золотоверхого монастыря в 1655—1677 гг., выдающегося украинского культурного деятеля XVII в. — «Кройника», состоит из трех частей: первая — «Кройника о Руси» (1672 г.), вторая — «Кройника о початку и назвиску Литвы» (1673 г.) и третья — «Кройника о земли Полеской» (1673 г.). Оригинал «Кройники» не сохранился, а списки и редакции ее частей находятся в хранилищах древних рукописей различных пород СССР (Ленинграде, Москве, Киеве), а также Швеции*.

Первым из списков и редакций частей «Кройники» был открыт Вестеросский список «Кройники о Руси» в составе сборника или кодекса АД 10. Такое название он получил по имени шведского города Вестероса, в гимназиальной библиотеке которого он находится. На основании описания славянских рукописей библиотеки проф. Стамберга историк И. Г. Шредер опубликовал в 1813 г. статью, в которой «Крой-

* Краткие сведения о списках и редакциях частей «Кройники» имеются в статьях: Мыцык Ю. А. Влияние «Кройники» Феодосия Софоновича на киевский «Синописис». — В сб.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1972 (Днепропетровский госуниверситет), с. 131; Мыцык Ю. А. «Кройника о початку и назвиску Литвы» и ее источники. — В сб.: Некоторые вопросы социально-экономической и политической истории Украинской ССР. Днепропетровск, 1973 (Днепропетровский госуниверситет), с. 158—160. Добавим, что нами обнаружена еще одна редакция «Кройники о земли Полеской», хранящаяся в отделе рукописей ГПБ (Ленинград). Шифр — F.IV.812, л. 72—81. Она представляет собой копию с редакции польской части «Кройники», хранящейся в отделе рукописей ЦНБ (Киев), эта копия была снята войсковым канцеляристом Григорием Покасом и включена в состав его компиляции «Две истории о казачком народе» (1751 г.).

ника о Руси» называлась «летописью о начале русского народа» и представляла собой, по мнению Шредера, «явственную рукопись Несторовой летописи»¹.

Вскоре по инициативе просвещенного мецената графа Н. П. Румянцева со всего сборника АД 10 была снята копия, которая теперь хранится в Центральной научной библиотеке АН СССР в Киеве². После ознакомления с ней Н. П. Румянцев, известный историк церкви и библиограф Е. А. Болховитинов (митрополит Евгений), а также дворянские историки А. Ф. Малиновский, В. Г. Анастасевич в оживленной переписке между собой высказали ряд существенных замечаний относительно «Кройники о Руси». Уже тогда Н. П. Румянцев в письме к Евгению от 7 августа 1820 г. отмечал, что «она более занимается деяниями Заднепровской России, чем собственно нашею отчизною». Кроме того, Румянцев отметил логическую незавершенность «Кройники о Руси». (Вторая и третья части «Кройники» тогда еще не были известны): «список не полон, а прерывается, яко недоконченный среди дел волынского князя Льва Даниловича». Однако Румянцев ошибался, считая ее написанной «польским словом»³. Подметив эту неточность, Болховитинов указал, что труд Софоновича писан «наречием белорусским»⁴, т. е. украинским языком. В очередном письме от 23 августа 1820 г. Евгений, сопоставив фрагменты «Кройники о Руси» с киевским «Синописисом», сделал важный вывод о взаимосвязи между обоими памятниками, впервые отметив их близость. Но он ошибался, полагая, что не «Кройника о Руси» влияла на текст «Синописиса», а наоборот⁵. В письме к Евгению от 6 сентября 1820 г. Румянцев не соглашался с этим утверждением и отрицал непосредственную связь между указанными сочинениями, так как Софонович и автор «Синописиса» вероятно, почерпнули в (одном и) том же источнике⁶.

¹ Эта заметка в переводе на русский язык (с послесловием В. Г. Анастасевича) была опубликована в 1819 г.; Шредер И. Г. О некоторых славянских рукописях, находящихся в книгохранилище королевской Вестер-Оской гимназии в Швеции. — «Вестник Европы», 1819, с. 121—129.

² ЦНБ. Отдел рукописей (далее — ОР), П. 310/525 С.

³ Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером Н. П. Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 год включительно). Вып. I. Воронеж, 1868, с. 33, 34.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 35.

Пытаясь лучше изучить «Кройнику о Руси», Н. П. Румянцев обращался за советом не только к Е. А. Болховитинову, но и к К. Ф. Калайдовичу, А. Ф. Малиновскому. Из письма к А. Ф. Малиновскому от 28 августа 1820 г. узнаем, что Румянцеву уже тогда было известно о редакции «Кройники о Руси» из собрания Ф. А. Толстого⁷, вероятно, той, которая входит в состав «Обширного Синописа Русского» Пантелеймона Кюхановского. Тогда же Е. А. Болховитинов в процессе изучения «Кройники о Руси» согласился с мнением Н. П. Румянцева, что она влияла на «Синописис», а не наоборот (письмо от 22 сентября 1820 г.)⁸. Закончив сопоставление текстов этих произведений Е. А. Болховитинов (в письме от 19 ноября 1820 г.) сделал такой вывод: «Гизель имел ее (т. е. «Кройнику о Руси». — Ю. М.) перед глазами и только что сократил ее и пополнил своими сведениями, а с 1289 года дополнил до царствования Феодора Алексеевича»⁹. В данном случае Е. А. Болховитинов переоценивал влияние «Кройники о Руси» на «Синописис», так как труд Софоновича использовался автором «Синописа» лишь при дополнении новыми материалами третьего издания 1680 г. Киево-Печерской компиляции. Во второе издание (1678 г.) из «Кройники о Руси» перешло всего одно предложение.

В 1827 г. появилось второе издание «Словаря исторического...» Евгения, куда вошли в сокращенном и несколько измененном виде мысли, высказанные им в переписке с Н. П. Румянцевым. Относительно источников «Кройники о Руси» Е. А. Болховитинов писал, что Софонович «более почерпнул и почти только переводил на польско-русский (украинский. — Ю. М.) язык» «Ипатьевскую и Хлебниковскую летопись». В то же время Болховитинов игнорировал влияние польской историографии на «Кройнику о Руси»¹⁰. Оценивая вклад, внесенный в изучение первой части «Кройники» митрополитом Евгением (Болховитиновым), необходимо отметить, что в дореволюционной историографии никто не сделал больше него.

Одновременно с Евгением исследованием «Кройники о Руси» занимались и другие ученые. Так, в 1825 г. появляется

⁷ Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными. — «Чтения ОИДР», 1882, январь—март, кн. I, с. 163.

⁸ Переписка... Евгения..., с. 35.

⁹ Там же, с. 37.

¹⁰ Болховитинов Е. А. (Митрополит Евгений). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. Изд. 2-е. Т. 2, Спб., 1827, с. 286.

описание коллекции рукописей Ф. А. Толстого¹¹, где имелся перечень статей трех сборников (Толстовские № 145, № 157, № 236, далее — Т. 145, Т. 157, Т. 236), в составе которых находились части «Кройники»; указания на почерк, каким они были написаны, количество листов и т. д. Именно здесь впервые упоминались «Кройника о початку и назвиску Литвы» и «Кройника о земли Полской». Библиографы поместили также краткую характеристику «Кройники о Руси», по их словам «содержащей в себе дела княжения Волынского, сокращенно предложенные из известной летописи, найденной историографом Н. М. Карамзиным, и, подобно ей, оканчивающейся 6797 (1289) годом»¹². Подтверждение тому, что авторы имели в виду Ипатьевскую, а не иную летопись, находим в письме П. М. Строева к В. Г. Анастасевичу от 18 октября 1827 г.¹³

В 1831 г. представитель официально-охранительного направления в русской исторической науке В. Н. Берх в приложении к своей книге «Царствование Алексея Михайловича» напечатал «польскую хронику», «доставленную» ему Ф. А. Толстым, «сократив оную, переименовав и некоторые неубоюприятные слова»¹⁴. Сам того не зная, В. Н. Берх опубликовал в сокращенном виде известия за 1654—1672 гг. «Кройники о земли Полской», входящей в состав «Хронографа» (1681 г.) П. Кюхановского (сборник Т. 145).

Спустя некоторое время известный публикатор летописей Вел. кн. Литовского, дворянский историк И. Данилович пытался определить источники литовской и польской частей «Кройники». Он пришел к выводу, что «Кройника о початку и назвиску Литвы» есть не что иное как «сокращение Стрыйковского без малейших прибавлений»¹⁵, хотя Софонович использовал также «Хронику Сарматии Европейской» А. Гваньини, «Палинодию» З. Копыстенского и, вероятно, летопись Вел. кн. Литовского. При написании «Кройники о земли Полской» Софонович использовал не только хроники М. и И. Бельских («Хроника Польши»), М. Стрыйковского,

¹¹ Калайдович К. Ф., Строев П. М. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Ф. А. Толстого, М., 1825.

¹² Там же, с. 84.

¹³ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР (далее — Архив ЛОИИ), ф. 238, оп. 341, ед. хр. 30.

¹⁴ Берх В. Н. Царствование Алексея Михайловича. Ч. 2. Спб., 1831, с. 152—171.

¹⁵ Данилович И. О литовских летописях. — «ЖМНП», 1840, ч. XXVIII, с. 112.

П. Пясецкого, но и некоторые украинские летописи, дошедшие до нашего времени, а также «Поминание» (нач. XVII в.), «Поменник» (1667 г.) Золотоверхого монастыря, собственные воспоминания и, возможно, фольклорные материалы и свидетельства очевидцев. Кроме того, в некоторых известиях «Кройники о земли Полской» чувствуется влияние основного источника «Кройники о Руси» — особой редакции южнорусского свода конца XIII в. близкой к Хлебниковской летописи, но не тождественной ей. Она условно названа нами «Золотоверхой» летописью*. Но И. Данилович свел круг источников «Кройники о земли Полской» к каким-то «польским писателям», а там, где речь шла о событиях польской истории — к «Бельскому»¹⁶. Вероятно, имелся в виду труд М. и П. Бельских «Хроника Польши» (1597 г.) автором которого тогда считали лишь Бельского — отца. Кроме того, Данилович ошибался, определяя хронологические рамки этих частей труда Софоновича. Так, литовская часть завершается описанием событий 1533, а не 1529 г.¹⁷ Польская же часть по Даниловичу доводилась до отречения польского короля Яна-Казимира от престола, на чем и обрывается история 1673 годом». На самом деле сообщение об отречении Яна-Казимира, которое, кстати, произошло в 1668 г., Софонович поместил под 1670 г., а «Кройника о земли Полской» завершается повествованием о взятии турками в 1672 г. (18 августа) Каменца-Подольского¹⁸.

В 1856 г. была издана работа дворянского историка В. И. Аскаченского, посвященная истории Киево-Могилянской академии. Однако автор неверно понял слова Е. А. Бол-

* «Золотоверхую» летопись нельзя соотнести ни с одной из сохранившихся редакций южнорусского свода конца XIII в. (Хлебниковской, Ипатьевской, Ермолаевской), ни с его редакциями, реконструированными В. А. Кучкиным, «Киево-Печерской» летописью и летописью, использованной Иосифом Тризной при написании Киево-Печерского патерика (конец 40-х — первая пол. 50-х гг. XVII в.). Первая восходила непосредственно к Хлебниковской летописи (В. А. Кучкин. К спорам о В. Н. Татищеве. — В кн.: Проблемы истории общественного движения в историографии. М., 1971, с. 250); вторая, хотя и близка в определенной степени к «Золотоверхой» летописи, при сопоставлении с ее фрагментами в «Кройнике о Руси» обнаруживает ряд отличных чтений. (См. В. А. Кучкин. Фрагменты Ипатьевской летописи в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны. — «ТОДРЛ». Т. XXIV. Л., 1969, с. 196—198).

¹⁶ Данилович И. Указ. соч., с. 112; ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93 (122, л. 1).

¹⁷ Данилович И. Указ. соч., с. 112; ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122, л. 171 об.

¹⁸ Данилович И. Указ. соч., с. 112; Historia Polski, t. 1, cz. 2, Warszawa, 1960, с. 701; ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122, л. 108—109 об.

ховитинова о возможности написания Софоновичем некоторых статей «Обширного Синописа Русского» (1681—1682 гг.), П. Кохановского — сборника Т. 157 и без всяких оснований счел хрониста автором по меньшей мере половины (из 31) статей сборника АД. 10. По нашему мнению перу Софоновича могли принадлежать «Повість, ведлуг некоторых мудрых людей, откуль початок и назвишко мають козаки» и рассказ о событиях 1674 г. Кроме того, Аскаченский утверждал, что Софонович «думал написать полную хронику земли Русской, но ограничился только сказаниями о западной, преимущественно о княжестве Галицком»¹⁹. Однако никакого «недостатка рукописей» по истории Северо-Восточной Руси в Киеве того времени не было. Это подтверждает, в частности, пример киевского «Синописа», а также «Обширного Синописа Русского» и «Хронографа» П. Кохановского. В «Хронографе», созданном всего через 8 лет после написания Софоновичем «Кройники», огромное место отводится событиям XI—XV вв., происходившим в Северо-Восточной Руси. Знарок тверского летописания, советский историк А. Н. Насонов, писал: «Знакомство с рукописью Т. № 145 оставляет впечатление, что перед нами текст позднего списка Тверского сборника, измененный большим количеством вставок»²⁰. Более того, даже в главном из отечественных источников «Кройники о Руси» — «Золотоверхой» летописи было вполне достаточно материала по истории Северо-Восточной Руси. Но Софонович подавляющее большинство этих известий или опускает или подвергает резкому сокращению, так как он интересовался главным образом историей Юго-Западной Руси и написанием «Кройники» хотел «связать современную ему историю Украины с ее стародавней историей, идущей от Киевской Руси»²¹.

Хотя в дальнейшем (до 80-х годов XIX в.) вопрос о «Кройнике» почти не затрагивался исследователями, все же публиковались работы, содержащие сведения по биографии хрониста, его книге «Выклад» и т. д.²²

¹⁹ Аскаченский В. И. Кнз с древнейшим училищем его Академиею. Т. I. К., 1856, с. 165.

²⁰ Насонов А. Н. О Тверском летописном материале в рукописях XVII века. — Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958, с. 26.

²¹ Гудзий Н. К. Традиции литературы Киевской Руси в старинных украинских и белорусских литературах. — В кн.: Славянские литературы. V международный съезд славистов. М., 1963, с. 22.

²² Макарий (Булгаков). История Киевской академии. Спб., 1843; А. Старчевский. Очерк литературы русской истории до Карамзина. Спб., 1845. Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к ле-

В 1884 г. вышел в свет обобщающий труд по историографии дворянского историка М. О. Кояловича, в котором он верно указывал на то, что Софонович «имел в виду удовлетворить свой рассказ на тогдашнем языке западнорусских книжных людей». Хотя Коялович правильно указывал на рост национального самосознания украинского народа как на одну из главных причин появления «Кройника», он ни словом не обмолвился о тех глубочайших социально-экономических и политических сдвигах, которые произошли в XVII в. и обусловили рост этого явления. Странничность буржуазного мировоззрения не позволила ему глубоко раскрыть причины появления исторических сочинений, названных «Кройником». Коялович также ошибаясь, утверждая, что и в сборник Т. 157 было «внесено немало новых научных исследований и прибавлений и все это названо под новым названием — «Синодосис»²³, так как этот докладный создатель ранее компиляции Кояловича о значительно уступал ему по объему.

В 1888 г. вышел второй том сочиненного труда слависта И. Первольфа, где рассматривались проблемы, связанные с происхождением славян в освещении средневековых хронистов. Большинство из них отразилось в хронике Стрыйковского, а через последнюю — и в «Кройнике». Первольф minutely проследил путь наиболее популярный в средневековой историографии рассказ о частях, о славянском, якобы данной Александром Македонским славянам²⁴. Однако здесь Первольф допустил ошибки, сближавшие его с позитивистами в лице А. С. Лавно-Данилевского и др.²⁵, которые erroneously относились к украинским хронистам XVII в. за то, что они «любимы щеголять своею «узнаваемостью» и знатностью в польских и латинских сочинениях, а нередко их предпочитали простому, но истинному лучшему рассказу

му материалу. Сиб., 1868; Урицкий Б. М. Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки Л. Н. Кастерина. — «Чтения ОИДР», 1848, № 9. Его же. Очерк славяно-русской библиографии. Вып. I. М., 1871; Любимов С. Борьба между представителями великорусского и малорусского направления в Великой России в конце XVII и начале XVIII веков. — «ЖМНП», 1875, ч. CLXXX и нек. др.

²³ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Сиб., 1884, с. 94, 95.

²⁴ Первольф И. Славяне. Их происхождение и связи. Т. 2. (Славянская идея в литературе до XVIII века). Варшава, 1888.

²⁵ Лавно-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии. — «Русский исторический журнал», Пет., 1920, № 6, с. 16; Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. Т. I. Изд. 3-е. М., 1898, с. 8—9.

начальной русской летописи, с которой перемешивали псевдонаучную болтовню Бельского, Кромера, Стрыйковского, Гвагвина и др.». Осуждая «тлупые вымыслы» Софоновича, Лосицкого, автора «Синодосиса» и др., Первольф заключил, что изложение ими истории «не имело никакой научной ценности»²⁶.

Пенаучность такого подхода не только к украинской, но и к славянской историографии XVII в. вообще, его антиисторизм, очевидны. Даже если бы эти сочинения и не имели никакой ценности как исторические источники, все равно их необходимо было изучать как памятники историографии и идеологии того времени. Первольф, как и остальные историк-позитивисты, прошел мимо того факта, что появление исторических сочинений, подобных «Кройнику», знаменовало собой новый закономерный этап в развитии исторической мысли.

Информация о «Кройнике» и ее авторе содержалась в ряде фундаментальных трудов²⁷, а также в работе В. С. Иконникова, которая носит библиографический и источниковедческий характер. В. С. Иконников первым из исследователей рассматривал не отдельные части труда Софоновича, а всю «Кройнику» как единое целое. Она, по Иконникову, была первой из «сборников исторических произведений, писанных в Белоруссии и Малороссии с присоединением хроник (или извлечений из них) Польши и Литвы»²⁸. Но с этим тезисом исследователя нельзя согласиться. Первым произведением такого рода был пользовавшийся большой популярностью украинский хронограф, иногда ошибочно называемый хроникой Леонтия Боболинского (по имени автора одной из поздних (1699 г.) его редакций). По всей вероятности он был создан в конце XVI в. Во всяком случае нам известна редакция хронографа, составленная при Владиславе IV (1632—1648 гг.). В заглавьи польской части «Хронографа» говорит-

²⁶ Первольф И. Указ. соч. Т. 2, с. 442, 443, 446.

²⁷ Карпов Г. Киевская митрополия и московское правительство во время соединения Малороссии с Великою Россиею. Ч. II. М., 1874; ч. III. М., 1876; Эйнгорн В. Очерки по истории Малороссии в XVII веке. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Сиб., 1903; Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I, Казань, 1914; Н. П. (Петров П.) Мучение св. великомученицы Варвары и повесть о преславных чудесах ее Феодосия Сафоновича. — «Труды КДА», 1894, № 12, с. 598—614.

²⁸ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 2, кн. 2, К., 1908, с. 1545.

ся, что события в ней изложены «от Леха... аж до теперешнего» (выделено нами. — Ю. М.) короля Владислава Четвертого»²⁹

В своей работе В. С. Иконников, говоря о влиянии «Кройники о Руси» на «Синопсис», ссылаясь на устное разъяснение С. Т. Голубева, по которому первая часть «Кройники» оказывала влияние лишь на третье издание Киево-Печерской компиляции³⁰. К сожалению, это наиболее близкое к истине положение не подкреплялось доказательствами. Но С. Т. Голубев являлся первым исследователем, специально занимавшийся изучением труда Софоновича. Им были разобраны детальнейшим образом известия «Кройники» о происхождении названия «Выдубичи» и о поставлении С. Косовым в 1650 г. четырех православных епископов³¹.

Одновременно с С. Т. Голубевым изучением «Кройники» занимается А. М. Rogozinskiy, учитель истории и географии 1-й киевской гимназии. 14 мая 1909 г. на исторической секции Украинского научного общества он прочитал реферат «О летописи Сафоновича»³², который лег в основу сообщения, прочитанного 2 мая 1910 г. в историческом обществе Нестора-летописца, позднее напечатанного³³. Чтобы оценить значение этой статьи, необходимо сопоставить то позитивное, что она внесла в дело изучения «Кройники» и недостатки, которые в ней содержатся.

Позитивное в статье Rogozinskiy исчерпывается следующими тремя моментами:

1. Были установлены подлинные названия сборников Т. 145 и Т. 157, а также имя их составителя П. Кохановского³⁴.

2. Установлено, что Т. 157 не может рассматриваться как переходная ступень от «Кройники о Руси» к «Синопсису», так как Т. 157 был создан позже последнего³⁵.

²⁹ ЦНБ. ОР, I, 171, л. 592 (614).

³⁰ Иконников В. С. Указ. соч. Т. 2, кн. 2, с. 1545.

³¹ Голубев С. Т. Киево-Выдубицкий монастырь (домонгольское время). — «Труды КДА», 1913, № 10, с. 221—224, 243—244, 524; Он же. Дополнения к одному из «Объяснительных параграфов по истории западнорусской церкви». — «Труды КДА», 1910, № 7—8, с. 567—571.

³² «Записки Украинского научного товариства у Києві», кн. 4, К., 1909, с. 157.

³³ Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 22, К., 1911, с. 93; Rogozinskiy А. М. «Кройника» Феодосия Сафоновича и ее отношение к «Киевскому Синопсису» Иннокентия Гизеля. — «Известия ОРЯС». Т. XV, кн. 4, СПб., 1910.

³⁴ Там же, с. 276, 279.

³⁵ Там же, с. 283.

3. Было указано на некоторые вставки в текст «Кройники о Руси», (в составе Т. 157), сделанные Кохановским³⁶.

Намного больше в этой статье, на наш взгляд, ошибочных положений. Рассмотрим вначале ошибки, не имеющие принципиального значения. Это — механическое перенесение неверного определения И. Даниловича хронологических рамок польской и литовской частей «Кройники»³⁷. Не разобравшись в определении источников А. Старчевским и Е. А. Болховитиновым, Rogozinskiy приписывал последнему мысль, которую тот, как и никто другой, никогда не высказывал, а именно: «Сафонович только перевел на малороссийский язык и переделал Стрыйковского»³⁸. По Rogozinskiy Софоновича не было в живых в 1674 г., хотя он умер в 1677 г.³⁹ Ошибался Rogozinskiy и когда находил «близкое родство» между Густынской летописью и «Кройникой о Руси», а также, когда пренебрежительно писал о «неуклюжем» «соединении всего исторического материала, заключающегося во всех трех хрониках» и безосновательно ставил в пример Софоновичу якобы «смелую» и «самостоятельную» работу над источниками И. Гизеля⁴⁰, по мнению Rogozinskiy, автора «Синопсиса»). Ведь «Кройника» имеет стройную композицию и подбор ее исторических материалов тесно связан с задачами, стоявшими перед Софоновичем при написании своего труда.

Разбирая сложные проблемы взаимоотношений между «Кройникой» Софоновича и близкими к ней историческими компиляциями, Rogozinskiy как видно из текста статьи, исходил из следующего положения: если между двумя летописными памятниками обнаруживается близость, то это

³⁶ Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 22, К., 1911, с. 93; Rogozinskiy А. М. «Кройника» Феодосия Сафоновича и ее отношение к «Киевскому Синопсису» Иннокентия Гизеля. — «Известия ОРЯС». Т. XV, кн. 4, СПб., 1910.

³⁷ Rogozinskiy А. М. Указ. соч., с. 271; Данилович И. Указ. соч., с. 112. Это положение перенято в статью Rogozinskiy не непосредственно из работы И. Даниловича, а из использовавшего ее А. Старчевского. (См. Старчевский А. И. Указ. соч., с. 79, 80).

³⁸ Rogozinskiy А. М. Указ. соч., с. 284; (митрополит Евгений). Словарь исторический... Т. 2, изд. 2-е, с. 286; Старчевский А. И. Указ. соч., с. 76, 82.

³⁹ Rogozinskiy А. М. Указ. соч., с. 271, 281; Берлинский М. История міста Києва. — «Київська старовина», 1972, с. 152; Летопись... Дмитрия, митрополита Ростовского. М., ч. 1, изд. 3-е, 1800, с. 361.

⁴⁰ Rogozinskiy А. М. Указ. соч., с. 282, 283, 286.

* Автором «Синопсиса» является, по нашему мнению, Пантелеймон Кохановский. Это подтверждают результаты проведенного нами изучения его компиляций, киевского «Синопсиса» и «Кройники» Ф. Софоновича.

объясняется **только** тем, что у них были общие источники (как правило, предшествовавшие до нашего времени), то есть создание этих совпадающих по тексту сочинений происходило независимо друг от друга и параллельно друг другу. Защита данного тезиса Рогозинским и являлась источником его противоречивых и даже абсурдных выводов. Так, говоря о близости «Кройники» Софоновича, а также Густынской летописи к хронике Стрыйковского, он писал: «между Стрыйковским и Феодосием Сафоновичем лежит не преемственная связь, а не источники, откуда они независимо (друг от друга. — Ю. М.) брали материал для своих «Кройник». Далее Рогозинский указывал на целый ряд летописей и неизвестных «мелких городских хроник», например: «Камешечская, Брацлавская, Холмская...» и др., не дошедших до нас и якобы являвшихся «источником для «Кройники» Стрыйковского и для «Кройники» о Руси, Польше и Литве Сафоновича, и для Густынской летописи»⁴¹. Но не подлежит никакому сомнению тот факт, что украинские летописцы непосредственно пользовались одним из популярнейших в польской историографии сочинением — хроникой Стрыйковского, на которую кстати весьма часто ссылались в своих трудах.

Аналогично Рогозинский разрешал вопрос о взаимоотношениях между «Кройникой» Софоновича, «Синонисиом», сборниками Т. 145, Т. 157. С одной стороны он указывал, что Кохаловский включил «Кройнику о Руси» в состав Т. 157, «откинув» только имя Софоновича из заглавия первой части «Кройники», а также на то, что «Кройника о Руси» в составе Т. 157 «за исключением вводных статей, дословно сходна с хроникой Феодосия Сафоновича, хотя и не носит здесь имени сего последнего»⁴². С другой — Рогозинский уверял, что Кохаловский, создавая «Обширный Синонис Руский» (Т. 157), «воспользовался статьями из тех источников, которые легли в основу «Кройники» Феодосия Сафоновича», а также из источников, «Синониса» и Густынской летописи. Продолжая эту мысль, Рогозинский писал, что сборник Т. 157 представляет собой «не список с «Кройники» Сафоновича..., но вполне самостоятельную летописную компиляцию», а также, что они близки между собой лишь по тому «историко-литературному материалу», которым «все авторы компиляций пользовались самостоятельно»⁴³. Без всяких оснований Рогозинский усомнился

в авторстве Софоновича, называя его «списателем», «собрателем «Кройники», бери даже эти слова в кавычки»⁴⁴.

Отрицая близость «Кройники» и «Синониса», Рогозинский находил ее между «Синонисиом» и компиляциями Кохаловского, а также между этими последними и «Кройникой»⁴⁵, не замечая, что отсюда вытекает и близость между произведением Софоновича и «Синонисиом». Но Рогозинский упорно твердил о полной изолированности «Кройники» от «Синониса» якобы потому «что они не обнаруживают непосредственно общих для себя источников»⁴⁶, хотя уже тогда не подлежал сомнению вывод о том, что одним из основных источников этих сочинений являлась хроника Стрыйковского.

На основании всего вышесказанного можно прийти к выводу, что в статье г. М. Рогозинского имеется ряд противоречивых и неаргументированных положений, подавляющее большинство которых либо ошибочные, либо не соответствующие действительности (см., например, о взаимоотношениях между «Кройникой» и трудом Стрыйковского). Эти ошибочные утверждения являются, по всей вероятности, плодом извращенного смысла описываемых с древними компиляциями. Как пишет сам Рогозинский⁴⁷. Вместе с тем необходимо отметить, что его выводы некритически воспринимались авторами некоторых работ⁴⁸.

В довоенной советской исторической литературе «Кройника» Софоновича не занималась никто. Исключение представляет собой труд по русской историографии Н. Л. Рубинштейна, содержащий важное упоминание о Софоновиче как выразителе нового отношения к истории, что привнесло в «русские исторические интересы в XVII в., интересе к отношениям к письменным историческим памятникам»⁴⁹. В то же время анализ Н. Л. Рубинштейном «Кройники» был явно поверхностным, причиной чего являлось механическое перенесение ряда выводов из работ дворянских историков (В. И. Асочевского, и др.), о которых уже говорилось.

⁴¹ Рогозинский А. М. Указ. соч., с. 284.

⁴² Там же, с. 283, 286.

⁴³ Там же, с. 286.

⁴⁴ Там же, с. 285.

⁴⁵ Возник М. С. Речь на ст. Рогозинского А. М. «Кройника» Феодосия Сафоновича. — «ЗНТШ». Т. 53, Львів, 1911, с. 213—214; Его же. Історія української літератури. Т. II, ч. I. Львів, 1921, с. 309—311; Клепачевський П. Г. Огляд джерел до історії України. Кам'янець-Подільський, 1920, с. 112, 118.

⁴⁶ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 44.

⁴¹ Рогозинский А. М. Указ. соч., с. 284.

⁴² Там же, с. 284, 274, 277.

⁴³ Там же, с. 279.

В 40-е годы внимание зарубежных лингвистов и историков привлекает Вестеросский список «Кройники о Руси», хранящийся в Швеции. В 1944 г. шведской буржуазной исследовательницей Цепплиней Борелиус была написана работа «Хроника Сафоновича и кодекс Спарвенфельда» (неопубликована)⁵⁰. В 1952 г. она защитила докторскую диссертацию, предметом исследования которой был язык «Кройники о Руси» (на основании Вестеросского списка)⁵¹. В том же году вышла ее книга «Хроника Сафоновича в составе кодекса АД 10 Вестеросской гимназической библиотеки. Языковедческое исследование». Ц. Борелиус квалифицированно изучила «Кройнику о Руси» как памятник украинского языка; на ряде примеров показала значительное влияние, которое произвел на «Кройнику о Руси» труд Стрыйковского; установила, что главным отечественным источником ее была летопись, более близкая к Хлебниковскому, чем к Ипатьевскому своду. Определенное значение имело опубликование Борелиус четырех глав «Кройники о Руси», хотя без комментариев и сравнений с другими списками. К тому же текст печатался по несовершенным правилам, что вело к его искажению. Так, надстрочные знаки, подобные (), и означавшие в большинстве случаев звук «ї», она читала как «й», что приводило к образованию нелепых форм, вроде: «тый князи» (им. п. мн. ч.).

Однако работа Ц. Борелиус подверглась необоснованно резкой критике в рецензии реакционного слависта из США Юрия Сереча⁵². По его мнению «Кройника о Руси» была написана на белорусском языке, а значит, по мысли Сереча, имеются основания считать, что родина Сафоновича находилась в Белоруссии. Но в обнаруженном нами письме киевского митрополита Г. Четвертинского и архимандрита Киево-Печерской лавры В. Ясинского к московскому патриарху Иоакиму от 25 марта 1689 г. говорится о том, что хронист был «родом з самого... града Києва»⁵³. Вывод о белорусском языке Ю. Сереч сделал на основании анализа лишь ее Вестеросского списка. Но этот список наименее подходит для лингвистического анализа, поскольку подвергался русскими писцами как минимум двойной переработке со стороны язы-

ка. Писцы внесли в язык «Кройники о Руси» «аканье» и некоторые другие черты, характерные для русского языка и принятые Ю. Серечем за белорусизмы. Принял за белорусизмы Ю. Сереч и такие явления в языке «Кройники о Руси», как контаминация окончаний существительных мужского и среднего рода в дательном падеже единственного числа -ові на -у; частое опущение конечного -й в прилагательных мужского рода в именительном падеже единственного числа и т. д. Однако все это — типичные черты северных украинских диалектов (в эту зону входит и Киев), общие с белорусским языком⁵⁴.

Одновременно с Ц. Борелиус «Кройнику о Руси» в составе кодекса АД 10 изучал С. Даль⁵⁵, в книге которого содержится упоминание об исчезнувшем списке «Кройники о Руси» Линдберга. Этот список представлял собой перевод на шведский язык некоторых глав Вестеросского списка, произведенный в XVIII в. учителем Линдбергом по распоряжению епископа Вестероса Бенцельштьерны. Особо важным в книге С. Даля представляется детальное описание палеографии кодекса АД 10, водяных знаков, позволяющее уточнить происхождение и время создания не только кодекса АД 10, но и сборника Т. 236. Несколько позже сведения о кодексе АД 10 и Вестеросском списке «Кройники о Руси» появляются и в советской литературе⁵⁶.

К V международному съезду славистов вышла работа А. Н. Робинсона⁵⁷, в которой автор сумел показать огромное значение славянской историографии XVII—XVIII вв. как памятников идеологии того времени, раскрыть антинаучность пренебрежительного отношения к ней со стороны буржуазных историков XIX — начала XX вв. Кроме того, А. Н. Робинсон детально разобрал происхождение популярной в средневековой историографии теории «Мосох—Москва», отразившейся через хронiku Стрыйковского в «Кройнике о Руси»

⁵⁴ См. Жилко Ф. Т. Нариси з діалектології української мови. К., 1966, с. 138, 143—145.

⁵⁵ Даль С. Указ. соч.

⁵⁶ Вайнштейн О. Л. Документы по истории СССР в архивах Швеции. — «Вестник Академии наук СССР», 1957, № 1, с. 83—92; Черепнин Л. В., Шумилов В. Н., Александрова М. И. Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции. — «Исторический архив», 1959, № 6, с. 125; Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции. — «ТОДРЛ». Т. XVII, М.-Л., 1961, с. 56—59.

⁵⁷ Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963.

⁵⁰ S. Dahl. Codex AD 10 der Västeraser Gymnasialbibliotek. Uppsala, 1949, с. 22.

⁵¹ Borelius C. Safonovics Chronik im Codex AD 10 der Västeraser Gymnasialbibliothek. Eine sprachliche Untersuchung. Uppsala, 1952.

⁵² «Slavic Word», New-York. 1953, t. 9, № 4, с. 409—412.

⁵³ ГИМ. Синодальное собрание, I. № 1195 (II.—991), л. 377 об. См. также неполную копию этого письма конца XVII в. (ЦНБ. ОР, 488/345 С., л. 85—86 об.).

и отметил общие черты в работе славянских хронистов XVII—XVIII вв.

Одним из немногих историков, который при изучении «Кройники» Софоновича обращался непосредственно к ее тексту, является советский исследователь А. И. Рогов. Глубоко изучив влияние труда Стрыйковского на украинскую историографию XVII в., он высказал ряд ценных мыслей, касающихся «Кройники», в особенности ее литовской части. А. И. Рогов указал на большое доверие Софоновича к Стрыйковскому, иногда вопреки отечественным источникам; впервые отметил использование хронистом летописей Бел. кн. Литовского или как пишет А. И. Рогов, белорусско-литовской летописи, а также труда А. Гваньини; охарактеризовал некоторые черты работы Софоновича над источниками (зарождение критцизма, изменение структуры источников) и т. д.⁶⁸ В отличие от С. Л. Пенитича, А. И. Рогов верно отметил степень влияния «Кройники о Руси» на «Ядро российской истории» А. И. Мажневца⁶⁹. В заключение следует сказать, что А. И. Рогов был полностью самостоятелен в своих исследованиях и не пошел, как некоторые историки за сходом А. М. Рогозинского. Его работы, несмотря на имеющиеся недочеты (недооценка влияния труда Стрыйковского на «Кройнику о Руси», приращение к ее источникам Повгородской I летописи), внесли положительный вклад в дело изучения «Кройники» Софоновича.

В 1968 г. на основании отмеченных выше работ В. И. Аскоченского, В. Эйнгора, А. И. Старчевского была опубликована статья А. А. Бевзо, где вкратце освещались основные вехи биографии Софоновича, характеризовалась его политическая ориентация и приводились некоторые данные о его сочинениях. Говорилось в статье и о том, что Софонович являлся «верным сторонником» Б. Хмельницкого, так как последний утвердил его в должности игумена Золотоверхого монастыря и способствовал укреплению экономического положения этого учреждения⁷⁰. Но с таким же основанием Софонович должен быть признан «верным сторонником» так-

же И. Выговского, Ю. Хмельницкого, И. Брюховецкого и даже польского короля Михаила Корибути Вишневецкого, так как именно они жаловали Золотоверхому монастырю во время игуменства там Софоновича различные маестности⁷¹. Данный факт свидетельствует на наш взгляд, не столько о вознаграждении политического единомышленника, сколько о стремлении гетманов укрепить свое положение путем союза с церковной верхушкой. Зафиксированные в «Кройнике о земли Полекой»⁷² нейтральное отношение Софоновича к Б. Хмельницкому, неприятие союза гетмана с татарами не позволяют считать хрониста «верным сторонником» Б. Хмельницкого, хотя и враждебных отношений между ними не было. Неточен также тезис А. А. Бевзо, по которому Софонович являлся «доверенным лицом» российского правительства, так как документы свидетельствуют о непоследовательности политических взглядов историка, колебаниях в его политической ориентации⁷³.

Завершая настоящий историографический обзор, следует отметить, что «Кройника» Феодосия Софоновича и по сей день является слабоизученной, особенно ее третья часть. Лишь Е. А. Болховитинов, С. Т. Голубев, Ц. Борелнус, А. И. Рогов сумели поставить и разрешить ряд важных вопросов, связанных с изучением этого памятника. Тем не менее, в исторической литературе о «Кройнике» находим противоречивые, часто неверные мысли, причиной чего является поверхностное знание авторами этого произведения и компилирование мыслей своих предшественников. Вследствие этого нечетко очерчен круг источников «Кройники», не проанализированы ее оригинальные известия; не прослежено влияние «Кройники» на украинскую историографию XVII в.; не раскрыты исторические взгляды хрониста и т. д. Нет также более или менее полной биографии хрониста, вовсе не изучены палеографические особенности списков и редакций «Кройники», за исключением Востеросского; списка «Кройники о Руси»; не было даже попыток разобраться в их взаимоотно-

⁶⁸ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966, с. 297—299; A. Rogaw. Maciej Strzykowski i historia ukraińska XVII wieku. — «Studia orientalis», 1965, № 1, с. 320—325.

⁶⁹ Рогов А. И. Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. — В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 143—148; Пенитич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. I. Л., 1961, с. 107.

⁷⁰ Бевзо О. А. Феодосій Софонович та його «Кройника». — «Український історичний журнал», 1968, № 8, с. 102.

⁷¹ Архив ЛОИИ, ф. 68, ед. хр. П-32, П-41, 1-62; Центральный государственный исторический архив УССР (Киев) (далее — ЦГИА), ф. 220, оп. 1, ед. хр. 187; ф. 221, оп. 1, ед. хр. 96; Некоторые документы сохранились в копиях ЦНБ. ОР, П. 535/1763, л. 53 об. — 54. См. также ЦНБ. ОР, 411/372 С. и ЦГИА УССР, ф. 169, оп. 6, ед. хр. 6.

⁷² ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122, л. 82—82 об., 83 об. — 84, 94.

⁷³ ЦГАДА, ф. 27/1666 г., № 541; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. VIII, СПб., 1875, ст. 15, 19. Эйнгор В. Указ. соч., с. 346, 706, 228—229 и др.

шениях. К сожалению, «Кройника» и по сей день находится в рукописях, хотя С. Т. Голубев⁶⁴ намеревался напечатать ее еще в дореволюционное время.

Как исторический источник и памятник украинской историографии «Кройника» Феодосия Софоновича представляет собой большую ценность и несомненно заслуживает комплексного исследования и публикации.

А. М. ГУГНИН

ИСТИНА И ЕЕ КРИТЕРИИ В ИСТОРИИ

Ценность научного исследования определяется степенью достоверности, истинности полученных знаний. Это в равной мере относится и к истории. Ученый-историк должен в своей работе объективно верно и точно отражать изучаемое событие или явление прошлого.

Между тем вопрос о том, может ли историческое знание быть истинным, каков критерий и специфика истины в истории служит предметом споров не один десяток лет.

Большинство буржуазных историков и философов (в особенности современных) отрицают возможность получения объективной истины историком, тем самым практически отрицая историю как науку.

По мнению Джорджа Кларка, «нет никакой объективной исторической истины», а Эдуард Карр считает, что само название «объективная истина» ошибочно¹. К. Поппер пишет, что не может быть никакой истории «прошлого, как оно было в действительности», а могут быть только «исторические интерпретации, да и то ни одна из них не может быть последней: каждое поколение имеет право создавать свою собственную интерпретацию»². Поэтому, говорит Ж. Маритен, «Историческое выяснение... никогда не обладает уверенностью науки..., история не является наукой»³.

Между тем, отмечает Николай Ирибаджаков⁴, подобные взгляды, которые буржуазные философы и историки препод-

¹ Цит. по: Ирибаджаков Н. Клию перед судом буржуазной философии. М., 1972, с. 240.

² Цит. по: Ирибаджаков Н. Историческое познание и объективная истина. — «Ново време», 1968, № 1, с. 84.

³ Цит. по: Ирибаджаков Н. Клию перед судом буржуазной философии. М., 1972, с. 240.

⁴ В статье используются работы советских и болгарских авторов.

⁶⁴ Маслов С. І. Етюди з історії стародруків. XI—XII вв. К., 1928, с. 22.

посвят как новые, в той или иной форме можно найти еще в конце XIX и начале XX в. у таких авторов, как Дильтей, Риккерт, Виндельбанд и др.⁵

Современные буржуазные философы и философствующие историки не только восприняли апоститические воззрения этих авторов, но и углубили их. По справедливой оценке болгарских исследователей основными чертами буржуазных концепций исторического познания стали субъективизм, идеализм, абсолютный гносеологический релятивизм, иррационализм и мистицизм.⁶

Материалистическая теория познания, указывает Н. Ирибаджак, единственная дает «научно обоснованный ответ на следующие вопросы: что представляет собой историческое познание, возможна ли и почему объективная истина в историческом познании, а вместе с тем и на вопрос, почему возможна история как наука»⁷, — вопросы, на которые буржуазные философы, по их собственному признанию, никогда не могли ответить.

С точки зрения материалистической теории познания, продолжает болгарский философ, вопрос об объективной истине является вопросом о «соответствии познавательного образа отражаемому им объекту»⁸.

Такая установка является, безусловно, верной, но слишком общей для определения истины в исторической науке. Воспроизводя прошлое, историческая наука подчиняется законам отражения. Исторический образ, пишет Кирилл Василев, может быть «верным или неверным, объективно адекватным или неадекватным, логически правильно построенным, или внутренне деформированным, иллюзорным»⁹. В первом случае мы имеем истину, во втором — заблуждение, непреднамеренное или умышленное.

Важнейшей характеристикой истины (в том числе исторической) является ее объективность. В. И. Ленин рассмат-

⁵ Ирибаджак Н. Историческое познание и объективная истина. — «Ново време», 1968, № 1, с. 85.

⁶ См.: Василев К. За партийността в историческата наука. — «Известия на института по история на БКП», 1962, т. 9; Ирибаджак Н. Историческое познание и объективная истина. — «Ново време», 1968, № 1; Стефанов Н. Относно партийността на историческата наука. — «Ново време», 1959, № 1.

⁷ Ирибаджак Н. Кляно перед судом буржуазной философии, с. 215.

⁸ Там же, с. 214.

⁹ Василев К. За партийността в историческата наука. — «Известия на института по история на БКП», 1962, т. 9, с. 31.

ривал объективную истину как такое содержание человеческих представлений, «которое не зависит ни от человека, ни от человечества...»¹⁰. Эта ленинская мысль имеет исключительное значение для исторической науки, поскольку она направлена, в частности, против различных субъективистских представлений об истине в истории. (В статье подробно не рассматривается многоплановый и сложный вопрос об объективности исторической истины).

Очень важным является также вопрос о соотношении абсолютного и относительного моментов объективной исторической истины. Ответить на этот вопрос, значит выяснить, по выражению Ленина, «могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно?»¹¹. В отличие от метафизических и догматических представлений марксизм-ленинизм рассматривает истину как процесс. «Человек не может охватить — отразить — отобразить природу всей, полностью ее «непосредственной целостности», он может лишь вечно приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира...»¹²

Это положение диалектического материализма имеет решающее значение для исторического познания. Историк одного поколения, каким бы он эрудированным и добросовестным исследователем ни был, не в состоянии раскрыть все стороны, моменты изучаемого им события. В сущности, пишет болгарский философ Иван Стефанов, история как наука развивается непрерывно главным образом и прежде всего потому, что с каждым днем она раскрывает новые факты, новые источники, относящиеся к историческому прошлому, что она непрерывно усовершенствует методику и методологию своих исследований. Благодаря этому, указывает Стефанов, историк приближается к новым, неисследованным еще областям прошлого¹³. Отсюда следует, что истина в истории носит относительный характер¹⁴. «Истина в историческом познании, — пишет Н. Ирибаджак, — является относительной из-за

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 18, с. 123.

¹¹ Там же.

¹² Там же, т. 29, с. 161.

¹³ Стефанов Н. Въпроси на методологията на историческата наука, с. 239.

¹⁴ Подобную точку зрения выражают и советские исследователи. И. С. Кен, например, пишет: «Когда говорят, что историческая наука дает объективную истину, то вовсе не имеют в виду абсолютно точное, исчерпывающее описание действительности. Речь идет лишь о приблизительно верном отображении наиболее существенных сторон и черт изу-

относительной ограниченности исторических фактов прошлого, которыми располагает наука, и из-за того, что ее предмет непрерывно развивается и изменяется. Открытие новых фактов и документов прошлого, которое возрастает со всяким новым поколением, неизбежно вносит и будет вносить коррекции, изменения и уточнения в научное познание исторического прошлого. Например, до появления марксизма у историка были одни возможности познания исторического прошлого и вникания в него; другие возможности появились у историка, вооруженного марксистской методологией и теми новыми средствами изучения исторического прошлого, которые ему предоставляют современные высокоразвитые наука и техника»¹⁵.

Однако признание того факта, что историческая истина относительна, указывают болгарские авторы, не лишает ее объективного характера, не ведет к гносеологическому релятивизму. Дело в том, пишет Н. Стефанов, что исторические знания любой эпохи, как бы ни были они относительны и несовершенны, «содержат в себе элементы, имеющие объективное значение, т. е. верно отражающие действительность. Эти элементы не отвергаются, а принимаются следующими эпохами. Последние в свою очередь раскрывают новые стороны прошлого. Этот процесс продолжается до бесконечности. В результате этого историческое познание на каждом новом этапе своего развития становится богаче, полнее, точнее, вернее»¹⁶.

чаемого процесса. То, что мы никогда не будем знать всех деталей этого процесса, вовсе не колеблет достоверность известных нам фактов также, как в обиходной жизни я не стану подвергать сомнению известный мне факт, что Н. Н. является профессором истории, только потому, что я не читал всех сочинений Н. Н.» (И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959, с. 235).

¹⁵ Ирибаджакоев Н. Кляно пред съда на буржуазната философия. София, 1970, с. 735—736.

¹⁶ Стефанов Н. Въпроси на методологията на историческата наука, с. 239—240. Об этом пишет также советский исследователь Б. Г. Могильницкий. «Если мы сегодня, например, не можем удовлетвориться определением феодализма, данным в свое время Гизо, то с другой стороны, невозможно отрицать, что это определение правильно отражало некоторые существенные черты, действительно имевшие место в реальной средневековой действительности. Выдвинутые Гизо еще в первой трети прошлого столетия признаки феодализма... — конечно, после открытия материалистического понимания истории не могут претендовать на раскрытие сущности феодальной социально-экономической формации». Но они, пишет автор, «не были сняты последующим развитием науки, а в трансформированном виде вошли в новое, более глубокое и всестороннее определение феодализма, возникшее в других исторических условиях и

С такой точкой зрения можно согласиться. Материалистическая диалектика, по словам В. И. Ленина, «признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов, приближения наших знаний к этой истине»¹⁷.

Действительно, историческая истина преимущественно относительна. На относительность исторического познания указывал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге»: «Познание, следовательно, носит здесь по самой сути дела относительный характер, так как ограничивается выяснением связей и следствий известных общественных и государственных форм, существующих только в данное время и у данных народов и по своей природе преходящих. Поэтому, кто здесь погонится за окончательными истинами в последней инстанции, за подлинными, вообще неизменными истинами, тот неминуемо погибнет, — разве только банальностями и общими местами худшего сорта, вроде того, что люди в общем не могут жить не трудясь, что они до сих пор делились большей частью на господствующих и поработанных, что Наполеон умер 5 мая 1821 г. и т. д.»¹⁸. Здесь же Энгельс подчеркивал, что знания об истории человечества «навсегда останутся неполными и незавершенными уже вследствие недостаточности исторического материала...»¹⁹.

Положение об относительности исторического познания вызывает яростные нападки со стороны буржуазных философов-историков. Они различны по содержанию, но смысл у них, пишет Н. Ирибаджакоев, один: все исторические исследования, вся историческая литература, созданная на протяжении веков — совершенно праздная и никому не нужная работа.

А исторический материализм, созданный на основе глубочайшего изучения всемирной истории, с которым не может не считаться ни один здравомыслящий философ, разве это не доказательство истинности исторического знания!

Материалистическое понимание истории имеет для исторической науки значение абсолютной истины. Характер абсолютной истины носит также огромная масса отдельных

на другом уровне развития науки» (Б. Г. Могильницкий. Объективность и партийность в историческом исследовании. — «Труды Томского государственного ун-та им. В. В. Куйбышева». Т. 173. Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 2. Томск, 1964, с. 28).

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 18, с. 28, 139.

¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 20, с. 90.

¹⁹ Там же, с. 92.

исторических фактов, из которых, применяя подлинно научную методологию, можно получить достоверные выводы и теории об изучаемых событиях и явлениях.

С другой стороны, каждая из относительных истин содержит в себе частицу истины абсолютной. Абсолютная истина складывается из бесконечной суммы относительных истин. Развиваясь, историческая наука обогащается новыми истинными знаниями, позволяющими все более полно и верно воспроизводить события прошлого, приближаться к абсолютной истине. «Каждая ступень в развитии науки, — писал В. И. Ленин, — прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»²⁰.

Историческая истина, как и всякая истина, всегда конкретна. Конкретность исторической истины, пишут авторы монографии «Марксистско-ленинская методология военной истории» применительно к военно-исторической науке, означает, что «...факт, обобщение, вывод, концепция и т. д. должны рассматриваться лишь исходя из того, что каждый из них отражает, и в зависимости от тех связей, отношений и условий, в которых отражаемое событие или какие-либо его свойства (стороны) находятся»²¹. Нам думается, что такое положение полностью применимо к исторической науке в целом.

Критерием истинности любого научного положения выступает практика, как общественно-историческая, материальная деятельность людей. В. И. Ленин писал, что «у Энгельса вся живая человеческая практика врывается в самую теорию познания, давая **объективный** критерий истины...»²².

Однако проблема критерия истины в исторической науке усложняется тем, что непосредственно сравнить объективно существующее явление со знанием о нем нельзя. Историк не может ставить также эксперименты и таким образом проверить и доказать свои утверждения. «Никакая экспериментальная лаборатория, — пишет Н. Ирибаджаков, — и никакая общественно-историческая практика не может повторно воспроизвести Пелопонесскую войну, восстание Спартака, французскую буржуазную революцию или Октябрьскую социалистическую революцию, или какое-либо иное историче-

ское событие прошлого, чтобы современный историк мог их наблюдать непосредственно и проверить посредством эксперимента и общественно-исторической практики, верны или нет его утверждения об этих событиях, насколько они верны и насколько они неверны»²³.

Историк имеет дело не с самими историческими событиями, а лишь с их «следами» — документами и другими остатками, посредством которых он должен изучать прошлое. На этой почве построены многочисленные апистотические и субъективно-идеалистические спекуляции, направленные против диалектико-материалистической теории исторического познания.

Несмотря на то, что в историческом познании между субъектом и объектом познания нет непосредственного контакта, критерием истины и здесь является общественно-историческая практика.

Как критерий истины практика в исторической науке выступает в двух видах: как организованная и целенаправленная общественно-историческая деятельность людей и как процесс развития самого исторического познания, осуществляемый исследователями-историками²⁴.

Общественно-историческая практика служит объективной проверкой истины исторического знания прежде всего потому, что дальнейшее развитие человеческого общества помогает историку полнее и точнее установить значение тех или иных событий прошлого. Историк может тогда оценивать факты прошлого «не только в отношении исторических событий, которые им предшествовали, но и в отношении событий, которые наступили после них. Таким образом, историк имеет возможность не только оценить, как и почему произошли данные исторические события, но вместе с тем, какие реальные возможности заключили они в себе для дальнейшего развития»²⁵. Более того, отмечает Ирибаджаков, истинное познание некоторых аспектов исторического прошлого может нам дать единственно современность и знания о ней, которыми мы располагаем. Прошедшая современность, заключает автор, «уточняет, корректирует, дополняет, обогащает и развивает исторические знания вчерашнего дня или просто их

²³ Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии. с. 211—212.

²⁴ См. подробно: Марксистско-ленинская методология военной истории, с. 99.

²⁵ Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии, с. 316.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 18, с. 137.

²¹ Марксистско-ленинская методология военной истории. М., 1973, с. 98.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 18, с. 198.

опровергает и отбрасывает. В результате этого историческое познание отражает более всесторонне и более точно исторические события так, как они происходили в действительности»²⁶. Подчеркивая значение современности для познания прошлого, Ирибаджиков одновременно отвергает презентизм с его релятивизмом и объективизмом.

Другой путь применения практики для установления истинности исторических данных — изучение опыта развития отсталых народов. Известно, какую роль сыграло изучение Л. Морганом жизни индейских племен для исследования основных черт развития первобытнообщинного строя.

Но указанные методы, к сожалению, далеко не универсальны и, как пишет А. В. Гулыга, «в большинстве случаев обращение к практической деятельности не может выручить историка»²⁷. Поэтому основным средством установления истинности исторического исследования является сопоставление его с новыми источниками, с фактами, истина которых установлена.

Исследовательская практика, пишут авторы книги «Марксистско-ленинская методология военной истории», подтверждает истинность исторических знаний в том случае, «если исследование новых источников ничего существенного к уже добытым и накопленным знаниям не прибавляет»²⁸. Именно в этом смысле исследование новых источников служит средством подтверждения истинности или доказательства ложности ранее добытых знаний.

Роль объективного критерия истины для исторической науки выполняет также материалистическое понимание истории — теория, синтезировавшая в себе многовековой опыт человеческого развития.

Что же такое историческая истина? Принимая во внимание относительный характер исторического познания, ее можно определить как такое знание прошлого, которое в основных, существенных чертах соответствует изучаемому событию и не зависит от субъекта.

Разумеется, это определение и вышеизложенные заметки об истине в истории не претендуют на то, чтобы считаться полными и исчерпывающими. Проблема исторической истины и ее критерия остается открытой. В той или иной мере она

²⁶ Ирибаджиков Н. Кто перед судом буржуазной философии, с. 316—317.

²⁷ Гулыга А. В. История как наука. — В сб.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 12.

²⁸ Марксистско-ленинская методология военной истории, с. 99.

затрагивалась в исследованиях И. С. Кона, А. В. Гулыги, А. Я. Гуревича, Дж. Ахмедли, Ю. Согомонова и некоторых других авторов²⁹.

В целом же в советской и зарубежной марксистской литературе проблема исторической истины не стала предметом специального исследования, важнейшие ее аспекты не нашли достаточного освещения.

Наша цель заключалась в том, чтобы привлечь внимание философов и историков к решению этой важной и сложной проблемы.

²⁹ См.: Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; Гулыга А. В. История как наука. — «Философские проблемы исторической науки»; Гуревич А. Я. К вопросу об особенностях истории как науки. — «Труды Московского государственного историко-архивного ин-та», т. 25. «Вопросы методологии исторической науки», 1967; Ахмедли Дж., Согомонов Ю. Об историческом познании. Азерб. гос. изд-во, Баку, 1969; Марксистско-ленинская методология военной истории, с. 93—102.

А. А. КРАВЧЕНКО

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫМ СВЯЗЯМ И МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЛИДАРНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ УКРАИНСКОЙ ССР С ПРОЛЕТАРИАТОМ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В 1921—1932 гг.

Проблемы международной пролетарской солидарности и интернациональных связей трудящихся СССР с зарубежным пролетариатом в 20—30-е годы занимают значительное место в советской историографии. За последние десять лет усилилась тенденция к обобщению накопленных фактов, появляются первые историографические статьи¹. Правда, в них рассмотрена современная отечественная литература лишь по двум проблемам: МОПР (Международная Организация Помощи Борцам Революции) и иностранные рабочие делегации в СССР. В некоторых статьях впервые в украинской историографии анализируется литература и источники по истории МОПР УССР².

Анализ этих работ показывает, что источниковедческие вопросы международной солидарности и интернациональных

¹ Львунин Ю. А. Проблемы солидарности международного пролетариата со страной строящегося социализма в новейшей историографии. (Иностранные рабочие делегации в СССР в 1924—1933 гг.) — «Вопросы истории», 1965, № 5, с. 137—143; Тарле Г. Я. Советская историческая литература об интернациональных связях трудящихся (1921—1925 гг.). — В кн.: Строительство Советского государства. Сб. статей к 70-летию Э. Б. Генкиной. М., 1972, с. 227—247; Львунин Ю. А. Из истории создания и первых лет действий советской секции международной организации помощи борцам революции (1922—1928 гг.). — «Вестник МГУ», 1973, № 1, с. 3—21. Васильева А. Н. МОПР в новейшей исторической литературе. — «Вопросы истории», 1974, № 5, с. 140—146.

² Фещенко Р. А. Джерела про міжнародну солідарність та інтернаціональні зв'язки трудящих Української РСР в 1926—1932 рр. — «Архіви України», 1971, № 6. Гусаров В. К. Діяльність Всеукраїнської секції МОДР за документами 1922—1928 рр. — «Архіви України», 1972, № 5; Иваненко В. В. Деятельность МОПР СССР за 1922—1937 гг. в советской историографии. — В сб.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1972, (Днепропетровский госуниверситет).

связей трудящихся Украинской ССР в 20—30-е годы нашли в современной историографии лишь фрагментарное отражение. До сих пор также не издан ни один сборник документов и материалов по истории интернациональных связей трудящихся УССР в 20—30-е годы³. Задача настоящего анализа архивных источников восполнить в какой-то мере существующий пробел. Предпринятый обзор источников подан нами на примере интернациональных связей и международной солидарности трудящихся Приднепровья — составной и неотъемлемой части акций пролетарской солидарности трудящихся СССР.

В Центральном партархиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в плане нашей тематики первостепенное значение имеют ф. 17, оп. 60 (документы агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б)); ф. 17, оп. 67 (документы Екатеринославского губкома КП(б)У); ф. 17, оп. 68 (документы организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б)); ф. 124, оп. 1, д. 1352 (личный фонд документов Я. Я. Муцеска — члена Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев); ф. 533, оп. 10 (материалы исполкома Коммунистического Интернационала молодежи).

В ф. 17, оп. 60 отложились протоколы заседаний секретариата и президиума ЦК МОПР СССР, материалы переписки агитпропа ЦК РКП(б) с ЦК ЛКСМ, ВЦСПС, а также протоколы, циркуляры комиссии заграничной помощи, доклад ИКРКИ о результатах обследования МОПР. Трудящиеся и особенно пролетариат Украины горячо откликнулись на призыв партии, Коминтерна, ЦК МОПР создавать на местах организации пролетарской солидарности. Классовое сознание подсказывало трудящимся СССР, что МОПР — это не отдельная кампания, а постоянная организация, призванная поддерживать и укреплять международные связи пролетариата. О масштабах «триумфального шествия» МОПР по СССР свидетельствуют такие цифры⁴:

Год	Количество членов МОПР СССР	Помощь, оказанная зарубежным революционерам (в руб.)
1923	50000	183356
1924	3717034	934911
1925	5057261	1814673

³ В настоящее время Институт истории АН УССР готовит к публикации сборник документов.

⁴ Таблица составлена автором по данным ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 60, д. 840, л. 5, 32.

В ф. 17, оп. 67 хранится обстоятельный доклад комиссии РКП(б) по обследованию Екатеринославского губкома КП(б)У за 1925 г. В нем дана характеристика действовавших на Екатеринославщине добровольных общественных организаций (в т. ч. МОПР), отмечалось, что Екатеринославская МОПР по количеству членов организации стояла на втором месте после московской⁵.

Среди документов ф. 17, оп. 68 отложились протоколы заседаний комиссий ЦК и ЦК РКП(б) о работе «Межрабкома» и МОПРа, их уставы, докладные записки, справки, доклад П. Н. Лепешинского от 2.X.1924 г. ЦК РКП(б) о развитии МОПР в СССР. В ф. 124, оп. 1, д. 1352 хранится личное дело Я. Я. Муценка, организатора и первого председателя Екатеринославского губкома МОПР, члена ЦК МОПР СССР и УССР. Здесь имеется его автобиография, свидетельствующая о большом опыте революционной борьбы, анкетные данные, характеристики. В ф. 533, оп. 10 в материалах по международной переписке ячеек РКСМ отложились письма, написанные в 1924 г. ячейками КСМУ ряда екатеринославских заводов и вузов. Среди фондов ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС имеется фонд исполкома МОПР, который, к сожалению, до сих пор недоступен широкому кругу исследователей⁶.

В ЦГАОР СССР материалы по интернациональным связям трудящихся Украины в исследуемый период наиболее полно представлены в ф. 8265 (фонд ЦК МОПР СССР) и ф. 5451 (фонд ВЦСПС).

Среди документов ЦК МОПР СССР сохранились стенограммы, доклады, информационные отчеты, а также приветствия, отчеты, рапорты украинских организаций съездам, Пленумам ЦК МОПР. Здесь же имеется значительный фактический и статистический материал о работе Днепропетровской МОПР. Изучение этих материалов имеет первостепенное значение для исследования названной нами темы.

В составе фонда ВЦСПС ф. 5451 наибольшее значение для изучения вопросов развития интернациональных связей представляют отчеты, доклады, докладные записки Российского отделения ЦК Межрабпома и его местных организаций.

⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 67, д. 529, л. 40. О становлении МОПРа на Екатеринославщине см.: Кравченко А. А. МОПР на Днепропетровщине в 1922—1932 гг. — «Український історичний журнал» (далее «УІЖ»), 1972, № 11).

⁶ Бабиченко Л. Г. (в соавторстве) впервые проведен некоторый анализ с публикацией документов фонда ЦК МОПРа. См. «Вопросы истории КПСС», 1972, № 11.

Здесь сосредоточено значительное количество материалов о помощи советских людей германским рабочим и их семьям во время «Германской» 1923—1924 гг. кампании Межрабпома. В ходе этой кампании нашло дальнейшее упрочение достигнутого сейчас единства и неразрывной связи интернациональных и национальных интересов советских трудящихся. Так, пролетариат Екатеринославщины, оказывая помощь германским рабочим, переслал в октябре 1924 г. 1000 руб. трудящимся Ленинграда, пострадавшим от наводнения⁷.

О размахе акций солидарности трудящихся СССР с бастующими английскими горняками в 1926 г. можно судить по протоколам рабочих собраний, митингов, обилию телеграмм протеста и солидарности. Некоторые рабочие коллективы Украины принимали решения отчислять ежемесячно 1% заработной платы до конца стачки⁸. В фонде хранятся копии различных постановлений ВЦСПС, сведения о поступлении финансовых средств в помощь английскому пролетариату от трудящихся УССР. Ярким свидетельством действительности солидарности трудящихся СССР являются собранные ими за период с мая 1926 г. по 1 марта 1927 г. 12007334 руб.⁹ За это же время пролетариат и крестьяне Украины собрали 1896499 руб.¹⁰

Ценная информация об иностранных рабочих делегациях, побывавших на Украине, имеется в стенограммах и протоколах комиссии Внешних Сношений ВЦСПС, среди переписки комиссии с местными профсоюзными организациями по приему и обслуживанию иностранных делегаций. В фонде хранятся материалы, которые не удалось обнаружить в республиканских архивах, например, стенографический отчет заседаний I Всеукраинской конференции иностранных специалистов.

Обширный документальный материал по исследуемой теме хранится в партархиве ИМЛ при ЦК КП Украины. В частности в ф. 32 (Екатеринославский губком КП(б)У) отложилось много документов о деятельности ЦК Лиги помощи германским рабочим и их семьям при ВУЦСПС, протоколы заседаний, переписка, отчеты Кайдакского, Чечеловского, Центрального, Екатеринославского отделений Лиги, переписка с ЦК КП(б)У о направлении Екатеринославской,

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 8, д. 152, л. 116.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 10, д. 297, л. 163.

⁹ Профсоюзы СССР. Документы и материалы в 4-х т., т. II. Профсоюзы в период построения социализма в СССР, октябрь 1917—1937 гг., М., 1963, с. 558.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 11, д. 72, л. 1.

Киевской, Харьковской Лигами помощи 3-х вагонов хлеба германским детям. От имени германских рабочих горячую благодарность трудящимся СССР прислал секретарь Международной рабочей помощи В. Мюнденберг¹¹. Ряд сведений о деятельности добровольных обществ содержится в отчетах агитпропотдела губкома КП(б)У за 1924—1925 гг., в переписке губкома МОПР с губкомом КП(б)У.

ЦК ЛКСМУ считал задачей первоочередной важности интернациональное воспитание молодежи, упрочение уз дружбы с зарубежной пролетарской молодежью, о чем свидетельствуют материалы ф. 7 (ЦК ЛКСМУ), а именно, инструктивные письма, протоколы совещаний комиссии при ЦК РКСМ в связи с германскими событиями 1923 г., выписки из протоколов заседаний бюро ЦК ЛКСМУ, переписка с окружками ЛКСМУ о шефстве над польским КСМ, докладные записки, отчеты, выписки из протоколов заседаний шефской комиссии при Екатеринославском ОК ЛКСМУ. Екатеринославская, Криворожская, Запорожская, Мелитопольская, Павлоградская организации ЛКСМУ шефствовали соответственно над КСМ польских округов: Верхняя Силезия, Борислав, Краков, Люблин, Кутко¹². Большая моральная и материальная поддержка была оказана КСМ Германии (округ Галле-Мерзебург¹³. Только за период 1927 — октябрь 1928 г. молодежь Украины собрала для оказания помощи подшефным организациям 43606 руб.¹⁴

Из ф. 1, оп. 10 (организационный отдел ЦК КП(б)У) большую ценность представляют материалы отчетов, переписки парторганизаций с ЦК КП(б)У, инструкций и постановлений ЦК КП(б)У о работе среди прибывших рабочих из братских коммунистических партий.

Большой фактический материал о поддержке крестьянами Екатеринославщины — членами комитетов незаможных селян революционных выступлений русских рабочих в 1923 г. отложился в хранящемся в ЦГАОР СССР ф. 257 (Екатеринославский губком КНС). Непосредственное отношение к изучению проблем избранной нами темы имеют документы ф. 2605, оп. 2, 3, 4 (Всеукраинский Совет Профессиональных Союзов). В составе этого фонда, а также ф. 2602, оп. 1 (ВУК горняков) вошли решения ВЦСПС, ВУСПС об оказа-

ний помощи бастующим горнякам Англии в 1926 г., многочисленные отчеты окружных советов профсоюзов о ходе и итогах этой кампании. Широко представлены материалы об опыте использования и роли, о масштабах международной переписки и значение в интернациональном воспитании трудящихся Украины. О масштабах переписки свидетельствует факт, что только трудящиеся Криворожья в 30-х годах переписывались с пролетариатом 30 стран¹⁵. Многообразны и содержательны документы о пребывании иностранных делегаций на Украине. В 1933—1936 гг. только Днепрогэс посетило 47 делегаций (700 чел.)¹⁶. Среди архивных материалов имеются обращения, воззвания, письма, воспоминания членов делегаций, побывавших на Украине, стенографические отчеты о совместных заседаниях Днепропетровского ОСПС с членами чехословацкой, датской, австрийской, немецкой делегаций. В протоколах, уставах, планах, информационных сведениях отражена деятельность ВУСПС среди иностранных специалистов.

Разумеется наиболее разнообразен и многочислен фактический материал по интернациональным связям хранится в местных архивах. Такой материал имеется в партархиве при Днепропетровском обкоме КП Украины в ф. 5 (Екатеринославский губернский комитет КСМУ), ф. 7 (Екатеринославский окружной комитет КП(б)У), ф. 10 (Днепропетровский окружной комитет ЛКСМУ), ф. 18 (Днепропетровский городской комитет КП(б)У), ф. 22 (Днепропетровский областной комитет ЛКСМУ).

В составе документов ф. 5 хранятся протоколы общих волостных, сельских, районных и Екатеринославского уездного комитетов КСМУ; планы, доклады, отчеты местных комиссий по подготовке и проведению празднований компрессов КИМа, Коминтерна, дня МЮДа, памяти К. Либкнехта и Р. Люксембург, различная переписка с губкомом КП(б)У, ЦК РКСМ по так называемой «драгоценной» кампании среди молодежи Екатеринославщины в помощь рурским рабочим и Германскому комсомолу в 1923—1924 гг.¹⁷

Так, среди материалов ф. 7 в д. 99 имеются резолюции, протоколы общих собраний жителей сел Екатеринославской губернии, в которых дана оценка международного положе-

¹¹ ПА ИИП при ЦК КП Украины, ф. 32, оп. 1, д. 1975, л. 30, 31.

¹² ПА ИИП при ЦК КП Украины, ф. 7, оп. 1, д. 66, л. 64.

¹³ ПА Днепропетровского обкома КП Украины, ф. 10, оп. 1, д. 153, л. 21. — «Майбутня зміна», 7, 14 января, 30 августа 1930 г.

¹⁴ ПА ИИП при ЦК КП Украины, ф. 7, оп. 1, д. 343, л. 7.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 2605, оп. 3, л. 1452, л. 36.

¹⁶ Иваненко В. В. З досвіду діяльності української організації МОДР. — «УІЖ», 1972, № 11, с. 75.

¹⁷ См. ПА Днепропетровского обкома КП Украины, ф. 5, оп. 1, д. 236, л. 305, 324, 325, 630.

ния в 1923 г. и выражена горячая солидарность с борьбой немецкого пролетариата¹⁸. В других делах фонда сохранилось много материалов по международной переписке комсомольцев и молодежи Днепропетровщины с зарубежными сверстниками. Ценные сведения по интернациональной работе Днепропетровского ОК КП(б)У имеются в протоколах совещаний, заседаний, бюро, пленумов агитационно-пропагандистского отдела ОК КП(б)У, в протоколах и резолюциях окружных партконференций, в докладных записках и финансовых ведомостях МОПР.

В ф. 10 содержится ряд протоколов бюро ОК КП(б)У с материалами переписки комсомольцев днепропетровских предприятий с комсомольскими ячейками немецких городов Галле и Мерзебурга¹⁹. Имеется переписка с ЦК ЛКСМ и протокол шефской комиссии при губкоме ЛКСМУ о принятии и утверждении шефства над КСМ Польши, Китая. Много сведений об интернациональной работе ОК ЛКСМУ содержат циркуляры, тезисы, информматериалы о массово-политической работе среди молодежи, в частности о проведении праздников МЮДА, о ходе выполнения договоров соревнований с КСМ округа Галле-Мерзебурга, об использовании приезда иностранных делегаций для интернационального воспитания масс. Среди материалов этого фонда заслуживает внимания обращение II губконференции МОПР (1925 г.) к трудящимся Екатеринославщины²⁰.

Среди партийных документов ф. 18 отложились материалы по интернационалистской работе МОПР и других общественных организаций, о состоянии работы среди иностранных специалистов. Особую ценность фонда представляет стенографический отчет объединенного торжественного собрания общественных организаций Днепропетровска 18 марта 1931 г., на котором Е. Д. Стасова вручила Днепропетров-

ской организации МОПР переходящее Красное Знамя революционных рабочих Германии²¹.

В ф. 22 в протоколах заседаний секретариата Днепропетровского обкома ЛКСМУ, в материалах и отчетах городских и районных комитетов ЛКСМУ об интернациональных взносах, о проведении революционных праздников содержится информация о состоянии интернациональной работы среди молодежи в городских и сельских районах области²².

Значительное количество малоизвестных документов по интернациональным связям трудящихся Днепропетровщины отложилось в Днепропетровском областном госархиве. Среди материалов ф. 2181 (Днепропетровское отделение Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев), (1922—1935) хранятся протоколы и выписки из протоколов заседаний губернского бюро МОПР, списки, анкеты, ведомости членских взносов МОПР, обращение окружного МОПР к трудящимся, отчетный доклад Украинского ЦК МОПР за 1925—1928 гг., годовые планы, протоколы заседаний общества политкаторжан, материалы и отчеты о проведении революционных праздников, вечеров воспоминаний и т. д.

В ф. 3583 (Покровский райком МОПР, Запорожской обл., 1925—1926 гг.) хранятся протоколы общих собраний членов комитета, заседаний окружного и райкомов МОПР, план и отчет о работе райкома, акт ревизионной комиссии, ведомость и подписные листы добровольных пожертвований жителей района в помощь политзаключенным в капиталистических тюрьмах. Некоторые фонды этого архива содержат протоколы общих собраний, беспартийных конференций и съездов жителей сел Екатеринославского округа, различную переписку и материалы волостных, сельских ревкомов, КНС о праздновании годовщины I Интернационала, чествовании конгрессов Коминтерна, проведении дня Парижской Коммуны, 8 марта, 1 мая, МЮДа, дней памяти Р. Люксембург, К. Либкнехта. В составе вышеуказанных фондов имеются материалы о первых этапах деятельности районных организаций МОПР.

²¹ ПА Днепропетровского обкома КП Украины, ф. 18, оп. 1, д. 676, л. 7.

²² Одной из новых форм интернационального воспитания молодежи было проведение в начале 30-х годов областных конгрессов КИМа. См. ПА Днепропетровского обкома КП Украины, ф. 22, оп. 1, д. 31, л. 115, 124.

¹⁸ Только за период с 7 сентября по 14 ноября 1923 г. состоялось свыше 200 митингов солидарности, в которых приняло участие 122846 чел. Подсчитано нами на основе: ПА ИИП при ЦК КП Украины, ф. 32, оп. 1, д. 1502, л. 425—429. ПА Днепропетровского обкома КП Украины, ф. 7, оп. 1, д. 99, л. 5, 8—16, 28—33, 43—102, филиал Запорожского государственного архива в г. Мелитополе, ф. 67, оп. 1, д. 10, л. 45; ф. 73, оп. 1, д. 13, л. 93.

¹⁹ См. ПА Днепропетровского обкома КП Украины, ф. 7, оп. 1, д. 1065, л. 34; д. 1125, л. 5, 6, 8, 32; ф. 10, оп. 1, д. 742, л. 48; д. 746, л. 29—30; д. 693, л. 1—3.

²⁰ ПА Днепропетровского обкома КП Украины, ф. 10, оп. 1, д. 60, л. 179.

В партархиве Запорожского обкома КП Украины в материалах ф. 1 (Запорожский окружной комитет КП(б)У), ф. 16 (Запорожский окружной комитет ЛКСМУ), ф. 73 (Бердянский окружной комитет КП(б)У), ф. 241 (Мелитопольский окружной комитет КП(б)У) отразилась деятельность партийных и комсомольских организаций Запорожского округа по развитию интернациональных связей трудящихся, мероприятия окружкома партии по становлению и укреплению МОПР в округе.

В областном государственном архиве Запорожской области в фондах ФР-223 (ячейка окружкома МОПР при Запорожском окрстатбюро), ФР-739 (Софиевская районная ячейка МОПР), ФР-903 (Ореховский районный комитет МОПР) сохранились протоколы заседаний общих собраний, бюро районных комитетов МОПР, переписка с окружкомом МОПР, отчеты о проведенной работе, сведения о шефской работе, международной переписке, участии ячеек МОПР в социалистическом строительстве. Чрезвычайную ценность представляет фонд ФР-830 (Запорожский окружной комитет профсоюзов), где сконцентрированы финансовые отчеты профорганизаций предприятий, свидетельствующие об огромных масштабах материальной поддержки, которую оказали трудящиеся округа бастовавшим английским горнякам²³.

Как убеждает практика районные архивы представляют солидную источниковедческую базу, в них часто сосредоточено немало документов, отсутствующих в центральных архивах. Изучение материалов в районных архивах представляет исследователю редкую возможность проследить истоки зарождения той или иной идущей снизу инициативы, на которые была так богата жизнь трудящихся в годы наиболее массовых солидарных действий с зарубежным пролетариатом и крестьянством.

В филиале Запорожского облгосархива в г. Мелитополе полностью сохранились, неиспользованными исследователями МОПР Украины два фонда ФР-513 (Мелитопольский окружной комитет МОПР) и ФР-523 (Мелитопольский районный комитет МОПР)²⁴. Документы этого архива, как и Черниговского облгосархива, где сохранился фонд Черниговского обкома МОПР, ФР-2530, оп. 1—2; Черниговского горкома

²³ Только с 5 июня по 2 ноября 1926 г. рабочие Запорожья переслали английским горнякам 8406 руб. Подсчитано нами по данным Запорожского областного государственного архива, ФР-830, оп. 2, д. 7, л. 1—77.

²⁴ В настоящее время эти фонды переданы на хранение в Запорожский облгосархив.

МОПР ФР-2532, можно считать уникальными, так как о существовании подобных фондов на Украине нам пока не известно.

Среди документов о деятельности Мелитопольского окружного и районного комитетов МОПР содержатся копии протоколов заседаний, инструктивные, директивные, циркулярные письма Президиума Всеукраинского ЦК МОПР, протоколы заседаний бюро, правления губкома, окружкома МОПР, протоколы расширенных пленумов, конференций, переписка о мопровской работе на Днепропетровщине. Огромную ценность для исследователей представляет «Ранорт 400000 организации МОПР Днепропетровской области I Всемирному конгрессу МОПР» (состоялся в Москве в ноябре 1932 г.), в котором подведен итог десятилетней интернационалистской работы этой крупнейшей массовой организации области, сыгравшей заметную роль в деле расширения, углубления и упрочения интернациональных связей украинского народа с зарубежными трудящимися²⁵.

Кроме того в фондах ряда сельсоветов, райисполкомов, рай-КНС содержится много ценных сведений об интернационалистской деятельности КНС, откликах крестьян Мелитопольского, Бердянского округа на крупные революционные выступления зарубежного пролетариата в 1923, 1926, 1929 гг., о массовых митингах протеста против усиления белого террора в Болгарии, Польше, Германии, против казни Сакко и Ванцетти, против суда над Б. Куном, Ланьцудиком, о деятельности сельских мопровских ячеек.

Руководствуясь в своей повседневной деятельности заветами В. И. Ленина о важности и необходимости систематической поддержки международного революционного движения пропагандой, сочувствием, материально²⁶, трудящиеся республики постоянно оказывали всестороннюю помощь мировому пролетариату, которая несомненно, поддерживала и воодушевляла его в борьбе с классовыми врагами. Не будь этого массового движения в СССР борьба с фашистским и буржуазным террором была бы еще более трудной, число жертв реакции — еще более значительным.

Перед Советскими историками, располагающими этим богатейшим документальным материалом, стоит актуальная задача дальнейшего глубокого исследования и разработки в различных аспектах обширных интернациональных связей и

²⁵ ФГАЗО в г. Мелитополе, ФР-523, оп. 1, д. 35, л. 1—2.

²⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 31, с. 170.

актов пролетарской солидарности трудящихся Украинской ССР в 20—30-е годы. Интернациональные связи межвоенных лет подлежат широкому внедрению в пропаганду и идейно-воспитательную работу наряду с революционными, трудовыми и боевыми традициями советского народа. Необходимо вооружить лекторов, пропагандистов, агитаторов и других работников идеологического фронта конкретным фактическим материалом и научно сформулированными выводами по этому вопросу. В этих целях представляется целесообразным, помимо издания сборников документов, усилить публикацию материалов об интернациональных связях в 20—30-е годы в периодической печати, радио, телевидении. Данные мероприятия еще больше активизируют деятельность партийных и общественных организаций, всех работников идеологического фронта на выполнение решений XXIV съезда КПСС по воспитанию настоящих патриотов, интернационалистов, преданных делу коммунизма.

Н. П. КОВАЛЬСКИЙ

АКТ 1603 ГОДА РАЗДЕЛА ВЛАДЕНИЙ КНЯЗЕЙ ОСТРОЖСКИХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Инвентарные описания и разделы феодальных имений на Украине представляют собой особый вид актовых источников. Для своего времени они имели официальное, юридическое значение и большую ценность, а поэтому на протяжении длительного времени сохранялись в частновладельческих собраниях и государственных архивохранилищах и дошли до наших дней как в отечественных, так и зарубежных архивных фондах (особенно в Польской Народной Республике). Инвентарные акты составлялись при жизни или после смерти их владельца в пользу одного или нескольких наследников с указанием движимого и недвижимого имущества, финансового состояния имений, повинностей населения, размеров налогов и др.

Таким образом, как исторические источники, они сообщают неоценимую информацию о величине латифундий, формах феодальной собственности, данные по ее количественной и качественной характеристике, экономическом положении и социальных отношениях. Наличие обычно в инвентарях довольно подробного и точного учета населенных местностей: городов, крепостей, сел, селений с перечнем улиц, отдельных дворов, их собственников и жителей, их повинностей, налогов позволяет также установить ценные данные по топонимике, демографии, составе населения (социальном, профессиональном, этническом), произвести реконструкцию топографии, структуры и расположения средневековых поселений. Эти и другие аспекты дают основание отнести инвентарные описи к важным источникам, без которых невозможно глубокое исследование экономических и социальных процессов.

На наш взгляд, перспективным и обещающим дать интересные результаты по изучению динамики и тенденций социально-экономического развития и отношений является анализ и сопоставление между собой инвентарных описаний одних и тех же местностей за отдельные годы на протяжении одного либо нескольких столетий, сравнение данных о численности облагаемого налогами населения, изменения в его составе, занятиях, имущественном положении и др.

Особый интерес в этом отношении вызывают инвентарные описи владений князей Острожских, которые в XVI—начале XVII века, наряду с Вишневецкими, Чарторийскими, Четвертинскими, Сангушками, Заславскими являлись наиболее крупными украинскими магнатами, сосредоточившими колоссальные владения в своих руках не только на Украине, но и за ее пределами.

Хотя первое летописное упоминание об Остроге относится к 1101 году¹ (т. е. городу в настоящее время 873 года), Острожское княжество становится широко известным в источниках в XIV в.² и достигает крупных размеров в XVI в. Политическое влияние кн. Острожских в Польско-Литовском государстве определялось рядом факторов: рост их экономического могущества, предоставление этой фамилией серьезных военных и политических услуг Великому княжеству Литовскому и Польше, растущая классовая солидарность этих украинских магнатов с литовскими и польскими феодалами, хотя между ними существовали и разногласия. Князья Острожские занимали в Литве и Польше ответственные и влиятельные государственные и административные должности. Константин I Иванович Острожский (умер в 1533 г.) в качестве первого в истории Литвы великого гетмана (в 1497—1500 гг. и с 1507 г. до конца жизни)³ возглавлял литовское войско в захватнических войнах против России. Кроме того он был назначен старостой Брацлавским, Винницким и Зве-

¹ Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962 (воспроизведение текста 2-го издания, СПб., 1908), столб. 249.

² Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku*. Warszawa, 1895, s. 343; *Pomniki dziejowe Polski*, wyd. A. Bielowski. Lwów, 1872, s. 622. В 1386 г. Владислав Ягайло выдал князю Федору Острожскому подтвердительную грамоту на право потомственного владения городом Острогом («castrum Ostrogow») с округом («cum districtu Ostrogowiensi») — «Архив Юго-Западной России», ч. VII, т. I. Акты о заселении Юго-Западной России. К., 1886, № 1, с. 3.

³ Wolff J. *Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386—1795*. Kraków, 1885, s. 148; Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy*, s. 347—350.

нигородским, маршалком Волынской земли⁴, Виленским каштеляном (с 1513 г.), Троицким воеводой (с 1522 г.), в 1522 г. его род был удостоен ставить печать красным воском⁵.

Его сын, Константин II (Василий) Константинович (1526—1608 гг.) подписался под актом Люблинской унии⁶, вел борьбу против крестьянско-козацкого восстания под руководством К. Косинского (в 90-е годы XVI в.). После смерти Петра Кишки в 1550 г. он стал Владимирским старостой и маршалком Волынской земли (последним), в 1559 г. (после Г. А. Ходкевича) был назначен Киевским воеводой, а с образованием Речи Посполитой (1569 г.) еще и коронным сенатором⁷. Последние три должности сохранились за ним до конца жизни. Ряд влиятельных постов занимали и его сыновья: старший из них — фанатичный католик Януш (1554—1620 гг.) был Волынским воеводой (в 1585—1593 гг.), Краковским каштеляном (с 1593 г.), Белоцерковским, Каневским, Богуславским, Черкасским старостой; второй сын Константин III, умерший при жизни отца в 1588 г.⁸, занимал посты Владимирского старосты и крайчего Великого княжества Литовского, младший — Александр (1571—1603 гг.) занимал после своего брата Януша должность Волынского воеводы (с 1593 г.). Итак, род князей Острожских в XVI—начале XVII вв. прибрал к своим рукам все самые важные административные должности на Волыни и частично на Правобережье, фактически превратив их в наследственные своей фамилии.

Рост территориальных владений кн. Острожских особенно интенсивно проходил в первой половине XVI в. различными путями: благодаря наследованию, купле, захвату, освоению и заселению окраинных территорий, особенно на востоке и юго-востоке Украины, пожалованиям великих литовских князей и польских королей, старавшихся отблагодарить Острожских за неоднократно предоставляемую ими военную и политическую поддержку.

⁴ Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy*, s. 347—350.

⁵ *Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie*, wydane przez Bronisława Gorczaka, tom III (1432—1534), Lwów, 1890, N 134, s. 105—106; N 230, s. 220—222; N 241, s. 235—236.

⁶ *Дневник Люблинского сейма 1569 г.*, СПб., 1869, с. 718.

⁷ Wolff J. *Senatorowie i dygnitarze*, s. 21, 24.

⁸ Уже 10 мая 1588 г. польский король назначил после К. К. Острожского (младшего) на должность крайчего Андрея Сапегу. — Wolff J. *Kniaziowie*, s. 357. Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА СССР), ф. 389. Литовская метрика. Книга записей, кн. 73, л. 335, кн. 74, л. 346.

Начиная с литовского князя Любарта князя Острожские в XIV — начале XVII в., особенно в первой половине XVI в., получали от великих князей литовских и польских королей грамоты, подтверждавшие их бывшие владения и предоставлявшие им во владение города (напр., Чуднов в 1507 г., Туров в 1508 г., Дорогобуж в 1514 г., Красилов в 1517 г., Звягель в 1519 г. и др.)⁹, села, привилегии на основание новых городов с магдебургским правом (напр., Дубно в 1498 г.¹⁰, Межирича, бывшего села возле Острога, в 1605 г.¹¹), с назначением дней торгов и ярмарок.

Рост владений кн. Острожских происходил в первую очередь на Волыни, треть которой (32,67%) по подсчетам А. Яблоновского, принадлежала этому роду во второй половине XVI в.¹², в частности 34% Луцкого и 33% Кременецкого уездов¹³. Кроме того они владели имениями, угодьями и отдельными домами в Литве, Малопольше, Белоруссии, Галичине, на Киевщине, Подолье и др. Благодаря браку К. К. Острожского в 1552 г. с дочерью Краковского каштеляна Софьей Тарнавской (1535—1571 гг.), унаследовавшей после смерти брата отцовские владения, к семье кн. Острожских перешел г. Тарнув с окрестностями. По данным с. Кардашевича на землях Острожских к концу XVI в. было 80 городов и местечек и 2760 сел, два миллиона моргов земли, проживало свыше 15 тысяч чиншевику¹⁴. Папский нунций в Польше Гораций Спанокки писал в 80-х гг. XVI в. о князе К. К. Острожском, что «он считается наиболее богатым и наиболее зажиточным господином во всем королевстве «и был бы одним из возможных претендентов на польский престол, не будь он «схизматиком»¹⁵ (т. е. православным). Уста-

новлено, что кандидатура К. К. Острожского на польский престол в 70-е годы XVI в. выдвигалась турецким правительством¹⁶.

История князей Острожских и тесно связанного с ними города Острога привлекала значительный интерес в дворянской и буржуазной историографии, как русской, украинской, так и польской. Начиная уже с XVIII в. выявлялись, вводились в научный обиход и использовались различные источники (летописи, хроники, грамоты, старопечатные книги, эпитагиальное наследие, свидетельства иностранцев, мемуаристика и др.). Однако этот интерес был односторонним и характерен тенденциозностью: больше других вопросов изучалась генеалогия рода, участие Острожских в политической жизни, военных событиях, отношение их к религиозным вопросам и культурному движению, при этом обычно допускались их возвеличение и неприкрытая апология, особенно таких деятелей как Константина Ивановича и его сына Константина (К. Несецкий, И. Стебельский, А. Пшездецкий, Н. Максимович, Н. Теодорович, П. Батюшков, К. Левицкий и др.)¹⁷. В XIX — начале XX века были опубликованы исследования по истории Волыни XIII—XV вв., в которых одно из основных мест занимали вопросы политической истории Острожского княжества (работы А. Андрияшева, П. Иванова, М. Детрихса, П. Викторовского и др.). Широкая источниковая база характерна для исследований Ю. Вольфа, В. Руликовского и З. Л. Радзимицкого по генеалогии и истории княжеских родов Литвы, Белоруссии и Украины (в частности князей

¹⁶ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., Изд-во восточной литературы, 1963, с. 262.

¹⁷ Niesiecki K. Korona Polska, t. 3, Lwów, 1740; Stebel'ski Ign. W. X. Dwa wielkie swiatla. Przydatek do chronologii. Genealogia XX. na Ostrogu Ostrogskich, t. III, Wilno, 1783; wydanie 2-e, Lwów, 1867; Przewdziecki A. Jagiellonki Polskie w XVI wieku. Obrazy rodziny i dworu Zygmunta I i Zygmunta Augusta, królów Polskich, t. III, Przygody księżnej Halszki Ostrogskiej, Kraków, 1868; t. V. Beata z Koscielskich, księżna Ostrogska, Kraków, 1878; Lewicki K. Ks. Konstanty Ostrogski a unia Brzeska, 1596 r. Lwów, 1933; Lewicki K. Ks. Ostrogscy na służbie Rzeczypospolitej. «Rocznik Wolynski», t. VII, Równe, 1938; Chodyncki K. Z dziejów prawosławia na Wołyniu (992—1596), «Rocznik Wolynski», t. V, Równe, 1936; Tomkiewicz W. Wołyn w Koronie 1569—1795. «Rocznik wolynski», t. II, Równe, 1931.

Максимович М. А. Письма о князьях Острожских. Собрание сочинений Максимовича М. А., т. I, Отдел исторический, К., 1876; Теодорович Н. И. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. Т. 2, Почаев, 1889; Батюшков П. И. Волянь. Исторические судьбы юго-западного края. Спб., 1888.

⁹ Archiwum ks. Sanguszków w Sławucie, t. III, NN 79, 92, 120, 178, 200 etc.

¹⁰ Archiwum państwowe m. Krakowa i województwa Krakowskiego. Archiwum Sanguszków, N 81, s. 36—37 (далее архив Сангушек в Кракове).

¹¹ Архив Юго-Западной России. Ч. 5, т. I. Акты о городах 1432—1798. К., 1869, док. №XXVIII, с. 106—108.

¹² Jablonowski A. Pisma, t. IV, Warszawa, s. 240—241.

¹³ Źródła dziejowe, t. XIX, Warszawa, 1889, s. 109—111.

¹⁴ Kardaszewicz St. Dzieje dawniejsze miasta Ostroga. Materiały do historyi Wołynia. Z przedmowa, A. Jablonowskiego. Warszawa, 1913, s. 35.

¹⁵ Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690, t. 1, Berlin—Poznań, 1864, s. 460.

Острожских)¹⁸, которые и в настоящее время сохраняют значение в качестве справочных изданий. Подлинно научная, объективная оценка деятельности и политических устремлений кн. Острожских была дана в советской историографии, начиная с конца 30-х годов XX в. (особенно в трудах Константина Григорьевича Гуслистого (1902—1973))¹⁹.

Что касается введения в научный оборот и использования в исследованиях актовых материалов, в первую очередь инвентарных разделов острожских владений, отдельные попытки были сделаны в украинской и польской дворянско-буржуазной историографии XIX в., хотя такие документы в этих работах занимали второстепенное место и не производился их источниковедческий анализ.

Пожалуй, впервые в литературе обратил внимание на акт раздела острожских имений один из исследователей истории и этнографии Волыни, учитель Острожского дворянского училища А. Перльштейн, который в 1845 г. являлся членом-корреспондентом киевской археографической комиссии (Киевской комиссии для разбора древних актов)²⁰. На основании исследования данного документа Перльштейн произвел в 1844 г. оригинальную реконструкцию топографии средневеко-

¹⁸ Андрияшев А. М. Очерки истории Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. К., 1887; Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до XIV в. Одесса, 1895; Дитерихс М. Острог и Острожское княжество (Очерки областной старины). — «Военно-исторический вестник при Киевском отделе имп. Русского военно-исторического общества», кн. VII—VIII. К., 1911; кн. III—IV. К., 1913; Викторевский П. Г. Западно-русские дворянские фамилии, отделившиеся от православия в конце XVI и в XVII вв., вып. I. К., 1912.

Wolff J. Książowie litewsko-ruscy; Wolff J. Senatorowie i dygnitarze. Rutkowski W., Radziwiński Z. L. Książowie i szlachta między Sanem, Wieprzem, Bugiem, Prypetią, Dnieprem, Siniuchą, Dniestrem i północnymi stokami Karpat osiedleni. Opowiadania historyczne, heraldyczno-genealogiczne i obyczajowe, t. I, Kraków, 1880.

¹⁹ Гуслистый К. Г. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст. по 1569 р.). — «Нариси історії України». Вып. 2. К., 1939, с. 116—119; Гуслистый К. Г. Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа (период феодализма). Доклад о содержании основных опубликованных работ, представленных по совокупности на соискание ученой степени доктора исторических наук. К., 1963, с. 37, 73 и в других работах.

²⁰ Сборник статей и материалов об истории юго-западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов. Вып. I, отдел 3. К., 1911, с. 37.

вого Острога и составил его план начала XVII в.²¹ Польский историк Антони Ролле, издававшийся под псевдонимом «Др. Антони Й.» (1830—1894), в очерке о кн. К. К. Острожском и его владениях²² и известный украинский источниковед Орест Иванович Левицкий (1848—1922) в статье о последней из рода князей Острожских младшей дочери Александра Константиновича Анне-Алоизе²³ использовали инвентарь острожских владений 1620 г. Автор первого монографического исследования по истории Острога, написанного в 80-х годах XIX в. и посмертно изданного в 1913 г., польский буржуазно-дворянский историк из Острога Станислав Кардашевич привел содержание актов разделов владений князей Острожских 1603, 1620 и 1621 гг. при описании острожского замка и расположений улиц г. Острога²⁴. Однако вне его внимания остались социально-экономические материалы, и не были использованы сведения из названных актов, касающихся других местностей, тогда принадлежащих кн. Острожским.

Среди советских историков наиболее глубоко исследовал социально-экономическое развитие Волыни XVI—XVIII вв. Алексей Иванович Баранович (1892—1961), который широко использовал актовые материалы²⁵, в частности, относящиеся к Острогу, особенно реестры подымного 1629 г., реестр сбора налогов из острожских ремесленников в 1635 г.²⁶, обратил

²¹ Перльштейн А. Описание города Острога. — «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», год 3-й, № 4, М., 1847, с. 137—142. Спустя 5 лет этот же историк в статье «Несколько слов о княжестве Острожском», напечатанной во «Временнике» общества истории и древностей российских за 1852 г., кн. 14 (с. 33—48), опубликовал начальную часть и отдельные отрывки документа о разделе владений кн. Острожских без указания на место хранения источника. Произведенное нами сравнение этих текстов с известными в настоящее время списками позволяет установить, что Перльштейн пользовался латинско-польским текстом акта из Славутского архива кн. Сангушек, ныне находящегося в Краковском воеводском архиве.

²² Dr. Antoni J. (A. J. Rolle). Wielka prywatna. — 17ty opowiadania historyczne, Lwów, 1880, s. 67—68, 127.

²³ Левицкий О. Анна-Алоиза, княжна острожская. — «Киевская старина». Т. 7. К., 1883, ноябрь, с. 329—373.

²⁴ Кардашевич С. Указ. соч., с. 96—109.

²⁵ Баранович О. Залюднення Волинського воєводства в першій половині XVII ст. К., 1930; Его же. Население предстепной Украины в XVI в. — «Исторические записки», 1950, т. 32; Его же. Новый город Западной Украины. — «Ученые записки Института славяноведения АН СССР». Т. 3, 1951; Его же. Украина накануне освободительной войны украинского народа XVII в. М., 1959.

²⁶ Центральный государственный исторический архив УССР в Киеве, ф. 25, оп. 1. Луцкий градский суд. Кн. 197, л. 552-об.—553-об.

внимание исследователей на необходимость изучения архивов феодалов Украины, которые «хранят немало ценнейших источников по истории Украины XVII—XVIII вв., не меньше, чем архивы правительственных учреждений на территории Украины»²⁷. Однако описания разделов Острога 1603 и последующих годов не были им привлечены в качестве источников.

Не воспользовался данными инвентарных актов острожских владений первой половины XVII в., в частности акта 1603 г. (кроме упоминания о трех печатниках в Остроге²⁸ без необходимой ссылки на первоисточник и указания, что эти факты заимствованы им из статьи, в которой они были ранее введены в научный оборот)²⁹ автор компилятивных, популярных брошюр об Остроге и его окрестностях бывший сотрудник Острожского краеведческого музея Г. Р. Равчук. Повествуя о событиях XVI в., он высказал ошибочное утверждение о предоставлении в 1528 г. Острогу польским королем магдебургского права³⁰. Это произошло вследствие игнорирования этим автором источников и обращением лишь к путеводителю по Центральному государственному историческому архиву (ЦГИА) СССР³¹, в который вкралась ошибка. Этот неправильный факт помещен и в статьях об Остроге Г. Р. Равчука в энциклопедии СССР и А. П. Молчанова в исторической энциклопедии Украины³². В действительности, 29 июня 1528 г. магдебургское право было пожаловано не древнему роду Острогу, а по просьбе троцкого хорунжего кн. П. Михайловича бывшему селу Острожен (теперь Млыновского района

²⁷ Баранович А. И. К изучению магнатовских архивов Украины. — В сб.: Проблемы источниковедения. Вып. V. М., Изд-во АН СССР, 1956, с. 146.

²⁸ Равчук Г. Острог і його околиці (Нариси з історії західноукраїнських міст і сіл). Львів, 1960, с. 39.

²⁹ Ковальський М. П. Політичні і культурні зв'язки західноукраїнських земель з Російською державою в кінці XVI—XVII ст. Доповіді та повідомлення (Львівський ун-т), вып. VII, ч. 2. Львів, Вид-во Львівського університету, 1957, с. 81.

³⁰ Равчук Г. Острог і його околиці, с. 30; (Равчук Г.). По історичних пам'ятках міста Острога і його околиць. Путівник. Львів, 1966, с. 18.

³¹ Центральный Государственный Исторический Архив в Киеве. Путеводитель. К., 1958, с. 275.

³² Українська Радянська Енциклопедія. Т. 10. К., 1962, с. 415. Радянська енциклопедія історії України. Т. 3. К., 1971, с. 301.

Ровенской области), которое ему принадлежало³³. Документ этот был опубликован еще в 1869 г.³⁴

Существует ряд инвентарных актов, содержащих описания Острога и владений кн. Острожских, среди которых особого внимания заслуживают: инвентарь 1542 г. острожского замка и окружающих местностей, населения с указанием налогов, составленный по требованию вдовы брата К. К. Острожского Ильи — Беаты Костелецкой³⁵; акт 1603 г. раздела владений Острожских между Янушем и Александром, сыновьями Острожского К. К.; раздел части Острожских латифундий в 1621 г. между дочерьми Александра — Софьей Любомирской, Екатериной Замойской и Анной-Алоизой³⁶. От первой половины XVIII в. дошли 4 инвентарных описания Острога и его окрестностей: инвентарь «оседлости» части Острога, принадлежащей Т. Любомирской, его составил 22 июня 1708 г. острожский староста Ян Ротарий³⁷ и в 1938 г. издал с комментариями историк и краевед из Острога Иосиф Владиславович Новицкий (1878—1964)³⁸, два инвентаря 1724 и 1728 гг.³⁹, а также люстрации имуществ так называемой острожской ординации 1754 г.⁴⁰ Сохранились также несколько инвентарей замка и города Межирича и с. Бельмажа под Острогом: 1640, 1643, 1650, 1698 гг.⁴¹

³³ Каталог колекції документів Київської археографічної комісії 1369—1899. К., 1971, док. № 20, с. 20.

³⁴ Архив Юго-Западной России. Ч. V. Т. I. К., 1869, док. № VII, с. 36.

³⁵ Львовская библиотека АН СССР. Отдел рукописей, ф. Радзимицких, № 181 (VI, 4) (копия).

³⁶ Архив Сангушек в Кракове, № 81.

Archiwum Główne akt dawnych w Warszawie. Zespół archiwum Lubomirskich z Malej Wsi, teka, 22, N 496; Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich (Wrocław), sygn. 60/11 k. 243; Biblioteka Narodowa Muzeum XX. Czartoryjskich (Kraków), N 3491, k. 145—214. На основании акта 1621 г. вроцлавский ученый (ПНР) Юзеф Длугош произвел в 1969 г. анализ состава латифундий, принадлежащих князьям Острожским: Długosz J. Podział latyfundiów Ostrogskich w roku 1621. «Acta Universitatis Wratislaviensis», N 108, Historia, t. XVI, Wrocław, 1969, s. 3—15.

³⁷ Рукопись сохранялась в Острожском краеведческом музее Ровенской области.

³⁸ Osiedlenie miasta Ostroga a. d. 1708. Wydał Józef Nowicki. «Rocznik Wołyński», t. VII, Równe, 1938, s. 181—226.

³⁹ Архив Сангушек в Кракове, № 461.

⁴⁰ Там же, № 620.

⁴¹ Там же, № 118.

Среди них значительный интерес представляет первый из острожских инвентарей XVII в. (датированный 1603 г.), поскольку он зафиксировал масштабы этих владений, достигших к тому времени максимальных размеров. В инвентаре содержатся подробные сведения по топографии города, занятиям и составу породского населения. Составление этого акта произошло за 5 лет до смерти К. К. Острожского. Вначале оба его сына Януш и Александр не сумели прийти к согласию по территориальным вопросам, и между ними даже назревал вооруженный конфликт. Тогда их отец обратился к посредничеству подольского воеводы Александра Конецпольского, которому удалось помирить обе стороны, и с его помощью произошел раздел обширных имений между двумя братьями⁴².

Как видно из текста акта раздел обеих частей начался одновременно 10 марта 1603 г. и продолжался до 17 марта⁴³. Документ был записан 20 марта в градскую актовую книгу «нового города Корчина» возле Сандомира⁴⁴, 6 мая («*feria tertia post dominicam cantate*») этот же акт внесли в книги Люблинского генерального коронного трибунала⁴⁵, а 23 июля в актовой книге Луцкого градского суда был зафиксирован перечень владений, полученных кн. Александром — «Посесия его милости воеводы Волынского в маестность в деле zostалую»⁴⁶. Этот документ имеет самостоятельное значение, так как в нем перечислены не только населенные пункты, но и имена арендаторов («державцев»), среди которых назван

⁴² *Pamiętniki o Koniecpolskich*. Wydał St. Pszylecki. Lwów, 1842, s. 165.

⁴³ Архив Сангушек в Кракове, № 63, с. 3, 14, 31, 32.

⁴⁴ Датировка этого документа установлена на основании записи в конце его текста в актовой книге г. Корчина — «*Feria quinta post Dominicam Leatare*» — четверг после среднепостного воскресенья — 20 марта, так как католическая пасха в 1603 г. приходилась на 30 марта. В рукописной копии этого же документа из коллекции ЦГИА СССР в Киеве читаем: «А дѣяло се на замку нового мѣста Корчина в четверг по недели середноснои былизший року панского тисеча шестсот третего». (ЦГИА СССР в Киеве, ф. 223, ед. хр. 332, л. 16).

⁴⁵ Коронный трибунал образовался в 1578 г. как самый высший генеральный, который собирался попеременно то в Петркове, то в Люблине. В Люблинском трибунале были заведены отдельные книги, писавшиеся на русском (славянорусском) языке отдельно для трех воеводств: Киевского, Брацлавского и Волынского. См. *Pohorecki F. Kilka uwag o dyplomach i aktach wolynskich*. «*Rocznik Wolynski*», t. VII, Równe, 1938, s. 73.

⁴⁶ ЦГИА СССР в Киеве, ф. 25, оп. 1. Луцкий градский суд, т. 67, л. 735-об.—738.

«Олизар Ерлич», арендатор с. Крупец⁴⁷, отец автора известной «крюйнички» первой половины XVII в. Иоакима Ерлича.

П. Кितिцин и С. Кардашевич утверждали, что акт раздела 1603 г. был записан в Луцкую градскую книгу в 1636 г.⁴⁸ Однако предпринятые нами в июне 1974 г. поиски данного акта в соответствующих актовых книгах в ЦГИА СССР в Киеве (ф. 25, оп. 1, ед. хр. 198—203), к сожалению, не привели к ожидаемым положительным результатам.

Акт раздела владений кн. Острожских сохранился в копиях XVII в. на латинском и польском языках из Новокорчинской градской книги* — в отделе рукописей Львовской библиотеки АН СССР (собрание З. Л. Радзимицкого, № 181) на 32 листах (64 страницах), рукописных копиях из актовых записей Люблинского трибунала (два экземпляра — один дефектный, без окончания на 17 нумерованных листах и второй полный, состоящий из 55 страниц) — в коллекции документов князей Сангушек, которая находится в Государственном архиве г. Кракова и Краковского воеводства на Вавеле (королевском замке в Кракове, ПНР)⁴⁹. Тот же акт (на 16 листах) по корчинскому варианту,

⁴⁷ ЦГИА СССР в Киеве, ф. 25, оп. 1. Луцкий градский суд, т. 67, л. 736-об.

⁴⁸ Кितिцин П. Острожское именне. — «Киевская старина», т. XXI, апрель, 1888. Документы, известия и заметки, с. 22; Кардашевич Ст. Указ. соч., с. 43.

* Новокорчинские градские книги и акты магдебургии г. Новый Корчин XVI—XVIII вв. были полностью уничтожены гитлеровскими варварами осенью 1944 г., как и большинство фондов Главного Архива древних актов в Варшаве. — Wolff A. Akta partykularne przedrozbiorowe archiwum głównego 1381—1835. «*Straty archiwów i bibliotek warszawskich w zakresie rękopiśmiennych źródeł historycznych*», t. 1, Archiwum główne akt dawnych. Warszawa, 1957, s. 200, 212.

⁴⁹ Фамильный архив князей Сангушек, содержащий многочисленные источники по истории Украины, в особенности Волыни XV—XVIII вв. до начала 20-х годов XX в. находился в г. Славути (теперь Хмельницкой обл.). Историческая справка об этой коллекции вместе с каталогом основных ее фондов содержится в книге хранителя этого архива Бронислава Горчака: *Katalog rękopisów archiwum XX Sanguszków w Sławucie. Ułożył i historię tegoż archiwum skeszył B. Gorczak*. Sławuta, 1902. До начала второй мировой войны архив Сангушек размещался в Гумниськах возле г. Тарнова. Во время немецко-фашистской оккупации Польши архив Сангушек был перевезен польскими патриотами в Краков и сохранился в бывшем королевском замке Вавель, где и теперь находится, как составная часть Государственного архива Кракова и Краковского воеводства. Лишь небольшая часть архива Сангушек опубликована. На протяжении 1888—1910 гг. во Львове были изданы 7 томов документов и регестов из архива Сангушек за 1284—1577 гг. под названием *Archiwum ks. Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie*. В настоящее время в собрании Сангушек имеется 1108 единиц хранения рукописей XIV—XIX вв., кроме

написанный украинской скорописью начала XVII в. и в переводе на украинский канцелярский язык того времени, находится в коллекции серия «Б» (ф. 223, ед. хр. 332) ЦГИА УССР в Киеве. На эту рукопись обратил внимание еще в 1929 г. известный киевский архивист и источниковед Александр Михайлович Андрияшев (1863—1939)⁵⁰. Копия же этого акта (без начала) на польском языке сохраняется в Ленинграде в ЦГИА СССР в бывшем архиве греко-униатских митрополитов⁵¹.

Текст акта 1603 г. раздела острожских владений состоит из следующих трех структурно-смысловых частей. Первая — вводная, содержащая юридическую формулу и традиционные для такого рода деловых записей того времени сведения о лицах, уполномоченных юридическими сторонами для составления акта; ими были — подстароста Ян Харчовский и писарь Ян Готовский из г. Корчина. Они выступали от имени и по поручению Януша и Александра. Копия акта, хранившегося в фонде архива Сангушек в Кракове, начинается кратким (один абзац) сообщением о прибытии в Люблинский генеральный королевский трибунал кн. Александра Острожского, волынского воеводы, по просьбе которого была сделана запись акта из Корчинского городского суда. Далее текст и содержание всех рукописей в основном совпадает. Вторая, основная часть акта, представляет собой подробное описание двух частей острожских латифундий, разделенных между двумя сыновьями кн. К. К. Острожского: сначала указана часть Януша, затем Александра. В третьей заключительной части документа фиксировались юридические, имущественные и финансовые вопросы, касающиеся отношений между двумя наследниками К. К. Острожского. Рукопись, находящаяся в ЦГИА УССР, является неполной, в ней отсутствуют заключительные страницы о разделе «материнских» владений княжества.

того отдельная коллекция пергаментных и бумажных грамот, писем, карт и планов, а также 55 «тек» (досье, папок), отобранных для публикации в серийном издании «Архив Сангушек» оригинальных документов XVI — XVII вв., однако так и не вышедших из печати. После издания VII тома прекратилась публикация серии «Архива Сангушек».

⁵⁰ Андрияшев А. в статье «Серия «Б» писал: «Цікаві між іншим роздільний акт межі князем Янушем і Олександром Острозьким 1603 р. (№ 332)...» — В кн.: Центральний архів стародавніх актів у Києві. Збірник статтів за редакцією В. О. Романовського. К., 1929, с. 150.

⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 823, оп. 1. Канцелярия митрополита греко-униатских церквей, ед. хр. 262 (на 22 листах — 44 страницах). См. также: Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов 1470—1700 гг. Т. 1, СПб., 1897, № 262, с. 115.

Сведения из акта раздела 1603 г. позволяют четко определить размеры и территорию, принадлежащую Острожским в начале XVII в. ко времени раздела их владений. Город Острог разделялся на две части, остальные латифундии были поделены следующим образом: Януш получил в собственность владения отца по левому берегу р. Вилии и Горыни со стороны Луцка, Александр — по правую сторону этих рек со стороны Заслава и Подолья.

В состав владений кн. Острожских входили следующие населенные пункты — города, села, волости: главная резиденция Острожских — город Острог (поделенный между двумя братьями) и острожский замок, местечко Межирич, фольварки в Остроге «под замком», Гульча, Мизоч, Глишко, Здовбивца, Долбачив (вероятно, современный город Здолбувов), Бродов (переходили Янушу), фольварк и село Моцаница, фольварк Плужне (во владениях Александра), села: Завидив, Дровеница, Биланов, Грозив, Гремьяне, Лебеди, Урвена, Ледава, Уешче, Малый Мизоч (одна часть), Цуркив, Копохи, Вильбарив, Омеляна, Новосилки, Новоставци, Хорив, Розваж, Зозульницы (владения Януша), Могиляны, Курганы, Мышковцы, Волосковцы, Провлока, Удяшировка, Колякив, Нараивка, Охрымовка, Капустин, Ледавка, Ровки, Скинит Борейкив, Салетинки, Скинит Павловичив, Должек, Клепачи, Котовка, Плоска, Красносилки, Галиныки, Дятлировка, Пошора, Корещ, Головка, Хотичин, Лисиче, Детьлировка, Домбровно, Убеличе, Баранье, Крупец, Колимка, Вельбивно, Нитишин, Кривин, Борисин, Блаотин, Волиця, Бельчин, Калетынцы, Гюйнища, Микоты, Добрыне, Секерничин, Ратобощ, Игрище, Долоче, Вилия, Велика Боровица, Мала Боровица (переходили в состав владений Александра). Таким образом, в острожском ключе (т. е. населенных пунктах, расположенных недалеко от Острога) князьям Острожским принадлежало 72 села и 9 фольварков.

Обширные земельные владения на Волыни принадлежали православной церкви: «мастности духовные, до епископии, до монастырей, до шпиталов также к иным духовенств до Острога належачих»⁵². Так, острожскому епископу принадлежали 5 сел: Точивики, Буца, Борщовка, Будораж, Певча, архимандриту Чернецкому — также 5: Дерманский мона-

⁵² ЦГИА УССР в Киеве, ф. 223. Коллекция серия «Б», ед. хр. 332, л. 4-об.—5, 10-об. Архив Сангушек в Кракове, № 63, с. 8 и 19. Первый из опубликованных инвентарей духовных острожских владений датирован 1571 г. — В сб.: Biblioteka ordynacji Krasinskiach, Muzeum Konstantego Swidzinskiego. T. 2. Warszawa, 1876, s. 189—202.

стырь и села Дермань, Корчев, половина Малого Мнзоча («люловида»), Белашов⁵³. Кроме того в его владении находились город Сураж с 8 селами: Сураж Старый, Оношковцы, Туровая, Зеленки, Зеленки другие, Ходаки, Тетеровка и Исерпо⁵⁴. Чеснохристенский монастырь владел с. Монастырек, степанский митрополит — с. Жовковцами.

В акте перечислены также села, принадлежащие отдельным представителям низшей, но, наверное, влиятельной церковной иерархии: «попа Наливайка Игната»⁵⁵ села «Кропиловка»⁵⁶ (Карпиловка), Плеска, Юсковцы, Захорче (Загирци) «попа Пятницкого и ксендза полеского село Лучин» (Лючин), «попа Пречистенского село Помовцы» (ЦГИА УССР в Киеве, ф. 223, од. хр. 332, л. 5, 11). Села, принадлежащие церкви, дважды названы в акте раздела⁵⁷, поскольку они находились в совместной юрисдикции обоих лвовых сюзеренов. О зависимых от православной церкви острожских крестьянах узнаем в тексте той части раздела города, которая переходила к Янушу, где названы 44 имени крестьян: «хлюпи попа Пятницкого, попа Пречистого, попа Наливайка, попа Крыловского», а на Бельмаже (тогда село, теперь окраинная улица в Остроге) — 23 имени крестьян — «хлюпи архиепископа», кроме того среди слуг архиепископского дворца названы три зависимых человека (л. 4).

После перечня сел Острожского ключа, которые становились собственностью Януша, подробно перечисляются его владения в других уездах Волыни и на Подолье: город Дубно, 7 фольварков и 43 села, три из которых принадлежали духовенству и Дубновскому монастырю; город Степань, в котором и в трех селах были фольварки; город Деражня с 65 селами; город Константинов с 2 фольварками и 66 селами;

⁵³ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 223, од. хр. 332, л. 5.

⁵⁴ Там же, л. 10-об. Географические названия даются в написании по акту 1603 г. (кириллический вариант ЦГИА УССР в Киеве).

⁵⁵ Речь идет, вероятно, о каком-то родственнике предводителя крестьянско-казацкого восстания 1594—1596 гг. Северина Наливайко. Семья Наливайко переселилась в Острог в последней четверти XVI в. из Гусятина (на Подолье).

⁵⁶ Чтобы избежать авторского перевода с польского на современный русский язык и сохранить языковые особенности документа, цитируем текст акта раздела владений кн. Острожских по рукописному списку нач. XVII в., хранящемуся в ЦГИА УССР в Киеве, ф. 332. Коллекция документов серия «Б», од. хр. 332, соответствующие листы которого указываются в тексте настоящей статьи.

⁵⁷ Архив Сангушек в Кракове, № 63, с. 8, 19; Львовская БАН, отд. рукопис., ф. Радзиминых, № 181/VI, 4, л. 9, 25; ЦГИА УССР, ф. 223, од. хр. 332, л. 5, 11.

город Кузьмин, с принадлежащим ему фольварком и селом, город Красилов с 20 селами: Сульжинцы «город и заставье» с замком и фольварком «у замка за ставом», а также 17 сел; город Базилия с 4 фольварками и 40 селами; город Чуднов с Романовым, 2 фольварками, из которых один располагался «под замком» и 28 сел; местечко Пятки с 5 селами; город Янушполь с 1 фольварком и 11 селами; местечко Камника (Камьянка), город Краснополь (Краснополье), которому принадлежали 1 фольварок и 4 села. Таков был состав владений, получаемых Янушем. Город Тарнов (в Польше), как и Острог, делился на две части между братьями. Росток, Коблины и Курец, должны были находиться в совместном владении.

Александру переходили также значительные владения: Туров со Смидишем и Пшеровым, Болозоницами «и со всеми именьями, которые находились на Полесьи». Турову принадлежал фольварк «под замком», кроме того еще 8 фольварков и 49 сел, среди них три держал «владыка». Далее назван белорусский город Здесель (Здетель) (на Слободичине) с охуновской волостью, где имелось 3 фольварка и 37 сел, два из которых были у «здесельского плебана (католического священника) римской религии»; город Словенско с 2 фольварками и 17 селами; на Житомирщине — город Звягель с местечками Несолоном и Баращами, 5 фольварками, среди которых один был «под замком», и 28 селами; местечко Несолоное «с пущами», которые приобрел «его милость господин отец» (т. е. К. К. Острожский. — Н. К.), город с 2 фольварками и 10 селами; город Берездов с 2 фольварками, из них один — «у замка», и 16 селами; город Смолириш с 3 селами; город Полошное с местечком Барашинами, 7 фольварками и 41 селом; город Любартов с 9 селами; город Острополь с 22 селами; город Ровно, которому принадлежали 6 фольварков, из них один — «под замком» и 27 сел; город Александрова (?) с 2 селами; город Доробуж с 6 фольварками и 14 селами; город Козлин с фольварком и 4 селами, город Сатиев (возле Дубно) и 2 фольварка и 4 села; местечко Зерново с 2 фольварками и 16 селами; местечко Клодню с фольварком и 15 селами; местечко Чернихив с фольварком и 8 селами; местечко Билгородка с 3 селами; местечко Демир на Киевщине или Ходкив, «на которое право не певне»; город Красне с 12 селами; местечко Рогозня и 10 сел, «урочище»; местечко Рашкив и местечко Стройнице с 4 селами; кроме того половина города Тарнова.

В состав подсленных владений входили «материнские» имения, т. е. Софии Тарнавской, жены К. К. Острожского. Раздел производился 17 марта 1603 г.⁵⁸ Территориально эти имения находились на Львовщине, Прикарпатье, частично в Польше и состояли из таких волостей: Старосельская (возле Львова) с замком и селом Старое Село, которой принадлежало 2 фольварка и 7 сел, на Прикарпатье — Тухольская с фольварком и 23 селами, среди которых с. Сколе; Тарнавский ключ в Польше с волостями Опатовской (город Опатов), 4 фольварка и 12 сел; Езмельова с 4 фольварками и 8 селами; Вевюреческая с 4 фольварками и 16 селами; Ковальская с 3 фольварками и 7 селами; и половина Пшеверчан, — переходила к Янушу. Александр получал Горличинскую волость с городом Пшеворск, которому принадлежали 6 фольварков и 5 сел, Пшеворское предместье с 9 селами, Тернопольскую волость с городом и замком Тернополь — «замок с большим ставом, фольварок под замком», и 5 сел; Стежешевскую волость с 3 фольварками и 3 селами; Рознивскую волость, замок Рознив, 3 фольварки и 16 сел. Кроме того, Острожские владели каменными домами («каменницами») в Кракове, Вильно, Минске, Луцке.

Если произвести подсчеты количества указанных в акте местностей, принадлежащих семье кн. Острожских в годы кульминационного развития их владений⁵⁹, политического и экономического значения среди магнатов Украины, получим следующие суммарные данные, городов, местечек и замков 57, сел 857, фольварков 111. Наверное, это количество несколько занижено, так как не все населенные пункты могли быть взяты на учет, однако акт 1603 позволяет более точно, чем в предыдущих источниках установить территорию, находящуюся в сфере зависимости от князей Острожских.

В этом акте среди других городов наиболее подробно описана территория и топография основной резиденции князей Острожских — города Острога. Сведения эти находятся в двух местах акта раздела⁶⁰, поскольку город был поделен между двумя сыновьями князя Константина: одна часть

Острога с запада на север, окруженная крепостной стеной («муром»), рвом и земляным валом, переходила к Янушу, вторая — южная и восточная с Новым Местечком, которую окружала стена и деревянный «паркан» (часток, палисада), — к Александру.

Акт 1603 г. сообщает подробные сведения о городе Остроге и княжеском замке с указанием системы оборонных сооружений («вежи-башни, «муры» — стены, валы и др.), размещения улиц, фамилиях (или прозвищах) мещан, которые здесь проживали.

На замковой горе размещался «дединец» («детиниц»), окруженный «муром». Пожалуй, наиболее значительным оборонным сооружением на «дединце» была так называемая «вежа мурованая»⁶¹, подробно описанная в данной иллюстрации: «издебка мурована, подле ней сая, с той сале издебка склещаста, издебка на вежи пред нею сунка мала и сая на верху» (л. 2-об.). В этом здании размещалась княжеская казна: «склен, который ест при той вежи, в котором ест скарбнина княжати его милости старого (К. К. Острожского — Н. К.) и пивница мурованая под тем склещом» (л. 2-об.).

Недалеко от «вежи мурованой» размещалось не сохранившееся уже к XVIII в. замковое строение — «дом увес деревяный, который подле вежи мурованой стоит во всем схованем дошным, що под тым домом деревяный и городиш деревянные в той же сѣце» (л. 8-об.). На противоположном от «вежи» углу замковой горы высилась «новая башта» [башня] «мурованая» [каменная]. Между этими двумя строениями простиралась каменная стена — «мур», остатки которой еще теперь сохранились. В центре «дединца» находилась «мурованая церковь» (споровая в середине XVII в.), неподалеку от нее «студия мурованая» (колодец), деревянная кухня. Возле церкви имелась еще одна, деревянная «вежа» (башня). Въезд в замок возможен был лишь через ворота «дединца».

Острожский замок отделялся от города с западной и северной стороны искусственным глубоким рвом, а с юго-восточной омывался рекой Вилией и прудами, доходившими к основанию замковой горы. В этом направлении, к Вилии, у подножья замковых строений размещались важные промышленные предприятия того времени — по переработке сельскохозяйственных продуктов — мельницы, винокурни, бумаж-

⁶¹ «Вежа мурованая», как и «новая вежа» сохранились в Остроге, Ровенской области до наших дней, в помещении первой размещается краеведческий музей, основанный в 1913 г.

⁵⁸ Архив Сангушек в Кракове, № 63, с. 31, 32.

⁵⁹ Некоторое расширение территории острожских латифундий произошло после смерти Александра в результате деятельности его жены Анны, которая в 1606 г. удачно выиграв судебный процесс против своей сестры Екатерины Сенявской, получила в собственность 8 сел, а затем откупила у Сенявских все их имения на Ярославщине. Gottfried K. Anna Ostrogska, wojewodzina wolynska, Jaroslaw, 1939, s. 28.

⁶⁰ Архив Сангушек в Кракове, № 63, с. 3—7 и 14—19; ЦГИА УССР в Киеве, ф. 223, ед. хр. 332, л. 2-об.—4 и 8-об.—10.

ноделательное предприятие и др. В части раздела Острога, переходившего Янушу читаем: «...Млышок, там же солодовня, бровар, до того млын под самым замком острожским⁶² сполное уживание водлуг давного звычаю без спусту, который никгды спусчаный быти не мает» (л. 4-об.).

Сведения об этих же строениях имеются также в инвентарном описании части Острога, которая становилась собственностью Александра: «До того ставу, который ест под замком Острожским, сполное уживание ведле давного звычаю без спусту, который никгды спусчаный быти не мает... Капсчизны, солодовни, бровары, а также корчмы медовые, пивовые и кгорѣлчаные тые быд сполне наименованы мают быть, теж каждый своего арендаря меть будет» (л. 10-об.). Таким образом, эти промышленные заведения находились в совместном пользовании обоих владельцев Острога.

Старый город («старое место») соединялся с «Новым» греблей и мостом, где размещалось названное бумагоделательное предприятие: «Гребля ку Заставю. Дома на ней вси ку Новому месту, идучи почавши од шпиталя, которые ест при мосте аж до папирни, на которой гребле тые мешкают подданые» (перечислены 23 имени и фамилии) (л. 10). Далее в акте записано: «До того папирия, пороховня на той же гребле и млыны под Новым местом... До того Новое место все ис Заставьем зо всимы улицами и околичюстями места того» (л. 10).

Наличие в Остроге «папирни» (бумажной мельницы) следует связывать с нуждами типографии в Остроге, где русский первопечатник Иван Федоров начал издательскую деятельность не позже 1578 г., когда была издана острожская «Азбука» (букварь)⁶³.

Территория перед замковой горой с замковыми постройками имела название «Пригородок», соединенный стеной («муром») с «новой баштой» замка и окруженный «парканом» (палисадой), по углам которого стояли три деревянные башни: «башта великая деревянная, которая стоит в рогу Пригородку над ставом» (л. 8-об.), «башта деревянная без-

верхняя (или «башта без верху»), которая стоит в рогу Пригородку над местким парканом» (л. 2-об., 8-об.) и «башта деревянная, которая стоит над мостом против шпиталя» (л. 2-об.).

Путь из «Пригородка» в замок и город проходил через несколько «брам» (ворот), одна из них стояла «в рове, которой въезжают до млынов», вторая, которой «с Пригородку в Ринок въезжают», через третью «с Пригородку на Загороде выезжают», между «дединцем» и «Пригородком» были также ворота (л. 8-об.).

В «Пригородку» находилось 27 шляхетских дворов, фамилии владельцев которых перечислены в акте. Среди них назван «двор, где Лятош мешкает» (л. 8-об.). Речь шла об известном краковском ученом, докторе медицины, астрономе Яне Лятоше, который за критику григорьянского календаря был отстранен от преподавания в Краковском университете и по приглашению кн. К. К. Острожского переехал в Острог, где, вероятно, преподавал в местной греко-славянской школе⁶⁴. В актах Совета г. Кракова нами обнаружено летом 1970 г. упоминание о Лятоше в 1583 г.⁶⁵ В Остроге Лятош владел не только домом, но и зависимыми крестьянами, о которых в акте говорится: «хлопи папсци, що Лятош держит: Еремия, Тинко, Процко, Прокоп, Микита, Самко, Юшко, Максим, Третьачка, Месиота» (л. 4), затем при описании острожских предместий, в частности Бельмажа, в акте указано: «хлопи, которые Лятос держит на Холосе» (л. 4) (в других списках — «на Хорнощи»)⁶⁶.

В «Пригородку» размещались важные культурные заведения Острога — «друкарня (типография... Н. К.) и школа», которые не подлежали разделу и находились «в сполном подавано зверхности и послушенстве» (л. 2-об. и л. 8-об.), — совместной юрисдикции обеих администраций. Благодаря данному акту представлялось возможным установить место расположения типографии в Остроге — на «Пригородку». Это была, несомненно, та же типография, в которой работал И. Федоров в конце 70 — начале 80-х годов XVI в. Здесь

⁶² В копиях акта, сохраняющихся в Кракове (Архив Сангушек, № 63, с. 7) и во Львове (БАН УССР, ф. Радзиминых, № 181, л. 8), в этом месте имеются следующие слова: «pod basta murowana do tego slawu, który jest pod zamkiem Ostroskiem».

⁶³ Ковальський М. П. Джерела про початковий етап друкарства на Україні. (Діяльність першодрукаря Івана Федорова в 70 — на початку 80-х рр. XVI століття). Дніпропетровськ, 1972 (Дніпропетровський держуніверситет), с. 28–29.

⁶⁴ Харламович К. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным. Казань, 1898, с. 273–274.

⁶⁵ Archiwum miasta Krakowa i województwa Krakowskiego. Archiwum akt dawnych m. Krakowa. Consularia (Księgi radzieckie), t. 448. s. 420–424.

⁶⁶ Архив Сангушек в Кракове, № 63, с. 7; Львовская БАН, огд. рукоп., ф. Радзиминых, № 181, л. 7. В реестре налогов, собранных в 1583 г. рядом с Острогом названо «село Горноща» — Zródła dziejowe, t. XIX, Warszawa, 1889, s. 80.

же находились княжеские, дворцовые службы: «стайня» (конюшня) возле «дому великого», «дом кухмистровский» (кухня), «спижарня» (кладовая), «лазня» (баня). Замокская гора и «пригородок», как видим, составляли единый оборонный, административный и служебный комплекс.

Описание города Острога в акте начинается с первой улицы — «улича першая перед замком... аж до паркану» (л. 2-об.). Центром города был Рынок, где жил войт. Из рынка выходило несколько улиц, имевших следующие названия: «Низкая», «Зкнелая» (Гнилая), «Стара Жидовска», «Нова Жидовска» (л. 9), доходившая «брамы жидовское або зарѣцкое» (л. 3), и Луцкая, которая простиралась к Луцкой «браме». От Луцкой улицы по правую сторону отходила «двумя переями» (сторонами) улица, имевшая название «Красная Кгора» («Красногирка») (л. 2-об.). От улицы Красной горы вверх «в гору ку парканови (парисаде. — Н. К.) по подпаркану простиралась» в поперечном направлении улица, названная «Пречница» (л. 3). К северу от рынка располагалась Зерванская (Зарванская) улица, оканчивающаяся Зерванской или Татарской брамой (л. 3).

В Остроге, согласно акту 1603 г., имелось несколько передместий. Зерванское передместье простиралось от Татарской брамы и башни до Плескачового моста и речища Старая Вилия, гранича с другим передместьем — Заречьем. Здесь жили татары («татарове острожци на зарванском предместю» (л. 3-об.) и «хизники» (бойцы татарской конницы, составлявшей личную придворную хоругвь кн. Острожских). Взятые в плен в XV—XVI вв. татары были поселены в Остроге, обзавелись семьями, имели свое управление, построили мечеть («мечит татарска» — л. 3-об.)⁶⁷. В акте назван «Галей» (Али) — «гетман татарский» (л. 3-об.), перечислены имена и фамилии 65 татар и 8 «хизников». Интересно отметить, что среди них встречались лица со славянскими фамилиями, ко-

⁶⁷ О поселении, занятиях, положении татар в Великом княжестве Литовском и на Украине в XVI в. См. Лаппо И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586), т. I, Сиб., 1901, с. 461—471. Советский исследователь А. И. Баранович в монографии «Украина накануне освободительной войны середины XVII в. (социально-экономические предпосылки войны)». М., Изд-во АН СССР, 1959, (с. 53) отметил, что «князь Константин Острожский имел отряды татар в Остроге и Староконстантинове», татары проживали и в других городах и селах Правобережья (Полонном и др.).

торые они, возможно, приняли после пленения: Богдан Субанович, Кузьма Янишевич, Якуб Белькевич, Здан Усинович, Миса Демкевич, Яско Гродинский и др. Другое предместье называлось «Губина Воля за мостом Плескачовым в тыле зарванов за брамою» (л. 3-об.).

В восточной части города находилось передместье Заречье, которое начиналось от речища Старая Вилия, являвшегося границей между «тым же Заречем и Зерванским передместем» (л. 9-об.), двое Тиновцев, «Зарече и Залуже за монастыром и ятками» (л. 10).

С юго-западной стороны замка располагалось еще одно острожское передместье — «Загродье» («предместе усе, названное Загпроде»), о котором читаем в части, перешедшей Янушу, что оно «починает от долины, што ест з брамы Луцкой вышодши по левой стороне, которой долиною под парканом в място вхажает вода весенняя, названная Невестка и идет своим трактом мимо замок аж на дол ку ставом» (л. 3-об.). Загродье простиралось к Загродским воротам, оттуда к Бельмажу и «Хорноще и аж до самого Межиреча, местечка нового» (л. 3-об.). Здесь проживали замковые слуги: пекарь, садовник, пушкарь, повар, двое «вротных замковых», княжеский возница, а также православные священники Олуфриевской, Богоявленской (замковой), Борисоглебской, Пятницкой церквей, «попы Ивановский» и «Микулинский» (л. 3-об.—4). «На Загродю перед замком» находилась «стайня» и при ней пекарня (л. 8-об.).

Наряду с территориальным разделом города и замка на две части (за исключением отдельных заведений, как школа, типография, культовых сооружений и владений, не подлежащих делению), согласно этому акту оба собственника получали половину от городских доходов, ярмарочной торговли и др. «До того торгового мыта вшелякого в месте Острогу половица, — значитя в части акта, относящегося владений Януша. — Также лопатек от быдла, которые на сохачки з села привозят, половица, лоев от резников половица и от иных пожитки, которые быле до сполности значилис, половица, до того дане все на пьлитника так строжового як прохового з духовных всих половица. До того з костелов всех так католицкей, яко и грецкэй релии и маиастыр(а) албо шпиталя в месте Острогу над рекою Вилиею лежачого и добр, до них належачих духовных, сполне подаване зверхности розказоване с послушенством. Капчизны и солодовни, бровари, также корчмы медовые и пивовые и горѣлчаные, ты або сполне

мают быть наймованные будь теж каждый своего арендаря мети» (л. 4-об.).

Аналогичный текст, с небольшими изменениями содержится в части раздела Острога, переходившей Александру: «До того торгового и мыта вшелякого в месте Острогу половища. Также лопаток од быдла, которые на сохачки за все привозят половница, лоев од резников половища и иных пожитков, которые до сполности значащие половища. До того даши все на плетника также с возового и порохового з духовных всех половища. До того костелов всех так католические, яко и крещанские религии и монастыря албо шпиталя в месте Острогу над рекою Вилиею лежачого и добр до них належачых и духовных сполне подаване и розказоване с послушешеством» (л. 10).

Значительную ценность имеет перечисление в акте 1603 г. раздела Острога имен, а зачастую и фамилий (или прозвищ) мещан, которые населяли отдельные улицы и предместья. При этом в фиксальных целях указывались лишь имена взрослого мужского населения и вдов. Дети и женская часть городского населения, не подлежащие податному обложению, не фиксировались в этом акте. Произведенные нами подсчеты показывают, что в акте названы 804 имени мещан, хотя эта цифра вряд ли является абсолютно точной. Для хотя бы приблизительного определения реального количества населения Острога необходимо эту цифру увеличить в 4 раза и тогда получим свыше 3 тысяч⁶⁶. Хотя в акте и обозначено преимущественно взрослое мужское население, заметна сте-

⁶⁶ Количество жителей Острога, как вообще на Украине, в XVI — XVII вв. претерпевало значительные колебания, в результате грабительских татарских набегов, народных восстаний, войн, стихийных бедствий, эпидемий и др. факторов. В опубликованных в конце прошлого столетия А. Яблоновским реестрах сбора налогов и королевскую казну (так называемого поща) за 70—80-е гг. XVI в. имеются сведения о количестве домов в Остроге, хозяева которых уплатили налог. Хотя эти данные, несомненно не охватывали всего населения города, они позволяют судить об основном составе мещан. По данным 1577 г. были взысканы налоги из 43 «домов рынков», 79 «домов уличных», 46 «домов за рекой, которые имеют огороды», 101 «убогих домов, которые содержатся ремеслом», всего здесь указаны 269 домов. Кроме того, уплатили налог 28 «товарищей этих ремесленников», 19 «перекунщиков и перекунщиц», на Бельмаке 11 огородников, «которые имеют немного пашни» и 9 обыкновенных огородников. Спустя 6 лет, в 1583 г. общее количество домов мало изменилось — 273, но другое стало соотношение их категорий: 16 «домов рынков», 220 «домов уличных», 47 «убогих халуп». Кроме них уплатили налог 46 ремесленников, 32 перекунщика, 120 огородников, 17 коморников, 4 полев, к тому же за 6 «кругов» (мельничных), 2 солодовни, 30 дымов. — *Zródła dziejowe*, t. XIX, Warszawa, 1889, s. 37, 80.

пень концентрации мещан по отдельным районам города. Наиболее густо было заселено Заречье, где названы 98 имен мещан, на Зерванском предместье — 87, вдоль городской стены («паркана» палисады, частокола) — 83, на Завале — 79. Как показывает анализ написания имен мещан и их фамилий абсолютное их большинство составляло украинское население.

О занятиях и профессии острожских мещан некоторые сведения дают их фамилии или прозвища. В 143 случаях эти фамилии связаны с названием профессии и частично позволяют составить представление о количестве ремесленников в Остроге в начале XVII в. и их профессиональной специализации. Самое большое количество мещан названы портными — 19 человек (Яков — кравец, Никифор, Федор, Сачко, Ясько, Ячко, Андрей, Микита, Петро, Лукаш, Свидерский, Томко, Натник, Дуда, Аврам и др.), 11 кожевников («гарбарей»), 9 кузнецов, 8 «кушников» (скорняков), 7 «римарей» (шорников), 6 резников, 5 слесарей, по 4 «кожемяки», «тартичники»⁶⁹, бубличники и пивовары, 3 раза с именами мещан упоминались названия таких профессий, как бондарь, жестянщик, «котляр» (котельщик), шорник, «воротный» (вратарь), «муляр», сабельник и печатник.

Значительный интерес представляет упоминание в документе трех имен жителей Острога, которые названы книгопечатниками — «друкарями». Это — «Иван Друкар», живший на Зерванской улице (л. 3), «Тышко Друкар» — на Завале (л. 4) и «Федор Друкар» — в той части города, которая названа — «Заречья и Залуже за манастирем и ятками» (л. 10). Обращает на себя внимание факт, что пятью именами ниже последнего из печатников в реестре записана фамилия «Наливайко». Как известно, Демьян Наливайко, брат известного предводителя крестьянско-казацкого восстания 90-х годов XVI в., занимался книгопечатной деятельностью в Остроге и Дермане (нач. XVII в.). Шла ли речь в данном случае в акте 1603 г. о Демьяне или неизвестном нам ближе упоминаемом уже Игнате Наливайко, трудно судить. Одновременное проживание в Остроге 3-х книгопечатников в 1603 г. факт, безусловно, заслуживающий пристального внимания.

Дважды в акте названы лица, рядом с именами которых указаны такие профессии как: седельщик, золотых дел мас-

⁶⁹ Тартицы (tarcice) несколько раз упоминаются в инвентаре острожского замка 17 июля 1621 г. Это — резанные доски, которыми были обложены комнаты («swietlice»). — Кардашевич Ст. Указ. соч., с. 105.

тер, дегтяр, садовник, маляр, «доктор»; по одному разу: столяр, шапошник, мельник, бумажник, котельщик, «стельмах» (колесник), гончар, органист, «сурмач», аптекарь, пушкар, повар, возница, токарь, лучник, «шкляр» (стекольщик).

Всего в акте 1603 г. раздела г. Острога встречаются 43 различных наименования фамилий, связанных с профессиональной терминологией. Несомненно, что все эти данные не могут с исчерпывающей полнотой отразить реальное количество и номенклатурный состав ремесленных специальностей острожских мещан, так как отдельные лица указаны без фамилий (прозвищ), отображающих род их занятий, а другие, которые могли заниматься ремеслом, имели фамилии, по которым не предоставляется возможным установить их профессию.

Таким образом, представляет несомненный интерес выяснение вопроса, являлись ли данные лица связанными именно с той отраслью ремесла, как звучала их фамилия. На обильных материалах львовских актов такое исследование в начале XX в. проводило И. П. Крипьякевичем, который изучая состав, занятия и положение львовских мещан — украинцев в первую группу фамилий мещан отнес те, которые произошли от их занятия ремеслом, и установил, что в отдельных случаях продолжалось совпадение фамилии с ремесленной профессией данного лица⁷⁰. К сожалению, существующая источниковая база не позволяет нам произвести такой анализ, касающийся острожских мещан XVI—XVII вв. Возможно, что лишь тщательные, весьма кропотливые и довольно трудоемкие поиски в Луцких актовых книгах позволят в дальнейшем получить некоторые результаты на этот счет.

В нашем распоряжении имеются сводные данные о количестве ремесленников в Остроге 24 октября 1635 г., когда был произведен их реестр острожским бурмистром Ониском Романовичем «в мѣсте старом Острогу в муре и на новом мѣсте на Заставю и на Каролине... справедливо сполне с цехмистрами цехов тамошних». Тогда обнаружили следующее количество ремесленников по профессиям: «пекаров, што хлѣб петлюваный пшеничный пекут» — 21, «пекаров, что хлѣб разовый пекут» — 79, дзвонников — 3, котляров — 2, мечни-

⁷⁰ Крипьякевич І. Львівська Русь в першій половині XVI в. «Записки наукового товариства ім. Шевченка». Т. 77. Львів, 1907, кн. III, с. 88.

ков — 11, «шихтиров» (?) — 3, слюсар — 1, «ковальов» (кузнецов) — 1, слюсарчиков, што своих варстатов не мають, за товаришов роблять» — 2, «стельмахов» (колесников) — 2, «колодій» (колесник) — 1, токарь 1, «боднаров» (бюдарей) — 5, «кушников» (скорняков, шорников) — 25, «шевцов» (сапожников), «што сафьяном робят» — 22, «шевцов, што с простых скур робят» — 123, резников, которые «быдло быют» — 15, резников, «што вебри быют» — 14, «кгарбаров» (кожевников) — 41, «теслюв» (плотников) — 21, «кганчаров» — 16, «римаров» (шорников) — 30, шаповалов — 15, ремесленников, названия которых не удалось прочитать — 7, пивоваров — 10, «кравцов» (портных) — 13, «музыков» (музыкантов) — 22, «аптыкаров... што не бавят лекарскими речами, толко корене продают» — 2, «интролигатор» (переплетчик) — 1, «картовник» — 1, седляров — 4, «постригачов» (цирюльников) — 1, маляр, «што стрымена малюет» — 1, «трагов» (носильщиков?) — 1, «ткачов», которые не сут в цеху» — 2, «балвир» — 1⁷¹.

Всего по реестру 1635 г. в Остроге насчитывалось 526 ремесленников. Такого подробного перечня ремесленных профессий и ремесленников острожских мещан начала XVII в. не найдено, поэтому данные акты раздела острожских имений 1603 г. лишь частично и приблизительно позволяют исследовать занятия городского населения Острога. Оба документа, хотя их разделяет время в 30 лет, до некоторой степени взаимно дополняют друг друга и показывают развитие ремесла в этом городе. К сожалению, акт 1603 г. не дает никаких сведений о населении других волынских городов и сел, потому приходится обращаться к инвентарным описаниям отдельных городов, которые сохранились в актах городских книг.

В целом, следует отметить, что инвентарный раздел владений кн. Острожских 1603 г. является одним из важных, малоисследованных источников по истории Волыни XVII в., позволяющий изучить отдельные вопросы социального и экономического развития, демографии, топографии⁷².

⁷¹ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25. Луцкий градский суд. Т. 197, л. 552-об—553-об.

⁷² В современной советской исторической литературе обращалось внимание на необходимость внимательного изучения и сохранения памятников, характеризующих древнюю территорию городов Украины. — См.: Пляшко Л. А. Стародавня історія міста як історична пам'ятка. — «Український історичний журнал», 1967, № 8(77), с. 117—121.

Н. Ф. КУЧЕРНЮК

«МАРТОВСКИЕ СТАТЬИ» 1654 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Поворотным этапом в жизни двух братских народов — русского и украинского в XVII в., в дальнейшем развитии их экономических, культурных и политических связей явилось решение Переяславской Рады (8 января 1654 г.) о воссоединении Украины с Россией, отвечавшее коренным интересам и чаяниям обоих народов.

Политическое и правовое положение Украины после воссоединения с Россией определялось в целом общероссийским законодательством, а также документами, разработанными после Переяславской Рады генеральной казацкой старшиной во главе с Богданом Хмельницким и рассмотренными русским правительством. В результате дипломатических переговоров между гетманской администрацией и русским правительством весной 1654 г. были выработаны документы большого государственного значения, известные в науке как «Мартовские статьи» (иногда их не совсем верно именуют «Статьи Богдана Хмельницкого», так как они явились результатом действий не только гетманской канцелярии, но и русского правительства).

Начиная с XVIII в. эти исторические источники, имевшие большое значение в развитии русско-украинских политических взаимосвязей, привлекали внимание ряда авторов. Однако дореволюционная украинская и русская дворянско-буржуазная историография, исходя из своих узкоклассовых позиций, не способна была произвести их глубокий научный анализ и дать им объективную оценку в истории русско-украинских взаимоотношений.

Одним из первых кратких упоминаний в исторической литературе «Мартовских статей» явилось сообщение летописца Гр. Грабянко (начало XVIII в.), отметившего, что русское

правительство предоставило «всему Войску Малороссійскому на волности всякіе козацкіе милостивую свою... с завесистою печатью грамоту и статія о чотыренадесятих пунктах...»¹.

Используя документальные материалы Московского главного архива Министерства иностранных дел, вошедших в советское время в состав Центрального Государственного архива древних актов (ЦГАДА), дворянский историк Д. Н. Бантыш-Каменский впервые ввел в научный оборот в приложениях к своему труду «История Малой России» один из списков «Мартовских статей», состоящий из 23 пунктов, под названием «Договорные статьи козаков», а также некоторые из жалованных грамот царя различным категориям населения Украины². Ход украинско-русских переговоров в Москве весной 1654 г. автор изложил упрощенно, сведя их лишь к тому, что Алексей Михайлович «не замедлил удовлетворить просьбе... единоплеменного народа, и не токмо даровал оному разные милостивые грамоты, но также утвердил присланные от Хмельницкого статьи...»³. Содержание некоторых статей дается им без какого-либо научного анализа.

Другой дворянский украинский историк Н. А. Маркевич в III томе своей работы «История Малороссии» в качестве приложения напечатал списки «Мартовских статей» и жалованных грамот⁴ без ссылок на соответствующие архивохранилища. Изданные Маркевичем списки состоят из 20, 23 и 11 пунктов, что явилось в археографическом отношении некоторым шагом вперед по сравнению с книгой Бантыша-Каменского. Однако в статьях из 23 пунктов не указаны порядковые номера, начиная с 6 пункта. Некоторые косвенные указания на источниковую базу Маркевича по этому вопросу содержатся в материалах V тома его истории. Возможно, Маркевич использовал документы архива гетмана К. Розумовского, так как в перечне рукописей указано им: «книга бумаг... в них заключаются: акты гетманские, доклады, инструкции, грамоты и прочие копии графа К. Розумовского»^{4а}.

Автор «Истории Русов» во второй части этого произведения (в § «Прибытие иностранных послов» и «Договорные

¹ Летопись Григория Грабянки. Изданная Временною Комиссиею для разбора древних актов. К., 1854, с. 127.

² История Малой России Д. Н. Бантыша-Каменского, ч. I. М., 1822, с. 117—124 и 125—130.

³ Там же, с. 36.

⁴ Маркевич Н. История Малороссии. Т. III. М., 1842, с. 133—159.

^{4а} Там же. Т. V. М., 1843, с. 93.

статьи с царем Алексеем Михайловичем») допускал произвольное отношение к историческим фактам, дает очень упрощенное описание «Мартовских статей»⁵. Акт воссоединения Украины с Россией он рассматривал в качестве лишь договорных отношений гетманской администрации с русским правительством, игнорируя широкое стремление двух братских народов к воссоединению. В концепции автора проявилась автономистическая казацко-старшинская тенденция, присущая украинской дворянской интеллигенции конца XVIII — начала XIX века, которую затем унаследовала буржуазно-националистическая историография.

Буржуазный историк Н. И. Костомаров, один из редакторов серийной публикации «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России» (Акты ЮЗР), в монографии «Богдан Хмельницкий» допускал в изложении списков «Мартовских статей» фактические ошибки и вымыслы, позаимствованные из «Истории Русов» и некоторых летописцев, либо надуманные самим автором⁶. Ссылаясь на летопись Величко (т. 1, с. 172) он утверждал, что якобы на Переяславской Раде были зачитаны условия, по которым Украина объединялась с Россией⁷, что противоречит действительности, так как известно, что такая редакция «статей» была сформулирована в Москве, а не в Переяславе. Следует также отметить, что тексты «статей» автор привел без каких-либо комментариев и сравнений, совершенно отсутствует их научный анализ и оценка.

С позиций буржуазного объективизма освещал «статьи» С. М. Соловьев. В «Истории России» ничего не сказано о переговорах посольства Б. Хмельницкого с русским правительством, лишь изложены их результаты и сообщается краткое их содержание, причем довольно упрощенно и неполностью⁸.

В связи с тем, что оригинал «Мартовских статей» не сохранился и существуют лишь их копии, перед исследователями возник ряд сложных источниковедческих вопросов о происхождении, составе и соотношении между дошедшими до наших дней списками и редакциями «статей».

⁵ История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Кониского, архиепископа Белорусского. М., 1846, с. 119—122.

⁶ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий, т. 3. СПб., 1870, с. 140—156.

⁷ Там же, с. 131.

⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. (Т. 9—10). М., 1961, с. 603.

Архивные документы о переговорах посольства Б. Хмельницкого в Москве в марте 1654 г. находятся в ЦГАДА в фондах № 124 «Малороссийские дела» (ед. хр. 4), № 13 «Дела об Украине» (ед. хр. 3). Материалы об этих переговорах и копии списков «Мартовских статей» 1654 г. сохраняются также в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР в рукописных сборниках XVIII в. (ф. 36, оп. 1, Воронцовых №№ 418/815; 515/134, 416/76). Полная публикация архивных документов хода этих переговоров — в X томе «Актов ЮЗР» (с. 438—481), где помещены списки статей, состоящих из 20, 23 и 11 пунктов. В документальном сборнике «Воссоединение Украины с Россией» напечатан список «Мартовских статей», изложенных в 11 пунктах, утвержденных русским правительством 21 марта 1654 г.⁹

Для решения вопроса о причинах различного состава и генезисе «Мартовских статей» необходимо, в первую очередь, остановиться на истории возникновения этого источника.

Как известно, с целью юридического оформления статуса Украины в составе Русского государства и правового закрепления привилегий отдельных слоев украинского общества в феврале 1654 г. в Москву от гетманской администрации было направлено полномочное посольство, возглавляемое влиятельными представителями казацкой старшины — генеральным судьей Самуилом Богдановичем Зарудным и переяславским полковником Павлом Тетерей.

Переговоры представителей Б. Хмельницкого, согласно записи Посольского приказа, продолжались с 13 по 27 марта 1654 г.¹⁰ Послы, прибыв в Москву 12 марта, были приняты на второй день «На Казенном дворе у бояр» А. Н. Трубецкого, В. В. Бутурлина, П. П. Головина и думного дьяка Алмаза Иванова; «И посланники говорили... о чем... гетман Богдан Хмельницкий и все Войско Запорожское велели милости просить, и те статьи по гетманскому приказу они посланники» объявят русскому правительству¹¹.

Казацко-старшинская верхушка стремилась закрепить свои «права и вольности», как видно из письма Б. Хмельницкого русскому правительству 17 февраля 1654 г. и поданного послами в Москве 13 марта¹², в котором гетман благодарил

⁹ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х т. Т. III. М., 1953, докум. № 245, с. 560—565.

¹⁰ Центральный государственный архив древних актов СССР (ЦГАДА), ф. 13. Дела об Украине, ед. хр. 3, л. 1—51. (Копия).

¹¹ Там же, л. 5-об—6.

¹² ЦГАДА, ф. 13. Дела об Украине, ед. хр. 3, л. 30—32; Оpubл. Документы Богдана Хмельницкого. К., 1960, № 232, с. 231.

за принятие Украины в состав Русского государства и просил «пожаловать, ущедрить, и права, уставы, привиліи, і всякіе свободы... утвердить и своими грамотами государскими укрепить»¹³.

Как видно из записей о ходе переговоров в Москве, послы Б. Хмельницкого сначала устно изложили свои предложения («следуют разговорные пункты без всякого решения»), которые, вероятно, приказные бояре в ходе записи условно разделили на 20 статей¹⁴. Об их устной передаче может свидетельствовать отсутствие последовательности четкого порядка в изложении статей и то, что некоторые важные статьи (1, 4) изложены довольно кратко, а сравнительно незначительные (10, 17) выделены в отдельные.

Выслушав предложения указанного посольства, представители русского правительства предложили изложить их на письме: «И говоря бояря и посланники отпустили на подворье и велели бояря посланником прислать речи их на письме»¹⁵.

14 марта 1654 г. послы свою челобитную от имени «гетмана и всего Войска Запорожского» представили в письменной форме — «следуют письменные статьи» в количестве 23, уже отличающиеся от статей 13 марта своим составом, более четким порядком и определенностью¹⁶. Важнейшие статьи в этом списке уже более конкретизированы: так, первая статья о «правах и вольностях» поделена здесь на две — 1-ю и 6-ю, третья — о количестве войска и его плате разделена на 2-ю и 21-ю; четвертая — о плате военным чинам в этой редакции распалась на 5 отдельных статей (8, 9, 10, 11, 12-ую). Некоторые статьи (6, 10, 15, 17 и 19) совершенно пропущены, возможно в связи со своим частным характером, либо потому, что они могли подразумеваться под другими статьями. Последние статьи, записанные во время переговоров 13 и 14 марта, почти совпадают, соответствуют друг другу.

Следует отметить, что в списке статей 14 марта появились лишь две новые статьи — 20 и 22, рассказывающие о размещении на границе русских военных сил против шляхетской Польши и об отношениях с Крымским ханством. Очевидно, эти статьи возникли вследствие переговоров послов с русским правительством 13 марта. Под статьями 14 марта, состоящими из 23 пунктов, подписаны царские указы, 11 статей подтверждены без всяких оговорок: «указал государь и

бояре приговорили быть так по их челобитью», причем в статьях о плате военным чинам добавлено: «давать из тамошних доходов»; статьи 4, 15 и 16 тоже подтверждаются, лишь форма указа несколько видоизменяется. В статье 14, касающейся иностранных послов, в указе сделано некоторое ограничение, под статьями 19, 20 и 23 в той либо другой форме написано — «допросить» послов, т. е. получить от них разъяснения, а под 21 «отговаривать», по поводу платы Войску Запорожскому.

Анализируя и сопоставляя эти документы можно прийти к выводу, что список статей в редакции 14 марта, состоящий из 23 пунктов, не мог быть дан послам, так как на некоторые статьи еще не последовали положительные указы русского правительства, необходимо было еще кое-что выяснить в ходе переговоров с украинскими послами. В соответствии с указами русского правительства послы вероятно переделывали статьи и вновь представляли на рассмотрение. Несомненно, что такой способ обмена взглядами и позициями в ходе двусторонних переговоров мог повторяться несколько раз.

Хотя отпуск послов Б. Хмельницкого у царя был назначен на 19 марта, переговоры не могли окончиться, так как необходимо было полностью отредактировать список статей, а также царские жалованные грамоты.

Действительно, как подтверждают документы, послы подали русскому правительству новый список статей 21 марта, состоящий лишь из 11 пунктов¹⁷.

Сопоставляя между собой редакции статей 21 и 14 марта заметно, что из перечня статей выпущены все статьи о правах и привилегиях Войска Запорожского, за исключением статей «о жалованьи», опущена статья о правах украинской шляхты, о предоставлении Чигирина «на гетманскую булаву» (т. е. статьи 1, 2, 3, 5, 6, 7, 13, 17 редакции 14 марта). Некоторые статьи с аналогичным содержанием (4, 15, 16) — о сборе доходов в царскую казну — объединены в одну — 1 статью, а 8, 9, 10 и 11 — о правах и плате военным чинам — объединены в две статьи — 2-ю и 3-ю. Последние статьи обеих редакций оставлены без изменений. Под этими 11 статьями находятся указы царского правительства, свидетельствующие о том, что их подписали уже после переговоров 19 марта, так как на указанные статьи, под которыми в редакции 14 марта было написано «допросить», «отговаривать», теперь имелись указы русского правительства.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 13. Дела об Украине, ед. хр. 3, л. 18—23-об.

¹³ ЦГАДА, ф. 13. Дела об Украине, ед. хр. 3, л. 31.

¹⁴ Там же, л. 6—11-об.

¹⁵ Там же, л. 11-об.

¹⁶ Там же, л. 12—17-об.

Таким образом, проанализировав все три списка «Мартовских статей», состоящих из 20, 23 и 11 пунктов, видно, что они по своему характеру и содержанию подобны и видоизменились лишь в ходе двусторонних переговоров в результате более четкой их определенности и конкретизации. Так, на один из них, самые важные, выдавались отдельные царские жалованные грамоты, а последние остались в списке редакции статей 21 марта, в конце которого записано: «Таково письмо дано посланником»¹⁸. Текст, состоявший из 11 статей, вероятно, и был вручен послам вместе с царскими жалованными грамотами 27 марта при их отъезде из Москвы, о чем и имеется приписка в росписе грамот: «тут статьи вклены, что даны им»¹⁹. Наиболее важные из них были 3 грамоты: о правах и вольностях Войска Запорожского, о правах украинской шляхты, об утверждении на гетманскую булаву Чигиринского староства, а другие определяли права гетмана на имения²⁰.

В ходе переговоров администрация Б. Хмельницкого не могла выступать как равная сторона с русским правительством, так как абсолютный монарх только «пожаловав» Войску Запорожскому некоторые из древних «прав и вольностей» казацких²¹.

Следует отметить, что позже после смерти Б. Хмельницкого во время переговоров русского посольства во главе с князем А. Н. Трубецким с Юрием Хмельницким и казацкой старшиной в октябре 1659 г. появилась новая редакция 14 статей, тоже именовавшихся «Мартовскими» 1654 г.²² Вследствие этого в исторической литературе появились различные взгляды и толкования о составе «Мартовских статей». Их определением и анализом занимались буржуазные историки Г. Ф. Карпов²³ и И. П. Буцинский²⁴, считавшие на основе

¹⁸ Там же, л. 47; Акты ЮЗР, т. X, с. 484.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 13. Дела об Украине, ед. хр. 3, л. 51; Акты ЮЗР, т. X, с. 512.

²⁰ Там же, л. 24—29; л. 47-об.—51. Оpubл. Акты ЮЗР, т. X, с. 489—511.

²¹ Карпов Г. Критический обзор разработки главных русских источников до истории Малороссии относящихся, за время: 8 января 1654—30-е мая 1672 г. М., 1870, с. 68—72.

²² См. статейный список кн. А. Н. Трубецкого, Акты ЮЗР, т. IV, докум. № 115, с. 252—276.

²³ Карпов Г. Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великою Россиею. (Из истории смутного времени в Малороссии — год (1654). — «Журнал Министерства народного просвещения», Спб., 1871, № 11, ноябрь, т. 158, с. 1—39; № 12 (декабрь), с. 232—269.

²⁴ Буцинский И. П. О Богдане Хмельницком. Харьков, 1882.

некоторых украинских летописей (Гр. Грабянко и др.) и статейного списка русского посольства во главе с А. Н. Трубецким, что подлинный список «Мартовских статей» должен состоять из 14 статей²⁵. Хотя Карпов и Буцинский также указывали на отсутствие оригинального списка, но восстанавляли его по позднейшим спискам (например, И. Брюховецкого)²⁶.

Г. Карпов по вопросу о «Мартовских статьях» не был последовательным. В опубликованном им X томе «Актов ЮЗР», где изложен весь ход переговоров украинского и русского посольств 1654 г., ни слова не сказано о вышеуказанном списке из 14 статей, а поданы списки в 20, 23 и 11 статьях²⁷.

Украинский буржуазный ученый В. Б. Антонович в рецензии на диссертацию Буцинского²⁸ ошибочно отмечал большое значение VIII раздела этой диссертации, утверждая, что она якобы решает один из сложных и запутанных вопросов о «Мартовских статьях». Он безосновательно писал: «К этому же отделу принадлежит и лучшая, по нашему мнению, глава сочинения г. Буцинского (8-я), в которой он старается... восстановить утраченный текст статей, постановленных в Москве и обусловливавших отношение Малороссии к Русскому государству»²⁹.

Наиболее содержательным специальным исследованием «Мартовских статей» в дореволюционной литературе является труд П. А. Шафранова «О статьях Богдана Хмельницкого»³⁰. Автор опровергнул категорическое заявление Антоновича о якобы решении Буцинским вопроса о «статьях» 1654 г. Основными источниками работы Шафранова послужили публикации «Актов ЮЗР» — т. 3, 4, 10 и 11. Как заметил Шафранов, Буцинский даже не использовал два последних тома этой серийной публикации³¹, хотя они вышли значительно ранее его диссертации. Вследствие такой узости источниковедческой базы Буцинский допустил извращения и недостоверные факты в освещении самого хода переговоров

²⁵ Эти статьи опубликованы в Актах ЮЗР, т. IV, с. 262.

²⁶ ЦГАДА. Дела об Украине, ф. 13, ед. хр. 4, л. 70—137.

²⁷ Акты ЮЗР, т. X, с. 438—484.

²⁸ «Киевская старина», т. V, 1883. Рецензия В. Антоновича на монографию Буцинского, с. 417—428.

²⁹ Там же, с. 418.

³⁰ Шафранов П. А. О статьях Богдана Хмельницкого (1654 г.). — «Киевская старина», т. XXVII, ноябрь, 1889, с. 369—391.

³¹ Там же, с. 370.

Б. Хмельницкого с русским правительством³². В 11 пунктах о статьях он совершенно не упомянул и, наконец, перейдя к вопросу о последней редакции статей, сделал вывод: «не может быть сомнения в том, что число пунктов этого договора было именно 14»³³.

Дискутируя с Буцинским, Шафранов доказал безосновательность такого утверждения, ибо Буцинский «основывается не на черновых списках их в архиве, что было бы важно в данном случае, а на летописи Грабянки и на статейном списке князя А. Н. Трубецкого 1659 г.»³⁴.

Происхождение этих статей П. Шафранов объяснял тем, что А. Трубецкой, убедившись, что гетман Ю. Хмельницкий и казацкая старшина не знают предыдущих «статей», составленных при Богдане Хмельницком, и не имеют жалованных царских грамот, составил новый список, наверное, из черновых списков статей московского приказа, которые несомненно, имели при себе русские представители³⁵. При составлении статей 1659 г. вносились соответствующие коррективы по сравнению с предыдущими «статьями». Редакция 14 статей была передана А. Трубецким киевскому воеводе В. Б. Шереметьеву, чтоб «с того списка в Киеве напечатать многие книги». Одновременно выдали «такову же книгу... гетману Ю. Хмельницкому, и обозному, и судьям, и ясаулам, и полковникам, и всей старшине и черни»³⁶.

После смерти Б. Хмельницкого «Мартовские статьи» и царские грамоты 1659 г., в связи с предательством Ивана Выговского, исчезли, в то время как статьи в редакции 1659 г. получили столь широкое распространение на Украине, что на них ссылались во время всех последующих переговоров гетманской администрации с царским правительством, а позднейшие летописцы Украины указывали на них как на подлинные «Мартовские статьи» Б. Хмельницкого.

Таким образом, список в редакции 14 статей³⁷, на который указывали Карпов и Буцинский, в действительности — позднейший документ, составленный представителями рус-

³² Буцинский И. П. Указ. соч., с. 152—159; Шафранов П. А. Указ. соч., с. 370—372, 376—377.

³³ Буцинский И. П. Указ. соч., с. 154.

³⁴ Шафранов П. А. Указ. соч., с. 377—378.

³⁵ Там же, с. 388.

³⁶ Там же, с. 388.

³⁷ ЦГАДА, ф. 13. Дела об Украине, ед. хр. 4, л. 35—70; Акты ЮЗР. Т. IV, с. 262.

ского правительства³⁸, в который были внесены соответствующие коррективы, по сравнению с предшествующими статьями после смерти Б. Хмельницкого и требовало усиления правовых норм централизованной монархии. Следует также отметить, что в официальный сборник «Полное собрание законов Российской империи» (т. I, № 119, с. 311—314) вошли «статьи» 1654 г. именно в редакции 21 марта, а не в сомнительной редакции 1659 г.

Большинство историков считают правильной точку зрения П. Шафранова, что достоверными являются «статьи», состоящие из 11 пунктов, они и напечатаны в публикации историков «Воссоединение Украины с Россией»³⁹.

Советские исследователи Н. Н. Петровский, И. П. Кристьякович, Ф. П. Шевченко, В. А. Голобуцкий, А. К. Касименко в монографиях⁴⁰ по истории освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. уделяли определенное место «Мартовским статьям» как важному документу русско-украинских политических взаимоотношений, определяли его классовую сущность. В советской энциклопедии истории Украинской ССР дан краткий обзор «Мартовских статей» как исторического источника (автор статьи — А. К. Касименко)⁴¹. Однако «Мартовские статьи» по настоящее время не явились в советской историографии объектом специального исторического исследования.

В «Мартовских статьях» ярко выражены характерные черты общественных отношений на Украине в годы освободительной войны и воссоединения Украины с Россией (1648—1654 гг.). О классовом характере этих документов свидетельствует предоставление больших прав феодальной верхушке украинского общества — старшине, шляхте, духовенству, стремившихся к расширению своего землевладения. Эта привилегированная верхушка встретила взаимопонимание в своих классовых устремлениях со стороны русских феодаль-

³⁸ Шафранов П. А. Указ. соч., с. 369, 391; Петровский М. Н. Нариси історії України, вип. IV. Визвольна війна українського народу проти гніту шляхетської Польщі і приєднання України до Росії (1648—1654). К., 1940, с. 208.

³⁹ Воссоединение Украины с Россией. Т. III, докум. № 245, с. 560—565.

⁴⁰ Петровский Н. Н. Указ. соч.; Кристьякович И. П. Богдан Хмельницкий. К., 1954; Шевченко Ф. П. Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. К., 1959; Голобуцкий В. А. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. К., 1962; Касименко О. К. Російсько-українські взаємовідносини 1648 — початку 1651 рр. К., 1955 и др.

⁴¹ Радянська енциклопедія історії України. Т. I. К., 1969, с. 125.

ных кругов. Царское правительство подтверждало ее права на владения имениями, «быть под нашею... высокою рукою, по прежним их правам и привилегиям»⁴².

Казацкая старшина стремилась к захвату в свои руки сбора налогов для царской казны: «Чтобы в городе урядники были из их людей (казацкой старшины. — Н. К.) обираны... и доходы всякие вправду в казну... отдавати»⁴³. Оставив сбор доходов на территории Украины в руках казацкой старшины, царское правительство направило для контроля над сборщиками своих чиновников, чтобы налоги «отдавать в его... государеву казну»⁴⁴.

«Мартовские статьи» документально подтверждают, что Украина в составе Русского государства сохранила систему административного управления, сложившегося в ходе освободительной войны 1648—1654 гг.; оставался избираемый войском запорожским гетман, деление на казацкие полки и полковое административное устройство «А буде... смерть случитца гетману... поволити Войску Запорожскому обирати гетмана по прежним их обычаем самим меж себя»⁴⁵, при этом необходимо было сообщить о таком избирании русскому правительству.

Количество казацкого войска определялось в 60 тысяч человек, хотя эта цифра не считалась безусловной в соответствии с переговорами в Переяславе с русским послом В. В. Бутурлиным: «А хотя б де того числа было и больше, и государю де в том убытка не будет, потому что они жалованья у государя просят не учнут»⁴⁶. Однако новым пунктом на переговорах в Москве была просьба гетманских представителей, чтобы русское правительство предоставило плату запорожскому войску — казакам по 30 золотых, сотникам — по 100, а другой казацкой старшине от 200 до 400, войсковому писарю 1000 золотых. Царское правительство утвердило такую просьбу: «а давать те деньги ис тамошних доходов»⁴⁷. Некоторым старшинам жаловались мельницы «для прокормленья, что расход имеют великой»⁴⁸.

⁴² Воссоединение Украины с Россией. Т. III, докум. № 248, с. 567—570. (При этом обзоре «Мартовских статей» нами использована редакция 21 марта, докум. № 245).

⁴³ Там же, с. 561.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Воссоединение Украины с Россией. Т. III, докум. № 248, с. 568.

⁴⁶ Там же, докум. № 245, с. 564.

⁴⁷ Там же, с. 561.

⁴⁸ Там же.

Вопрос о казацких землях оставался без изменений: их владельцы могли и дальше распоряжаться ими без препятствий. За вдовами, оставшимися после казаков, и их детьми сохранялись те же вольности, какие имели их родители и предки. О юриспруденции казацкой говорилось, чтобы в казацком войске «судитись... от своих старших по своим прежним правам», а царские бояры и воеводы не должны были в эти военные суды вмешиваться.

Широко определялись права украинской шляхты, сохранявшей за собой все шляхетские вольности и из себя избиравшей старших на судебные должности⁴⁹.

Особенно важным правом местной администрации на Украине, как подтверждают документы, явилось право дипломатических отношений с иностранными государствами: «Послы, которые издавна к Войску Запорожскому приходят из чужих краев... которые к добру были, вольно принять, а только чтоб имело быть противно... то должны они» сообщать немедленно русскому правительству, и таких послов без указа не отпускать. С турецким султаном и польским королем запрещалось поддерживать какие-либо дипломатические отношения: «А с турецким салтаном и с польским королем без указа... не ссылатца»⁵⁰.

О церковных вопросах в «статьях» не упоминалось, так как они после воссоединения Украины с Россией теряли свою остроту, однако все же гетманские послы получили устный наказ просить царскую грамоту на митрополичьи имения. Это ходатайство было в Москве удовлетворено: «Митрополиту и всем духовного чину людям на маестности их, которыми они ныне владеют, свою государскую жаловальную грамоту дать велел»⁵¹.

Несколько статей не относились к общественно-политическим делам, но в большей мере отображали интересы украинского народа. В первую очередь это касалось отправки войск под Смоленск «не отсрочивая ничего, чтоб неприятель не мог исправитца и сынами совокунитися, для того что войска ныне принужены, чтоб никакой их лести не верили»⁵². Действительно, польская шляхта в середине марта 1654 г. перешла в широкое наступление на Украине. Условия, по которым Украина принималась в состав Русского государства,

⁴⁹ Воссоединение Украины с Россией. Т. III, докум. № 248, с. 568—569.

⁵⁰ Там же, докум. № 245, с. 562.

⁵¹ Там же, с. 563.

⁵² Там же.

обеспечивали защиту ее от иностранных захватчиков, в частности от агрессии шляхетской Польши и султанской Турции. Согласно «статьям» русское правительство обязалось весной 1654 г. «по просуке, как конские кормы учнут быть», начать войну для защиты Украины. С этой целью русское правительство сосредоточило военные силы, и «ратные люди всегда на рубеже для Украины оберегання есть и вперед стоять учнут»⁵³. Предусматривалась также реальная опасность вторжения татар на Украину после ее воссоединения с Россией. Русское правительство приказало донским казакам, если татары «зазору никакова не учинят, и на них ходить и задору чинить не велено. А будет крымцы задор учинят»⁵⁴, немедленно будет приказ идти на Крым.

Безусловно, принятие могущественным Русским государством Украины под свою защиту от польско-турецко-татарской агрессии было в интересах всего украинского народа и имело для него огромное значение. Что касается помощи военным заставам в Кодаке и в Запорожье в обеспечении их продуктами и боеприпасами, русское правительство обещало, что об этом «указ будет вперед, как про то ведомо будет, поскольку каких запасов в те места посылавано и сколько будет доходов в зборе» для Русского государства⁵⁵. В конце статей предполагалось, что Б. Хмельницкий немедленно составит реестр войска: «вы смотр меж собою учините, хто будет казак или мужик, а чтоб число Войска Запорожского было 60000» и список представить русскому правительству⁵⁶. Гетманские послы просили, чтобы русское правительство издало грамоту: одну на волюности казацкие, а другую — на шляхетские, а они уже между собой определяют: «хто казак, тот волюности казацкие иметь будет, а хто мужик, тот будет новинность обыкную... отдавать, как и преж того бывало»⁵⁷.

Таким образом, в «Мартовских статьях» нашла отражение отрицательное отношение к освободительным чаяниям крепостных масс — основной движущей силы освободительной войны, раскрывается классовая ограниченность внутренней социальной политики гетманского правительства. «В то время как крестьянско-казачьи массы вели героическую борьбу против социального и национального гнета, украин-

ская феодальная верхушка (казацкая старшина и мелкие помещики), участвуя в освободительной войне, стремилась сохранить и укрепить феодально-крепостнические отношения на Украине»⁵⁸. Ожидания крестьянства, несмотря на его неисчислимые жертвы, не были осуществлены, хотя освободительная война значительно ослабила феодальные порядки и феодальное угнетение на Украине.

Не упоминались в «статьях» и права городов, очевидно по мнению казацкой старшины они сами должны были добиваться своих прав по примеру Переяслава⁵⁹ и Кисва⁶⁰. Патрициат и зажиточное мещанство в период освободительной войны стремились сохранить свои древние городские права и привилегии, весь городской строй, освободиться от государственных налогов, сохранить монополию на ремесло и городские промыслы и торговлю, расширить землевладение городов. Не удивительно, что городская беднота, которая, по высказыванию Ф. Энгельса, была тогда «едва пробивавшимся наружу пролетарским элементом»⁶¹ ничего не добилась, хотя играла значительную роль в освободительном движении.

Таким образом, «Мартовские статьи» составлялись господствующей украинской феодальной верхушкой, защищавшей исключительно свои классовые интересы, и были в основном одобрены царским правительством. Казацкая старшина и украинская шляхта закрепили за собой положение господствующего класса на Украине. Наряду с этим «Мартовские статьи» несколько ограничивали экономические и политические права гетманского управления, что было необходимым в интересах феодального государства. Вхождение Украины в состав Русского государства было оформлено, с одной стороны, присягой украинского народа на верность России, с другой — «Мартовскими статьями», дополнявшимися царскими жалованными грамотами. «Мартовские статьи» — крупный политический и правовой акт, подводивший итоги многолетним украинско-русским политическим взаимосвязям и переговорам периода Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. и воссоединения Украины с Россией.

⁵³ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954), одобренные Центральным Комитетом КПСС. М., Госполитиздат, 1954, с. 8.

⁵⁹ Воссоединение Украины с Россией. Т. III, докум. № 239, с. 553.

⁶⁰ Акты ЮРЗ. Т. X, с. 647—654.

⁶¹ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 7, с. 355.

⁵³ Воссоединение Украины с Россией. Т. III, докум. 245, с. 563.

⁵⁴ Там же, с. 564.

⁵⁵ Там же, с. 565.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, с. 562.

Переяславская Рада и «Мартовские статьи» открыли новый этап в отношениях между Украиной и Россией. Укрепились разносторонние связи между братскими народами, Украина все более включалась в политическую систему централизованного Русского государства. Навеки связав свою судьбу с братским русским народом, украинский народ спас себя от иноземного порабощения и обеспечил возможность своего национального развития.

В совместной борьбе против общих врагов — царизма, крепостников и капиталистов, а также против иноземных захватчиков росла и крепла дружба трудящихся России и Украины.

Л. Г. БОЛЕБРУХ

К ВОПРОСУ О РЕАКЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРИЗМА В ОБЛАСТИ ИДЕОЛОГИИ В КОНЦЕ XVIII в.

Особенностью классовой борьбы в России конца XVIII в. явилось то, что социальные выступления сопровождались серьезным идеологическим противоборством феодально-крепостнического строя и крепнущей системой капиталистических отношений, когда они отличались еще прогрессивностью. Царизм довольно быстро ощутил опасность, грозящую ему в сфере идей, и принял необходимые меры защиты, среди которых одной из главных была цензура. Именно поэтому правящие круги в последние десятилетия века так много занимались реорганизацией цензурного аппарата.

Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева, демократическая, антикрепостническая мысль, французская буржуазная революция отчетливо показали связь между передовой мыслью и антифеодальным движением, принимавшим все более широкие размеры в России. Свидетельство этого власти усмотрели в деятельности революционного мыслителя А. Н. Радищева, просветителя Н. И. Новикова и др. В условиях установления якобинской диктатуры во Франции власти в России были испуганы выходом в 1793 г. тираноборческой трагедии Я. Княжнина «Вадим Новгородский», увидев в ней протест против монархии вообще и русской в частности.

В результате Сенату поручалось разработать меры по предотвращению появления подобных сочинений, иными словами — по реорганизации системы предварительной проверки печатных изданий. В течение всего XVIII в. (вплоть до 1783 г.) в России по существу не было частных типографий и

цензуру книг, печатавшихся в ведомственных типографиях, осуществляло руководство тех же учреждений (напр., Академии наук, Московского университета и т. д.). По указу от 15 января 1783 г. в стране возникли «вольные», т. е. частные, типографии, надзор над которыми был поручен управе благочиния. Полицейские чиновники, невежественные и ограниченные, не смогли организовать действенный контроль над рукописями, в результате чего из печати вышли многие «неблагонадежные» сочинения, среди которых был и «Вадим Новгородский». После французской революции 1789 г., когда в Россию хлынули революционные издания, власти срочно занялись созданием надежного цензурного органа.

Публикуемые материалы представляют собой важные документы реакционной идеологической деятельности царизма по подавлению передовых течений общественно-политической мысли. Учитывая историческую неразработанность подобных сюжетов, следует обратить особое внимание на поиски самодержавием эффективных форм цензуры, на их классовую направленность. В данном случае бесспорным представляется защита русским абсолютистским правительством устоев феодально-крепостнического строя в области идеологии.

Сенатские решения по реорганизации цензурного ведомства 1794 г. отложились в собрании документов заведующего общим отделом министерства императорского двора Г. В. Есипова, известного деятеля середины и второй половины XIX в. Эти документы хранятся в Центральном государственном историческом архиве СССР (г. Ленинград) в виде беловых вариантов резолюций Сената за подписью, по всей вероятности, генерал-прокурора А. Н. Самойлова.

От первого документа и до третьего заметно, что меры, предлагаемые для борьбы с «вольнодумными» сочинениями, становятся все более жестокими и всеобъемлющими. Если в первом из них (резолюция Сената от 18 января 1794 г.) говорится только о книгах, издаваемых внутри государства «вольными» (т. е. частными) и казенными — причем, очевидно, только столичными — типографиями, то в последнем (резолюция от 31 января 1794 г.) уже идет речь и об изданиях провинциальных частных типографий, а также о ввозимых иностранных сочинениях.

Четвертый документ из данной коллекции (резолюция от 15 февраля 1794 г.), опускаемый нами, представляет собой,

как видно, окончательный вариант доклада Екатерины II по данному вопросу, изъят он по той причине, что отличается от предыдущего (от 31 января) только одним обстоятельством: книги, печатаемые в типографиях уездных и губернских городов, предполагалось отсылать предварительно на цензуру в одну из столиц.

Публикация подготовлена по «Правилам издания исторических документов» (М., 1955).

Резолюции Сената по реорганизации предварительной цензуры (1794 г.)

№ 1 (л. 1). 1794-го года генваря 18-го дня в собрании Правительствующего сената 1-го департамента по секретной экспедиции

Вследствие записанной в журнале декабря 1 дня прошлого 1793 года резолюции Правительствующий сенат имели рассуждение о принятии предосторожностей, дабы впредь в печатаемых книгах не было противного закону божью, самодержавной власти и благонравию.

Р а з с у д и л и:

Поелику в издаваемых узаконениях установлено, чтоб в печатаемых книгах и прочих сочинениях не было ничего противного закону божью, самодержавной власти и общему благонравию, то для вящего пресечения подобных пынешнему происшествий Сенат предполагает учинить соответствующее узаконениям следующее ныне распоряжение.

1-е Именным 1783 года генваря 15 дня указом свидетельствовано печатаемых книг в вольных типографиях предоставлено Управе благочиния; сообразуясь сему законоположению, составить в обеих столицах при Управе благочиния цензуру из трех персон, и именно: (л. 1 об.) одной духовной, другой гражданской, а третьей из ученых, которые и должны иметь нужные к сей должности знания. Обязанности их предоставить наблюдение, чтоб в издаваемых российских книгах, сочинениях и переводах не вменялось ничего вышеприведенному противного; и для того должны все партикулярные типографии отдаваемые к ним в печать российские и иностранные светские книги и сочинения, а равно и переводы представлять для цензуры в Санкт-Петербург или в Москву, кому куда способнее будет; без таковой же цензуры отнюдь ничего не печатать, под опасением неизбежного ответа и

строгого по закону взыскания. 2-е. Касательно до учрежденных при казенных местах типографий, то во оных (л. 2.) печатать собственно по званию и должности каждого места относящиеся сочинения со одобрением и общим подписанием их собраний, оставляя оное под их наблюдением и ответом. Приносимые же к ним от посторонних людей книги, сочинения и переводы печатать не иначе, как с одобрения учрежденной при Управе благочиния ценсуры.

В прочем 3-е, что принадлежит до выписываемых из чужих краев книг и эстампов, то выписав приличные к сему обстоятельству узаконения, предложить Сенату для должного и по сему предмету рассуждения немедленно.

№ 21 (л. 3). 1794-го года января 25-го дня в собрании Правительствующего сената 1-го департамента по секретной экспедиции

В следствие записанной в журнале декабря 14 дня прошедшего 1793 года резолюции о вышедшей в публику печатной трагедии именуемой «Вадим Новгородский», наполненной дерзкими противу самодержавной власти выражениями, слушали выписку из узаконений, с каким рассмотрением в казенных и частных типографиях печатать книги и прочее, дабы в них не было противного закону божью, самодержавной власти и благонравно, так же и о вывозе в Россию иностранных книг.

Р а з с у ж д е н о:

Поднести с. и. в.² всеподданнейший от Сената доклад следующего содержания. Сенат по случаю вышедшей в публику печатной трагедии именуемой «Вадим Новгородской», наполненной дерзкими против самодержавной власти выражениями, поставил долгом рассуждать о средствах, чтоб впредь не токмо в России печатаемо не было книг и прочего, содержащего в себе что-либо противное закону божью, самодержавной власти и благонравно, но и не вывозились бы таковые и из иностранных земель; и войдя в подробное рассмотрение сего дела, соображаясь при том и с законами, находит, что следующее распоряжение совершенно соответствовать предполагаемой цели будет:

1-е. Поелику печатание книг и прочего требует строгого рассмотрения, чтоб в них не помещалось ничего противного ни закону божью, ни самодержавной власти и благонравно, то при Управах благочиния Санктпетербургской и Московской учредить ценсуру из трех особ: из одной духовной, дру-

¹ Лист 2-об. оставлен чистым.

² С. и. в. — ее императорское величество.

гой гражданской, а третьей ученой (л. 3 об.) с нужными для сей должности знаниями. Они обязаны рассматривать все представляемые Управе благочиния от сочинителей и переводчиков книги и прочее как на российском, так и на иностранных языках писанные, которые сочинители и переводчики желают напечатать; и буде в них ничего противного упомянутым трем предметам не найдут, то имеют на печатание дать дозволение, без которого нигде ничего не печатать под опасением неизбежного по законам строгого взыскания. 2-е. Что касается до книг в прочих губернских городах и в уездных издаваемых, то хотя высочайшим именным указом 1783 года января 15-го дня и позволено во всех городах каждому по своей собственной воли заводить типографии и в них печатать книги на российском и на иностранных языках с одобрения Управы благочиния, по каковому дозволению во многих уже губерниях типографии заведены; но как там нет возможности учредить строгой ценсуры, каковая будет в столицах, ибо не уповательно отыскать там людей с потребными знаниями для ценсуры, которые были бы от всякой другой должности свободны, от чего и могут выходить там книги, содержащие противное законам. (л. 4.). Во отвращение чего Сенат и почитал бы нужным, чтоб книги и прочее печатать в одних только столицах, по поелику за сию означенного высочайшего именного указа приступить к тому сам собою не может, то и предать сие высочайшему с. и. в. соизволению. 3-е. В учрежденных при казенных местах типографиях печатать собственно к их употреблению относящиеся и издаваемые у них книги со одобрением и общим подписанием их собраний, оставляя оное в случае какой-либо противности собственному их ответу; приносимое же к ним от посторонних людей печатать не иначе, как со одобрения учрежденной при Управе благочиния ценсуры.

Сенат, изъяснив таковым образом предполагаемое им распоряжение относительно печатания в России книг, почитает нужным, чтоб в предостережение вывоза из чужих земель вредных книг и эстампов¹ приняты были следующие меры: привоз иностранных книг и эстампов позволить только к Санктпетербургскому порту и как скоро привезены будут, то из таможи сообщать реестр оным в учрежденную при Управе благочиния ценсуру, которой рассматривать, нет ли в числе их таких, которые бы подлежали запрещению; (л. 4 об.) и буде таковых не найдут, то о выпуске кому следует сообщить в таможду, а без того никаких книг и эстам-

¹ В подлиннике: эстампов.

пов, привозимых из чужих краев, из таможи не выпускать; к прочим же портам и чрез пограничные таможи ни книг, ни эстампов не привозить, дабы не могли ввозиться запрещенные подлежащие. Но как ввоз иностранных книг по общему 1782 года тарифу позволен чрез все портовые и пограничные таможи, то Сенат за силою сих узаконений и не имеет смелости приступить ко исполнению вышеозначенного своего разсуждения, а долгом поставляет предать оное на высочайшее е. и. в. благоусмотрение.

№ 3 (л. 5). 1794-го года января 31-го дня в собрании Правительствующего сената 1-го департамента по секретной экспедиции

Имели разсуждение по резолюции, данной сего ж января 25-го дня, с каким разсмотрением в казенных и частных типографиях печатать книги и прочее, дабы в них не было противного закону божью, самодержавной власти и благоправию и выпускать в публику вывозимые в Россию иностранные книги.

Разсудили:

Подпись е. и. в. всеподданнейший от Сената доклад следующего содержания. Сенат по случаю вышедшей в публику печатной трагедии, именуемой «Вадим Новгородский», наполненной дерзкими против самодержавной власти выражениями, поставил делом разсуждать о средствах, чтоб впредь не токмо в России печатаемо не было книг и прочего, смотрение сего дела, находит положить в преграду (л. 5 об.) самодержавной власти и благоправию, но и не вывозились бы таковые и из иностранных земель, и войдя в подробное разсмотрение сего дела, находит положить в преграду (л. 5 об.) против зломыслия чрез сочинения и книги издаваемые, влияющего яд во благоправие общее, одно средство надежное: учредить строгую цензуру над типографиями; но как нельзя довольно обнадежиться, что-бы во всем государстве, где теперь разпространилось книгопечатание, удобно найти по всюду достойных ценсоров в разсуждении знаний к тому потребных, то блюстительную осторожность в соображении надобности учредить тако: в обеих столицах составить цензуру из трех персон: одной духовной; другой гражданской, а третьей ученой. Ни одна типография в сих столицах не должна и не может принять и печатать сочинения или книги без общего одобрения оных установленных ценсоров, которым (л. 6.) все сочинители обязаны свои издания представлять на разсмотрение. Долг ценсоров будет прилежно разсматривать представляемые сочинения, дабы во оных не вменялось

ничего противного закону божью, самодержавной власти и чистому благоправию, и за всякое в том упущение сами они должны отвечать пред уголовным судом. Поелику в столицах состоят многие казенные типографии, то присмотр за оными выходящими собственными их изданиями¹ принадлежит их начальству, почему и собственные их сочинения к разсмотрению их относятся, но от посторонних сочинителей принимаемые в Академию (л. 6 об.) или в другие казенные типографии книги не принимать и не печатать во оных без того, пока оные просмотрены и одобрены будут вышепомянутыми цензорами. Частными людьми в деревнях и в уездных городах заведенные типографии, на которые нет возможности разпространить благонадежным образом цензуру, запретить, а токмо дозволить в одних губернских городах типографии, над которыми возложить на наместников учредить ценсоров подобным образом, как определение их полагается в столицах. При всей таковой о печатании в России книг (л. 7.) и прочих сочинений осторожности, Сенат почитает нужным взять подобную осторожность и в разсуждении иностранных книг и эстампов, вывозимых в Россию, для чего и полагает привоз их позволить только к Санктпетербургскому порту, и до того времени не выпускать из таможи, пока не будут они одобрены означенными в здешней² столице учрежденными цензорами, для чего таможа и должна будет из привезенных книг и эстампов по одному экземпляру сообщать оным цензорам; к прочим же портам и чрез пограничные таможи книг и эстампов не привозить, дабы (л. 7 об.) не могли ввозиться запрещенные подлежащие; но как ввоз иностранных книг по общему 1782 года тарифу позволен чрез все портовые и пограничные таможи, а именным вашего императорского величества 1783-го года января 15 дня указом дана свобода во всех городах каждому заводить типографии и в них печатать книги на российском и иностранных языках с одобрения Управы благочиния, то Сенат вышепомянутое разсуждение свое, побуждаемое нужною осторожностью против возникающих злоупотреблений, и предает высочайшему вашему императорскому величеству благоразсмотрению, не смея сам приступить ко исполнению оного.

ЦГИА СССР (с. Ленинград), ф. 938, оп. 1, ед. хр. 614, л. 1—7 об. подлинник.

¹ В подлиннике: выходящим собственным их изданиям.

² В подлиннике: здешней.

М. Т. СОКОЛ

СУДЬБА ДВУХ ГОРОДОВ В ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ «ПЕСНИ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В «Песне о полку Игореве» упоминаются многие города Древней Руси: Киев, Новгород Великий, Чернигов, Новгород-Северский, Переяславль, Белгород, Путивль, Курск, Тмуторокань, Сурож, Корсунь, Рим (Римов), Полоцк, косвенно — Галич («Галичкы Осмомыслѣ Ярославле...»), Городец или Городец («Трубы трубятъ Городеньскіи»), поселение Дудутки...

Нас интересуют два города, судьбы которых в истории исследования «Песни» на протяжении 180 лет — полярно противоположны.

Плѣсньскъ

Название этого древнерусского города, якобы, находится в тексте так называемого «тёмного места» «Песни»: «Всю ночь съ вечера босови врани възгряху, у Плѣсньска на болони бѣша дѣбрь Кисаню, и несоша къ синему морю»¹.

Первоиздатель прокомментировал: «Городъ (Плѣсньскъ. — М. С.) Галическаго Княженія, смежный съ Владимірскимъ на Волынѣ». (Татищев. Часть III, с. 287 и 288)². В летописях название этого города варьирует: «Прѣсньскъ — Преснескъ» (по Ипатьевской летописи—XIV в.); «Плѣсньскъ—Плѣснескъ—Плѣнскъ» (по Хлебниковскому — XVI в. и Погодинскому — XVII в. спискам Ипатьевской летописи); «Плѣнескъ—Плѣнскъ» (по Ермолаевскому списку конца XVII — начала XVIII века)³.

¹ «Ироническая песнь о походе на половцев... Игоря Святославича...» фотомеханическое воспроизведение издания 1800 г. в книге Л. А. Дмитриева «История первого издания «Слова о полку Игореве», АН СССР, М.-Л., 1960, с. 77—132, ф/к, с. 23, примечание «я». Все выдержки в статье берутся мною по этой фотоконии — М. С.

² Там же.

³ ПСРЛ. Т. II, стб. 662, примечания 36, 37, 38 и «Приложение», с. 53.

Если значение слова «Кисаню» из приведенной фразы ставилось под сомнение, никто не поставил под сомнение ни разбивку на слова части фразы: «... у Плѣсньска на болони...», ни наличие здесь имени города «Прѣсньска — Плеснеска — Плѣска», или вообще — топонима.

В. Л. Виноградова в «Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» приводит отредактированную конъектуру комментируемой нами фразы: «Всю ночь съ вечера б(у)сови врани възгряху у Плѣсньска, на болони бѣша дѣбрь(ски) (сани) [дѣбрь Кисаню?], и несоша(ся) къ синему морю»⁴. Чтобы показать, насколько противоречивы толкования этого спорного места памятника, достаточно привести несколько примеров:

Н. К. Гудзий — «Всю ночь с вечера вещие вороны каркали у Плеснеска на побережьи, были лесные змеи, и понесли их к синему морю»⁵;

В. Ф. Ржиги и С. К. Шамбинаго — «...серые вороны каркали у Плеснеска на лугу, были из дебри Кисановой и неслись к синему морю»⁶;

Д. С. Лихачёв — «...серые вороны гаяли у Плесньска на лугу, были в дебри Кисаней и понесли к синему морю»⁷;

В. И. Стеллецкий — «...вещие вороны каркали у Плеснеска на лугу, были они из дебри Княжи и понесли к синему морю»⁸;

Евг. Ляцкий — «...бусови врани възгряху; у Плѣсньска на болони бѣша дѣбрьски сани и несошася к синему морю»⁹.

М. П. Кучера также связывает исторический город Плеснеск с «Песней»¹⁰. В. В. Капнист¹¹, А. В. Лонгинов¹²,

⁴ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». В. 4. Л., «Наука», 1973, с. 83.

⁵ Гудзий Н. К., Стеллецкий В. И. Слово о полку Игореве. М., 1955, с. 40.

⁶ «Слово о полку Игореве» поэт. переводы и переложения. М., 1961, с. 25.

⁷ «Слово о походе Игоревом». Ленинград—Вена, 1971, с. 53.

⁸ Гудзий Н. К., Стеллецкий В. И. Указ. соч., с. 57.

⁹ Ляцкий Е. «Слово о полку Игоревѣ» — повѣсть о князьяхъ Игорѣ, Святославѣ и историческихъ судьбахъ Русской земли. Práce slovanského ústavu v Praze, svazek XII. V Praze, 1934, с. 114.

¹⁰ Кучера М. П. «Слово о полку Игореве» и древнерусский город Плеснеск. Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Вып. 9. К., 1960, с. 115—116.

¹¹ Бабкин Д. С. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста. — В кн.: Слово о полку Игореве. М.-Л., 1950, с. 375.

¹² Лонгинов А. В. «Слово о полку Игореве», Одесса, 1911, с. 113.

Н. В. Шарлемань¹³ усматривают Плеснеск в урочище Плоском (укр. Пліске) под Киевом.

Уже сам факт расхождения во мнениях исследователей относительно трактовки «Плѣсньска» говорит о том, что мы далеки от истины. Внесенные в текст исправления слова «босувѣ» на «бусовѣ» (Лихачѣв, Ляцкий, Вольман¹⁴ и другие); «Кисаню» — на «лесные змеи» (Гудзий), «Кисаней» (Лихачѣв), «Кисановой» (Ржига, Шамбинаго), «Княни» (Стеллецкий), «дебрьски сани» (Ляцкий); «не сошлю» — на «несошася» (Виноградова, Лихачѣв и другие) — далеко не бесспорны, так как не удовлетворяют ни грамматике, ни семантике фразы. Бесспорно одно — фраза требует правки, но — только в орфографии и пунктуации и не более.

По нашему мнению, нельзя упускать из поля зрения следующие обстоятельства: а) речь идет о «мутном» сне, следовательно, сновидения Святослава имеют зловеще-предсказательный смысл недобрых предчувствий и должны толковаться иносказательно; б) место действия — княжеский двор в городе Киеве; в) время действия — ночь, значит, различать окраску птиц невозможно; г) считать текст заведомо испорченным, значит, обрекать расшифровку этого, так называемого «темного места» (как, впрочем, и других «темных мест» памятника) на неудачу.

Нами предлагается следующая правка в словах и разбивке текста:

1. Слова «у Плѣсньска на» разбить так: «у плѣснь скана».

2. «Кисаню» писать с прописной буквы и удвоенным «с» — «киссаню».

3. В сочетании «не сошлю» — а) слог «не» читать вместе; б) букву «л» читать буквой «а», так как они очень похожи писались, как в рукописях, так и в старопечатных книгах и зачастую прочитываются только по смыслу, особенно в затертых местах текста, и ошибка первоиздателей в прочтении слова не только логична, но и извинительна; в) отделив конечную букву «ю», читать ее личным местоимением ж. р., ед. ч., вин. п. от местоимения «она». «Ю» = еѣ.

В этом случае, изменив пунктуацию, мы получаем конъектуру: «Всю ночь съ вечера босувѣ врани

¹³ Шарлемань Н. В. Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве». ТОДРЛ. Т. VIII, М.-Л., 1951, с. 61.

¹⁴ Wollman Slavomir. Slovo o pluku Igorove jako umeleske dilo. Rozpravy CSAV. Ročník 68, sesit 10. Praha, 1958, с. 154.

възгряху. У плѣснь скана болони бѣша, дебрь—киссаню, и несоша ю къ синему морю». Здесь: «босувѣ» — дьявольские (прилаг. им. п., мн. ч. от «бось» — дьявол)¹⁵; «възгряху» — каркали (глагол прош. несов. вр., мн. ч., 3 л. от «възгряти» — каркать; играть, оглушая криком)¹⁶; «у» — предлог «в» (южнорусское наречие); «плѣснь» — плесень¹⁷ (существ. вин. п., ед. ч., ж. р.); «скана» — ткани, затканы (причастие страд., краткое, прош. вр. от глагола «скати—съкати» — ткать золотыми и серебряными нитями)¹⁸; «болони» — низинные луга у реки или озера; выгон; предместье города, околица (существ. им. п., мн. ч., ср. р. от «болони»)¹⁹; «бѣша» — были (прош. несов. вр., мн. ч., вспом. глг. «быти»)²⁰; «дебрь» — в данном контексте — речка, текущая по дну долины (ср.: «На дебри и на воды питія ихъ=на рѣки ихъ и на кладязи ихъ»)²¹; «киссаню» — повиликою (существ. тв. п., ед. ч. от «кисса» (греческ.) = «блюшь, плюшь» — ботан. *Hedera helix* — змеевник, повилика, повитель, повой)²²; «несоша» — унесли, увели (аорист мн. ч., 3 л. глг. «нести» — нести, уводить)²³.

Перевод: «Всю ночь с вечера дьявольские вороны каркали. В плесень затканы поречья были, речка — повиликою, и унесли ее к синему морю». Как видим, не вороны неслись к морю, а луга—поречья в своих «ладонях» унесли речку к синему морю. Ближайшей к Киеву речкой на оболонье была р. Сетомль, берега которой были поросшие лозняком, далее переходящим в Дорогожицкое болото. Об этом довольно точно говорят летописные записи: «Приде Володимѣрь Галичской къ Олговѣ могылѣ такоже и Дюрги приѣха к нему... и ту ся цѣловаша не съсѣдающе с копий у Сѣтомля на болонь»²⁴. «(Изяславъ) поиде полки къ Киеву, и пришед-

¹⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958, т. I, стб. 158. Далее — СДРЯ (М. С.).

¹⁶ СДРЯ. Т. I, стб. 348 и 586; Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1956, с. 391. Далее — ТС (М. С.).

¹⁷ СДРЯ. Т. II, стб. 977.

¹⁸ СДРЯ. Т. III, стб. 367—368.

¹⁹ СДРЯ. Т. I, стб. 145—146.

²⁰ Смирновский П. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка, изложенная сравнительно съ русскою. М., 1911, изд. 14, с. 91.

²¹ СДРЯ. Т. I, стб. 766.

²² СДРЯ. Т. I, стб. 122 и 1210; ТС. Т. II, с. 132.

²³ СДРЯ. Т. II, стб. 426.

²⁴ Ипатьевская летопись под 6658 годом.

ши стаха на болоньи в лозяхъ противу Дорогожичю»²⁵. Дорогожичи находились несколько ниже Кирилловского монастыря: «Сняшася братья Вышегородѣ, и пришедше стаха на Дорогожичи подь святымъ Куриломъ»²⁶. Таким образом, о речке (ручье) Киянке речи не может быть. Долина Киянки, протекавшей между Детинкой и Замковой горами (пр. берег) и Копыревым концом склона горы Щакицы, была, как и берега Глубочицы, застроена поселенцами, не говоря уже о Подоле, через который протекала Глубочица и впадала в «ручай» Почайну в его пределах²⁷.

Исходя из вышеизложенного, мы предполагаем, что ни названия города (урочища) «Плѣсьска», ни названия ручья «Киянки» в «Песне о полку Игореве» — не существуют.

В «мутном» сне Святославу под лунным светом снились поречья Сетомля и, возможно, Иорданского ручья. Но, грава, сканая серебром росы, казалась ему покрытой плесенью, а речушка Сетомль — затянутой повилкой. Ни вещие, ни серые, а дьявольские вороны не давали покоя Святославу. Вороний грай обычен для утра или вечера. Ночной грай — зловещая примета. «Есть заговор от воронья граянья, как от озёва зловещей птицы». (Озёв — слез, порча, напущенная болезнь)²⁸. Вороны, обычно гнездящиеся в пригородах и парках города, в мае (на юге) в июне-июле (на севере) докармливают птенцов, которые только начинают вылет из гнезд, и нигуда уноситься не могут²⁹.

Немиза — Немига

В части «Песни» о Всеславе Брячиславиче, князе полоцком (1044—1101), трижды упомянуто это название. В двух случаях речь явно идет о гидронимах: а) «На Немизѣ снопы стелють головами...»; б) «Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни...». Что касается третьего упоминания: «...скочи влѣкомъ до Немиги съ Дудутокъ», — оно, как и летописное известие о войне Все-

слава с Ярославичами, когда «братья взяша Мѣньскъ, исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты, и поидоша к Немизѣ»³⁰ — далеко не означает, что Изяслав, Святослав и Всеволод, разгромив Минск, пошли к реке Немизе. Как поселение Дудutki, так и Немиза—Немига, здесь являются пунктами наравне с Минском: Дудutki и Минск — исходными, Немига—Немиза — назначения, следовательно, — населенным пунктом. Река, как в географическом, так и в военном смысле — понятие линейно-пространственное и точкой randevу служить не может. Это обстоятельство исследователями «Песни» не учитывалось.

Основной конъектурой Немизы является один из притоков реки Свислочи, в частности — непосредственно в Минске³¹. В пределах города Минска есть ручеек и даже сегодня минчане часть поселка у него попросту именуют Немигой. Но это явно дубль-имя более позднего происхождения, привнесенное переселенцами, возможно после событий марта 1068 г. (см. примеч. 29), или после 1116 г., когда Орша со всей властью отошла к Смоленскому княжеству³², возможно и позднее.

Повторение идентичных названий речек в пределах бывшего Полоцкого княжества — не диковинка. Например: речки с названием Уша — три — л. пр. р. Немана; пр. пр. р. Березины; л. пр. р. Вилии. Уса — две — пр. пр. р. Немана и пр. пр. р. Березины. Тезкой р. Свислочи является л. пр. Немана — река Свислочь и пр. Если допустить, что правы белорусские археологи, предполагающие «Мѣньскъ» 1067 г. на притоке Птичи реке Мень «возле деревни Городище Щемыслинского с/с», где «имеются остатки... комплекса древних поселений» VIII—XI ст.³³, значит, необходимо признать, что на месте слияния Немиги со Свислочью в это время существовал город Немиза?, то есть — на месте современного Минска. Каким же образом совместить тогда наличие города Немизы наравне с городом Минском в статье: «А се имена всем градам Руским, дальним и ближним» в Комиссионном списке Новгородской I летописи (1387—1392 гг.)³⁴?

²⁵ Ипатьевская летопись под 6658 годом.

²⁶ Там же, 6679 г.; Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва. К., «Наукова думка», 1972, с. 147—151.

²⁷ Зорин А. Д., Кутовой А. И., Розенберг В. А. О воссоздании облика древ. Киева. — «Строительство и архитектура», 1971 № 6, с. 17. Карта-реконстр.

²⁸ ТС. Т. I, с. 391, и т. II, с. 660.

²⁹ Жизнь животных. Т. 5. М., «Просвещение», 1970, «Птицы», с. 585—586.

³⁰ ПСРЛ. Т. I, с. 167.

³¹ «Слово о полку Игореве» — поэт. переводы и перел. М., 1961, с. 332;

³² Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 2. Минск, 1972, с. 84—85.

³³ Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 2. Минск, 1972, с. 82—84.

³⁴ Новгородская I-я летопись, с. 476, л. 23 об.

Комментируя местонахождение реки Немизы, исследователи «Песни» до сих пор не ставили перед собой этого вопроса. Именно этот вопрос лишает всякого основания отождествлять Немизу из «Песни» и летописи с трехкилометровым ручьем Немигой, впадавшим в Свислочь в пределах города Минска.

При определении макрорайона местонахождения города и одноименной речки Немизы-Немиги, упомянутых, по нашему мнению, в Летописи и «Песне», следует также учитывать следующие обстоятельства:

а) принимая за истину, что местечко Дудutki находилось вблизи Новгорода, нельзя забывать — от Минска до Новгорода около 650 верст. Гонец с вестью о падении Минска мог преодолеть это расстояние на сменных конях, или с поводным конем за 8—9 дней. Войска Всеслава—двигаясь со скоростью 45—50 верст в сутки — за 13—15 дней, не менее;

б) что могли делать войска Ярославичей 21—24 дня в разграбленном и сожженном городе в февральскую стужу? Разумеется, отослав с конвоями полон и обозы с трофеями, они двинулись на Новгород: «...и поидоша к Немизѣ». Значит, во-первых — войска в Минске не остались; во-вторых — Немиза (город и речка, на которой он стоял) находилась на пути из Минска на Новгород Великий;

в) узнав о падении Минска и движении войск Ярославичей к Новгороду, Всеслав постарался как можно скорее достичь пределов своей земли, чтобы защитить ее от разорения и пополнить войска: сражаться предстояло с силами трех князей. Ярославичи спешили захватить Всеслава за пределами Полоцкой земли. Следовательно, встреча состоялась далеко за пределами Минского удела и искать Немизу в... Минске, по меньшей мере, бесполезно.

Своеобразным индикатором служит и сам список городов. В нем Немиза находится в списочном соседстве с одной стороны — с Друцком, с другой — с Оршей: «...Березуескъ, Дрютескъ, Немиза, Рша камень, Горволь...», то есть с городами, которые уже в XII веке вошли в состав Друцкого удела — княжества. Друцкое княжество находилось в бассейне верхнего течения правого притока Днепра р. Друти с центром в городе Дрютескъ (Друцк)³⁶. Археологические остатки Друцка находятся у одноименной деревни в Толочинском районе Витебской области на правом

берегу р. Друти³⁶. Следовательно, город Немиза и одноименная речка, на которой он стоял, находились не у Минска или в Минске, как утверждали исследователи «Песни» (Ржигга, Шамбинаго, Маслов и другие), а в пределах Друцкого удела, точнее — в верховьях бассейна р. Друти, по-видимому, в пределах Оршанской возвышенности, возможно, на левом притоке р. Друти, сейчас безымянном и пересохшем, между населенными пунктами Озерцы и Коханово вверх по течению. (Ср. гидронимы в басс. р. Друти—Неропля, л. п. Друти—Греза).

Структурно название города и реки происходит, как и многие топонимы полоцкого ареала из сочетания «не+основа» — Не+миза (мига), (Ср.: Не+хвороща, Не+ропля озеро, Не+ресна река, Не+даль поселение, Не+ключово поселение и пр.), и происходит, очевидно, от глагола «мизати—мигати» — мигать (ср.: «Не смигни!» — «гляди зорко»)³⁷.

Само название города указывает на вероятность принадлежности Немизы к городкам-заставам полоцко-смоленского пограничья.

Косвенным подтверждением такого вывода может служить тот факт, что после поражения у Немизы 3 марта 1068 года Всеслав бежал к Полоцку, а Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи не преследовали его, хотя битва была жестокой и «падоша мнози». Видимо, тогда же была оккупирована Рша-Орша — полоцкий город, так как именно на «Рши юу Смоленска, преступивше крестъ», Изяслав «яша Всеслава» 10 июня 1068 года, «приведе Всеслава Киеву, и высадиша и в порубъ съ двѣма снѣкома»³⁸. Это значит, что после боя на Немизе Ярославичи дислоцировались в ближайшем оккупированном опорном пункте — Орше. Зная силу Всеславовых дружин и его полководческий талант, братья предпочли сыпать на его доверии. Изяслав вероломно арестовал Всеслава в своем шатре с двумя сыновьями-подростками и заточил в поруб.

Глубоко уважая мнения наших предшественников, мы все же позволим себе высказать предположение, что город «Плѣсньскъ» в тексте «Песни о полку Игореве» констатирован ошибочно, благодаря случайному созвучию и неверно понятому первоиздателями словосочетанию «уплѣсньсканаболони», отчего произошла ошибка при его разбивке

³⁶ Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 2, Минск, 1972, с. 84—85.

³⁷ ТС. Т. II, с. 325; СДРЯ. Т. II, стб. 134.

³⁸ ПСРЛ. Т. II, стб. 156.

на слова, вызвавшая многолетнюю полемику исследователей «Песни» относительно трактовки «Плѣснѣска».

Видимо невниманье стало причиной факта, что название города — заставы Полоцкого княжества — Немизы вышло из поля зрения исследователей, хотя этот город, по нашему мнению, назван в «Песне» и в статье Ипатьевской летописи под 1067 годом в связи с разгромом Всеславом Новгородца, а Ярославичами — Минска.

Литературная и историческая судьба незаслуженно принесла в «Песнь» имя города Преснеска, так же незаслуженно предав забвению имя древнерусского города-заставы Немизы.

Таково наше мнение о судьбе двух древнерусских городов в истории долголетних исследований «Песни о полку Игореве».

М. Т. СОКОЛ ТОПОНИМ «МОРЕ»

В «ПЕСНЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Термин 'море' употреблен в «Песне о полку Игореве» 13 раз, но только дважды (?) с уверенностью можно сказать, что здесь он означает собственно понятие 'море': «Се бо Готскія красныя дѣвы вѣснѣша на брезѣ синему морю» и в обращении Ярославны к ветру — «...лелѣючи корабли на синѣ морѣ». Другие упоминания слова «море» относятся исследователями к озерам или Азовскому морю, в том числе и летописное выражение «а прочии въ море истопаша» из Ипатьевской летописи под 1185 годом, в рассказе о походе Игоря на половцев.

Н. В. Сибилев² и К. В. Кудряшов³ отождествляют, например, летописное упоминание моря с солеными озерами у Славянска; Б. А. Рыбаков — с Азовским морем⁴. Факт, что большие озера в древности называли морями — не новость,

¹ Все выдержки даются по фотоконии «Слова о полку Игореве», изд. 1800 г. (экземпляр «Я»). См. Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.-Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 77—132.

² Сибилев М. В. Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігора Сіверського. — «Археологія». Т. IV. К., 1950, с. 111.

³ Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948, с. 72—73.

⁴ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., «Наука», 1971, с. 256.

например, Ладожское озеро — Русским морем. Мы знаем и обратное, когда море называлось озером, например, — Азовское море древние называли Меотис палус — озеро Меотида.

О том, что в большинстве случаев под термином «море» автор «Песни» имел в виду понятие «большое озеро», говорит с полной определенностью то обстоятельство, что все события, с которыми связано его упоминание, происходят у Дона — Северского Донца — «въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи». Кроме того, в памятнике есть фраза, которая без всякого сомнения решает вопрос, что «море» — включает в себе понятие — 'большое озеро'. Вот эта фраза: «А поганого Кобыяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ, яко вихрь выторже и падеся Кобыакъ въ градъ Кіевъ, въ гридницѣ Святъславли». Н. К. Гудзий, В. И. Стеллецкий⁵ соединяют два слова «луку моря» в одно и переводят «Лукоморье». Такого же мнения придерживались русские поэты А. Н. Майков, Н. И. Алябьев; советские поэты И. А. Новиков, Н. Заболоцкий, Л. Тимофеев, Г. Шторм, С. Шервинский, С. Ботвинник и другие⁶. Но в древнерусском языке слово «лукоморье»⁷ существовало самостоятельно, как и слово «лука»⁸ — изгиб, кривизна. (Ср.: «Суть в лукоморіи горы, и высота ихъ до нбсь». Переяславская л-сь, 6599 г.)⁹. Речь в комментируемом отрывке идет о событиях на левобережье Днепра в междуречьи Орели и Самары, где в сражении с половцами 30 июля 1183 года Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич с «околниѣ князи» разбил и пленил Кобыяка. Войска Святослава и других князей, спустившись по Днепру, «ста тоу, идеже нарѣцається Инжирь (Х.П. — Иньжирь) бродъ, и тоу перебродися на ратьную (вражескую, то есть левую — М. С.) сторону Днепра и е. (5) дни искаша ихъ. Следовательно, если битва произошла 30, войска высадились и перебредали Днепр 25 июля 1183 года. 30, видимо с утра, Владимир Глебович, князь переяславский во главе «молочъшеѣ князѣ» погнался за половцами, но, «не постигыше, возвратишася Роусь, и

⁵ Гудзий Н. К., Стеллецкий В. И. «Слово о полку Игореве». М., 1955, с. 38 и 57.

⁶ «Слово о полку Игореве». Поэтические переводы и переложения. М., 1961, с. 39 и далее по оглавлению.

⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. Спб., 1895, стб. 52. Далее — СДРЯ.

⁸ Там же, стб. 50.

⁹ Там же, стб. 52.

стояша на мѣстѣ, нарѣцаемемъ Ерель его же Роусь зоветъ Оуголь. Половецкий же князь Кобякъ, мнѣвъ только Роуси, возвратися и погна во слѣдъ ихъ. Идоущим же имъ по нихъ, оузрѣша полци Роустѣи, начаша ся стрѣляти о рѣкоу и начаша межи собою перепонити и бысть имъ того на долзѣхъ».

Услышав о стычке, Святослав пустил на помощь главные силы. «Яко же оузрѣша Половци помочныя полки, абѣ лоскочиша. Роусь... вѣвѣртѣшася в нѣ и начаша ѣ сѣчи, имати... и тоу яша Кобяка Карлыевича со двѣма снума...»¹⁰.

«О, Днепре славутицю! Ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобякова...» — устами Ярославны существенно добавляет летописный рассказ автор «Песни». Значит, рати Святослава, Рюрика и их союзников спускались по Днепру в носадах, а конница — вдоль реки по тракту до Инжирь брода, скотопротогонного брода на Днепре, о чем говорит его древнетюркское название: «in» — широкий; лежище, берлога; плечо¹¹; «ш ĭ r» — место, совершенно потравленное скотом (киргиз., куман., казах. наречия)¹². (Ср.: украинское — толока — потрава скотом на корню и вытолоченье трав, полей; выгон, пастбище, поскотина)¹³.

В районе Надпорожья Инжирь броду мог соответствовать только один — Протолчанский брод в пределах левого притока Днепра речки Протовчъ (Протолчъ), южнорусское название которого синонимично древнетюркскому. Здесь Днепр расчленился на многие протоки, широкие, но мелкие, косами и песчаными островами, резко снижая скорость течения благодаря широкой пойме и незначительному уклону местности и резко мелел летом. А речь идет о конце июля, самом жарком месяце лета. Следует заметить, что именно здесь, ниже Романова острова на карте Бопплана (XVII в.) указана *Przerpawa Tatarska* — Татарская переправа, а на Генеральной карте 1751 г. означены Романовский и Протолчанский редуты, последний из которых был построен в створе Протолчанского — Татарского — древнего Инжирь брода¹⁴, на высоте у р. Протовчи (Протолчи) в пре-

делах современного г. Обуховки Днепропетровского района, над правым берегом р. Протовчи. Конечно, редут был сооружен для защиты переправы. Протовчъ впадала в Днепр против о. Пастышного. Сейчас, почти по всей ее длине прорыт Орельский канал, а остальное русло прослеживается цепочкой стариц. Между устьем р. Орель, Днестром и р. Протовчъ располагался остроугольный клин низинных заливных пастбищ. Видимо, именно это место, а не р. Орель, как утверждал К. В. Кудряшов¹⁵, имел в виду летописец, когда сообщал, что «не постигше (половцев. — М. С.), возвратишася Роусь, и стояша на мѣстѣ, нарѣцаемемъ Ерель его же Роусь зоветъ Оуголь». По-древнетюркски Ерель обозначало 'земля племенного союза', где: «j e g» — «йер» — земля, место, страна¹⁶; «e I» — «ел» — племенной союз, народ¹⁷.

Река, через которую «начаша ся стрѣляти»¹⁸ половцы Кобяка и полки молодых князей во главе с Владимиром Глебовичем, скорее всего, река Кильчень (пр. приток Самары Днепропетровской). Очевидно, свое название Кильчень получила за свою узкую долину спокойной степной реки от древнетюркского «gilic» — «килич» — меч, сабля¹⁹, + «e n» — «ен» — ширина²⁰. От нее русские погнались половцев. Отступать половцы могли только в сторону р. Самары, стараясь скрыться в лесах Самарской луки: слева у них был Днепр, перед фронтом — русь, справа — открытая степь. Только тылы половецкие — Самарская лука с озером Солёный Лиман в центре и прилегающими к нему болотами и озерами Заиминским, Стадницким, Колодуватое, Солыло и др., урочищами Зеленая Дубрава, Лиманы, Липнянское, Большой козиный лес и пр. — оставались свободными для отступления и надежными для укрытия. Другого «луку моря» вблизи места Ерель, которое русские звали Углом, в описанном районе нет. Именно из Самарской луки, окружающей «море» — озеро Солёный Лиман, Святослав «поганаго Кобяка... яко вихрь выторже». Как видим, ни о каком лукоморье речи быть не может.

Логичен вывод: кроме собственно моря, под этим словом автор «Песни» подразумевал и понятие 'большое озеро'.

¹⁰ Полное собрание русских летописей, т. II. Ипатьевская летопись. Изд. Восточной литературы. М., 1962, стб. 631—632. Далее — ПСРЛ, т. II.

¹¹ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. Спб., 1893, кн. 2, стб. 1438.

¹² Радлов В. В. Указ соч., т. IV, кн. I, стб. 1070. Далее — ОСТН.

¹³ ТС. Т. IV, с. 413.

¹⁴ См. Кордтъ В. Материалы по истории русской картографии. Вып. II, Киев, 1910, л. IX; Генеральная карта отъ Киева по р. Днѣпру до Очакова и по степи до Азова..., 1751 г., масштаб 1 англ. дюйм = 32 версты.

¹⁵ Кудряшов К. В. Указ. соч., с. 96—99.

¹⁶ Древнетюркский словарь. Л., «Наука», 1969, с. 257. Далее — ДТС.

¹⁷ ДТС, с. 168.

¹⁸ ПСРЛ, т. II, стб. 632.

¹⁹ ДТС, с. 442.

²⁰ ДТС, с. 173.

И. И. Срезневский прямо констатировал: «Въ Латинскомъ средне-вековомъ языке сл. *шаге* (море — *М. С.*) употреблялось такъ же, какъ и въ смысле озера, даже озерца...», а под словом «море» в «Материалах...» ставил понятие «озеро»²¹.

На наш взгляд, совершенно иной смысл заключен в слове «морѣ», не имеющий отношения ни к морю, ни к озеру, в следующей фразе. «На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыва: по Рускои земли прострошася Половци, аки нардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови». Исследователи считают почему-то это место испорченным переносчиками и, чтобы прояснить смысл, предлагают делать перестановки в тексте. Например, Н. К. Гудзий и В. И. Стеллецкий, изъяв подчеркнутую часть предложения, относят ее к предыдущей фразе: «...Олеги и Святъславъ тѣмою ся поволокоста, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови»²².

Д. С. Лихачев еще больше усложняет перестановку: «Темно бо бѣ въ г. день: два солнца помѣркоста, оба багряная стѣла погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тѣмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыва: по Рускои земли прострошася Половци, аки нардуже гнѣздо, (+ — +) и великое буйство подасть Хинови»²³.

На наш взгляд, такие «хирургические» вмешательства в текст памятника не только неправомерны, но и недопустимы: они не только не исправляют, а, скорее, искажают текст.

«Винновником» подобных конъектур стал глагол «погрузиста» (аорист, дв. ч., 2—3 л.). Мы думаем, что именно в этом слове и кроется ошибка, допущенная первоиздателями при разбивке текста на слова. Видимо, в подлиннике было написано «погрузиста»; поэтому правомерно разбивку сделать с учетом надстрочной буквы «с» под гитло, означающей слог «ся», а «та» — не что иное, как указательное местоимение им. п., ед. ч., ж. р. Следовательно, глагол «погрузися» совместно с местоимением «та» относит-

ся к Русской земле, как и следующий глагол «подасть» — (ед. ч., 3 л., арх. спряжения, изъявит. наклон.)²⁴.

Исходя из указанного предположения, мы предлагаем следующую конъектуру: «На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыва: по Рускои земли прострошася Половци, аки нардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузися та, и великое буйство подасть хинови».

Слово «хинови» мы переводим во всех случаях его употребления в «Песне» от древнерусского «*gŕin*» — «*xŕil*» — «кни-хн» — мучение, пытка; кара, наказание» («Хинови» — дат. п., ед. ч.).

Под лексемой «морѣ» в данном контексте мы предлагаем «морѣ» — смертельную болезнь, напущение, моровую смертную заразу, язву²⁵ — существительное от глагола «морити» — напущать, умерщвлять. («Морѣ» — местн. п., ед. ч., 2-го тверд. склонения, м. р.).

В нашем случае перевод фразы дословно прозвучит так: «На реке на Каяле тѣма свет покрыва: по Русской земле простерлись половцы, как гелардов выводок, и в изнурении томила она, и великую смелость позволила мучителю (Кончаку)». Глагол «подасть» здесь имеет значение «позволить» (ср.: «О твоемъ монастыри и твоихъ братіяхъ послѣжде напишемъ, понеже нынѣ время не подасть»)²⁶. О том, что Кончак был изуверски жесток, говорит уже одно определение летописца: «Пошеяъ бѣше окаяныи и безбожныи и трескаятъ Кончакъ...» (Ип. л., 6692 г.) «...ищяща дѣломъ и правомъ сотошнымъ, именемъ Кончакъ, злоу начальникъ... бгостеудити Кончакъ... ирѣхавше к Переславлю... много зла створи крѣстьяномъ, бѣхъ избѣнниа, а иныи избѣниа, множаніи же избѣниа мѣстѣхъ» (6687 г.). Ни одному половецкому князю, кроме Кончака, не давалась русскими летописцами такая неблагоприятная характеристика. О том, что «поганый же Половци побѣтѣише Игоря с братьею, и взяша гордость великую, и скоумша весь языкъ свои на Рускою землю...»²⁷, летописец так же не преминул упомянуть. Словом «морѣ» автор «Песни» подчеркнул весь трагизм событий, последовавших вслед за разгромом Игоревых

²¹ СДРЯ. Т. II, стб. 174.

²² Гудзий Н. К., Стеллецкий В. И. Указ. соч., с. 40 и 58.

²³ «Слово о полку Игореве». Под ред. Лихачева Д. С. Л., — Вена. 1971, с. 52 и 56.

²⁴ Смирновский П. Грамматика др. с.-с. яз. М., изд. 14, 1911, с. 92.

²⁵ ДТС. с. 444 и 637.

²⁶ СДРЯ. Т. II, стб. 175; ТС. Т. II, с. 347.

²⁷ СДРЯ. Т. II, стб. 1031.

²⁸ ПСРЛ. Т. II, стб. 646.

войск, когда Кончак и Гза ринулись на беззащитные русские княжества. Северские войска были разгромлены, а князья пленены; великий князь киевский Святослав Всеволодович «шелъ бяшетъ в Корачевъ, и сбирашетъ от вѣрхънихъ земель вой, хотя ити на Половци к Донови на все лѣто»²⁹; его сопроводитель Рюрик Ростиславич тоже ничего не знал о походе Игоря, хотя и находился в Киеве. Ни Переяславское, ни Киевское, ни Новгород-северское княжества не ждали набегов половцев после разгрома Кобыяка 10 июля 1183 г. и самого Кончака — 1 марта 1185 г.³⁰, а также захвата всея половецких Романом Нездидовичем «мсца априля, въ ка. (21) на самыи великъ днь»³¹ 1185 г.

Были разгромлены города по Суле и Роси, осажден Переяславль, разгромлено Посеймье, пожжен острог у Путивля «и бысть скорбь и туга люта, якоже николи же не бывала... по всей волости Черниговской...»³². Кончаку было чем гордиться: так отомстить русам за набеги на Половецкую землю не удавалось ни одному хану ее. И это «буиство подасть хинови» — Кончаку, действительно, сама Русь в лице заносчивого и самонадеянного Игоря Святославича.

Что касается князей — участников похода, то, как известно, ни один из них не погиб и в «море» не погружался: «Игоря же бяхуть яли Тарголове, моужь, именемъ Чилбоукъ, а Всеволода, брата его, ялъ Романъ Кзичъ, а Стослава Олговича Елдечюкъ въ Вобюурцевичихъ, а Володимера Копти въ Оулашевичихъ»³³. Дело в том, что боевые действия Игоря Святославича в апреле-мае 1185 года на Половецкой земле и последовавшие затем действия Кончака и Гзы — на Русской земле происходили в сотнях километров от Азовского и Черного морей. Игорь сражался и был разбит половцами в Придонецких степях (по нашим выводам — в пределах трех речек Балаклеек и озера Большой Лиман в междуречьи Оскола и Северского Донца — летописного Дона, на землях Шевченковского, юга Чугуевского, северо-запада Балаклейского и юга Змиевского районов Харьковской области, УССР³⁴).

Кончак промил Переяславское и Киевское, а Гза — Новгород-Северское княжества.

Ни на указанной территории Половецкого Поля, ни в пределах названных выше русских и северских земель в обозримом прошлом никаких морей не существовало.

Таким образом, слово «море» в тексте «Песни о полку Игореве», в зависимости от обстоятельств, означает понятия 'моря, озера, и, возможно, плес реки'.

Что касается выражения «и въ морѣ погружиста», как показано выше, ни о каком море в смысле водного бассейна здесь речи быть не может. Недоразумение произошло от ошибочной, на наш взгляд, разбивки текста и прочтения данного места первоиздателями памятника. Это и привело к разным толкованиям фразы исследователями, вплоть до ненужных перестановок, которые не столько проясняют, сколько «затемняют» историческое содержание, и смысл художественных образов памятника не только в данном случае, но и в других местах «Песни». Однако это — иная тема и разработка ее не входит в данном случае в нашу задачу.

²⁹ ПСРЛ. Т. II, стб. 645.

³⁰ Там же, стб. 636.

³¹ Там же, стб. 637.

³² Там же, стб. 645.

³³ Там же, стб. 644.

³⁴ Статья автора «Историко-географические аспекты похода Игоря Новгород-северского на половцев в 1185 г.» принята к публикации Отделом исторической географии Института истории АН УССР.